

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-228-338>

<https://elibrary.ru/NVFSEC>

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NonCommercial 4.0
(CC BY-NC)

© 2024 г. В. Рудич

СОКРАТ В БАКУ: ПРОЛЕГОМЕНА К ПЕДАГОГИКЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Аннотация: В статье впервые публикуется письмо Вяч. Иванова к его бывшей студентке Нине Александровне Гуляевой, написанное на древнегреческом языке (1925 г.). Установление адресата и комментарий к письму потребовали обращения к обширной и, по большей части, неопубликованной, переписке с ним его оставшихся в Баку учеников, в первую очередь В.А. Мануйлова, Е.А. Миллиор, К.М. Колобовой и М.С. Альтмана. Этот материал дает возможность глубже очертить значение бакинского периода (1920–1924) в душевной и творческой биографии Вяч. Иванова, особенности его преподавательской активности как профессора по кафедре классической филологии Бакинского государственного университета. Его педагогическая практика не была ограничена лекциями и семинарами, но подразумевала интенсивное общение со студентами вне учебного процесса и во многом отражает эллинское учение о воспитании (παιδεία), предполагавшее целостное и личностное вовлечение обеих сторон в образовательное действие. Доступная документация (письма, дневниковые записи, воспоминания) позволяет реконструировать отношения профессора и его студентов. Проведено сопоставление сходства и различия, характерных как для сократо-платоновской дидактики, так и для наставнических приемов (а также стилия поведения) Вяч. Иванова, в том числе, при трансляции отвлеченных философских понятий (включая «философию эроса») в практические рекомендации из области этики. И в том, и в другом случаях целью служило формирование суверенной личности, способной к подлинной любви, осознанию высокого назначения человека за пределами эмпирического опыта и социально конструктивной — античной или новейшей — версии «калокагатии».

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, Сократ, Платон, платонизм, педагогика, этика, пайдэя, калокагатия, трансцензус, эрос.

Информация об авторе: Василий Рудич — доктор философии, в 1984–1995 гг. профессор античной истории и классической литературы в Йельском

университете, Йорк-стрит, 100, апартаменты 11М, Нью Хейвен, Коннектикут 06511, США.

E-mail: vasily.rudich@gmail.com

Для цитирования: Рудич В. Сократ в Баку: Прологомена к педагогике Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 228–338. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-228-338>

© 2024. Vasily Rudich

SOCRATES IN BAKU: PROLEGOMENA TO THE PEDAGOGIC OF VYACHESLAV IVANOV

Abstract: The essay opens with the first publication of Vyacheslav Ivanov's letter of 1925, written in ancient Greek at Rome, and addressed to his former student in Baku, Nina Aleksandrovna Guliaeva. In order to identify the addressee and comment on the letter's contents, it was imperative to inquire into extensive, and largely unpublished, correspondence with him on the part of his former students left in Baku, primarily, V.A. Manuilov, E.A. Millior, K.M. Kolobova and M.S. Altman. This material allows for a deeper exposition of the important role the Baku period (1920–1924) played in his creative and spiritual biography, and likewise — regarding the specifics of his academic activities as Professor of Classical Philology at Baku State University. It becomes clear that his pedagogical practice had not been limited to his lectures, and seminars, but it comprised an intense communication, outside the classroom, with individual students, variously reflecting the so-called *paideia* (παιδεία), the Hellenic concept of edification, which implied the wholesome and personal involvement on both sides in educational action. The available documentation (letters, diaries, recollections) permits a reconstruction of the relationship between the Professor and his students as well as juxtaposition of similarities and differences, explicit in the Socratic-Platonic didacticism and/or in Vyacheslav Ivanov's teaching methods (as well as his personal style of conduct) — especially, the translation of abstract philosophical ideas (among them, “the philosophy of eros”) into practical precepts in the realm of ethics. In both cases it aimed at the formation of a sovereign personality: endowed with capacity for authentic love, with the recognition of the human destination in transcending the empirical, and socially constructive — an ancient or the latest version of “*kalokagathia*”.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Socrates, Plato, Platonism, pedagogics, ethics, *kalokagathia*, *paideia*, *transcensus*, eros.

Information about the author: Vasily Rudich, PhD, in 1984–1995 Professor of Ancient History and Classics at Yale University, 100 York St. Apt. 11M, New Haven, Ct. 06511, USA.

E-mail: vasily.rudich@gmail.com

For citation: *Rudich, V. "Socrates in Baku: Prolegomena to the Pedagogic of Vyacheslav Ivanov." Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i Materialy [Vyacheslav Ivanov. Research and materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 228–338. (In Russ.)*
<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-228-338>

I

В мае 1925 г. Вяч. Иванов написал письмо на древнегреческом языке своей бывшей бакинской студентке Нине Александровне Гуляевой (1898–1980).

Дражайшая содружница моя, — содружеством¹ я именую таковое влюбленных в древнюю Элладу — как обстоят Ваши² дела, в чем прекрасном ныне упражняетесь? Я же либо предавался размышлениям о божественном и занимался среди римлян словоприемием (горькое это и трудное дело)³, либо отдавался созерцанию искусства⁴, целиком достойного подражания и исполненного Граций⁵, либо так или иначе посвящал мой досуг Музам в городе Муз итальянских и неколебимо усердствовал касательно эллинских дел.

¹ Θιάσος, *thias* — термин, изначально означавший экстатическую процессию женщин-вакханок. В.И., разумеется, не предполагал участия своей корреспондентки в оргийной вакханалии и соответственно разъяснил, в каком именно смысле он употребляет это слово.

² В древнегреческом языке отсутствует вежливое обращение на «Вы», поэтому В.И. был вынужден использовать местоименные и глагольные формы 2 л. ед. ч. Обращение на «ты» к студентам, тем более к молодой женщине, не допускалось; в этих случаях данный перевод следует нормативной русской речи.

³ Здесь, очевидно, имеются в виду безуспешные хлопоты В.И. по созданию Русского Института в Риме — официальная цель его «командировки».

⁴ В оригинале — «живописал», «рисовал». Насколько известно, склонностей к этому рода занятиям В.И. не проявлял. Древнегреческий язык не знал понятия «искусствоведение» и соответствующего слова. Однако выбранный автором письма глагол ζωγράφω мог означать «рисовать в воображении» или нечто подобное; здесь предпочтен вариант перевода, вызывающий аллюзию с представлением, восприятием и изучением произведений искусства.

⁵ В оригинале — «Харит»; в русском употреблении более привычен латинский вариант этого имени.

Φιλκίτατη συνδιασώτᾳ μου, —
 διάβον δὲ λέγον τὸν τῶν τῆς
 παλαιᾶς Ἑλλάδος ἑραβῶν, —
 πῶς δὴ ποτε ὑνὸν πράττεις,
 τί δὲ καλὸν ἀσκεῖς, εἴτε θεο-
 λογοῦδά γε καὶ κατὰ τῶν Ῥωμαίων
 λογομαχοῦσα (ἀλλὰ πικρὸν δὴ τι
 πρᾶγμα τοῦτο μὲν καὶ χαλεπὸν),
 εἴτε ζωγραφοῦσα (ἄξιον ὧν ἁπάντων
 δὲ πάνυ γε τόδε καὶ χαρίτων
 μετόν), εἴτε ἄλλως που ταῖς
 Μουσαῖς σχολάζουσα ἐν τῇ τῶν
 Ἰταλικῶν Μουσῶν ἄδει, ἢ καὶ
 περὶ τὰ ἑλληνικὰ πράγματα
 σπουδάζουσα ἀμεταπτύτως;
 Ἐλπίζω γάρ σε, ἄτε φιλόκαλον
 οὖσαν καὶ εὐρενήν, ἐλευθεριωτάτης

τῆς διατριβῆς τῆςδε καὶ ἀσκήσεως
 ἀσκήσεις πως ἀμελήσεις, ἀλλ' ἐπὶ
 κειμένου θεμελίου καὶ ὀλίγον
 κτίζουσιν διατελεῖν ^{Ῥωμαῖ} καὶ
 πᾶν καλὸν τῆς σοφίας κόσμον.
 Τοῦ δε πιτακιδίου τοῦ ὑφ' ὑμῶν
 τῇ τοῦ ἁγίου Παύλου ἐορτῇ συνεορ-
 τάζουσιν ἡμεῖς πεμφθέντος ἐγώ τε
 καὶ οἱ οἰκετοί μου σοὶ καὶ τῇ τι-
 μιωτάτῃ μητρὶ σου καὶ τῇ γενναί-
 οτάτῃ ἀδελφῇ σου χάριν ἔσμεν
 πολλὰ καὶ χαίρειν ἐμῶς κελεύ-
 ομεν ἀνταποκρίσμενοι. Ἐρρωσο οὖν
 καὶ τοῦ χροστού σου διδασκάλου
 μέμνησο.

Вячеслав Иванов

ἐν Ῥώμῃ
 τῇ 2. Μαΐου
 1925.

Вяч. Иванов. Письмо к Н. А. Гуляевой от 2 мая 1925 г.

Автограф. РАИ.

Я надеюсь, что Вы, будучи благо рожденной и любительницей прекрасного, уже более никак не пренебрегаете свободнейшим овладением знаниями⁶ и работой над собой⁷. Я желаю Вам, на уже заложенной первооснове, мало-помалу установить и завершить прекрасный миропорядок Мудрости⁸.

⁶ Вероятно, В.И. имел в виду самостоятельные научные занятия в будущем, отвечая на сообщение своей корреспондентки в письме от 12–15 марта 1925 г. о ее защите дипломной работы, которая «прошла очень хорошо».

⁷ Слово ἀσκήσις означает как «практику», так и «образ мыслей», отсюда — «аскеза».

⁸ В оригинале — «космос Софии». Синтаксис этой фразы сложен и по-русски с точностью не воспроизводим. Смысл, однако, сугубо платоновский — интеллигibleное постижение прекрасного вовне порождает и основанную на мудрости внутреннюю красоту.

Поелику открытка⁹ от Вас была послана нам, когда празднуют святой праздник Пасхи¹⁰, мои домашние и я чувствуем многую благодарность к Вам, Вашей многопочитаемой матушке¹¹ и Вашей благороднейшей сестре¹², и желаем Вам радоваться, обнимая.

Будьте здоровы и вспоминайте Вашего старого учителя.

Вячеслав Иванов,
в Риме,
2 мая 1925¹³

Публикуемое письмо Вячеслава Иванова — единственный известный нам пример в его эпистолярном наследии, написанный на древнегреческом языке. Языком этим В.И., как мы знаем, владел в совершенстве: читал, писал, говорил и, по всей очевидности, думал на нем. (Один из его последних собеседников, эстонский поэт Алексис Раннит, вспоминал высказанное Ивановым в разговоре сожаление о том, что в посмертном существовании он может разучиться говорить, читать и писать по-гречески). Известны несколько эпиграмм (не в современном, но античном смысле этого слова — стихотворений на случай), написанных В.И. на греческом — благодарственных или хвалебных, обращенных к его друзьям и коллегам Г.А. Рачинскому, М.И. Ростовцеву и Ф.Ф. Зелинскому [10; 27]. Пример за последние столетия нечастый: если «неолатинская» поэзия, пусть в скромных размерах, по сию пору продолжает существовать как литературное явление и время от времени публикуется в специальных изданиях разных стран, то о поэзии «неогреческой» этого не ска-

⁹ Πινάκιδιον — в античности — писчая дощечка, покрытая воском, для различных заметок стилосом; здесь, конечно, имеется в виду семейная (употреблено местоимение 2 л. мн. ч. — ὑμεῖν) почтовая открытка Гуляевых Ивановым, должно быть, утерянная.

¹⁰ 19 апреля 1925 г.

¹¹ Нина Васильевна Гуляева, см. ниже прим. 19.

¹² О Лидии Александровне Гуляевой, младшей сестре адресата письма В.И., см. ниже прим. 20.

¹³ Перевод мой. — В.Р.

жешь: современный (новогреческий) язык отличается от древнегреческого радикально¹⁴. Датировка и название месяца в данном письме даны не по аттическому, а по византийскому календарю. Текст занимает лицевую и обратную сторону одного листа бумаги; почерк целиком разборчив.

Само по себе письмо производит впечатление спонтанно написанного, не заранее обдуманного, черновика: в нем имеются исправления трех слов и отсутствует обращение по имени, так что нельзя установить, было ли оно переписано начисто и отправлено адресату¹⁵. Идея описания деталей современной жизни на древнем языке делает в принципе невозможной убедительную имитацию античной эпистолярной практики. Следует добавить, что, в отличие от латинской эпистолографии (обширные корпуса писем Цицерона, Плиния Младшего, Фронтон), дошедшие до нас греческие ее образцы, особенно классического периода, немногочисленны и незначительны¹⁶. Письмо В.И. не содержит традиционного для греков приветствия корреспонденту («такой-то такому-то — радуйся!»); автор употребляет греческие слова для обозначения понятий и предметов, в тогдашнем языке отсутствовавших. Стиль В.И., с привычной для него витиеватостью (на каком бы языке он ни писал), довольно далек от строгой аттической прозы Фукидида или Демосфена, но в нем ощущаются слабые отзвуки лексики Платона: в настоящем переводе сделана попытка передать, насколько возможно, особенности его предпочтений, независимо от избранного языка, в слоге и синтаксисе.

¹⁴ Ермолаева упоминает единственного русского предшественника В.И. — академика Ф.Е. Корша, известного классициста, опубликовавшего сборник под названием “ΣΤΕΦΑΝΟΣ. Carmina partim sua Graeca et Latina, partim aliena in alterutram linguam ab se conversa” (Copenhagen, 1886), включающий 17 стихотворений на древнегреческом, а также переведенные на него с ряда других языков [27, с. 344].

¹⁵ Возможно, какие-то следы этой переписки сохранились в каких-либо Бакинских архивах.

¹⁶ Большая часть таких текстов — позднейшие псевдоэпиграфы, включая так называемые Письма Платона (за возможным исключением Письма 7, этот вопрос дебатруется до сих пор).

Из-за отсутствия в тексте имени адресата личность устанавливается по содержанию и датировке. Это ответ В.И. на письмо Н.А. Гуляевой от 12–14 марта 1925 г., где она сообщает ему среди прочего об успешной защите своей дипломной работы по «Размышлениям» Марка Аврелия и упоминает об одобрительном отзыве его коллеги, известного эллиниста, проф. А.О. Маковельского, особенно похвалившего ее владение древнегреческим¹⁷.

¹⁷ Письмо (РАИ. Оп. 5. К. 3) составляет три с половиной страницы; оно упомянуто в письме к В.И. от 4 апреля 1925 г. его другой бывшей студентки Е.А. Миллиор — впоследствии историка античности и литературоведа, — дружившей с Ниной и Лидией Гуляевыми (особенно близко с последней): «Нина Гул. на днях отправила Вам письмо», ср.: ее же, от 25 декабря 1924 г.: «С Ниной я, конечно, близка по-старому»; от 6 мая 1925 г. (РАИ. Оп. 5. К. 8). В упомянутом здесь письме Нины Гуляевой к В.И., в частности, говорится: «Дорогой Вячеслав Иванович! Шлю Вам свой сердечный привет. Часто, часто Вас вспоминаю. Очень хотелось бы снова увидеться и побеседовать с Вами, а пока в этом письме поделюсь с Вами новостями моей жизни. <...> Защита прошла хорошо и Александр Осипович [Маковельский] хвалил мою работу и когда, между прочим, упомянул о моем знании греческого языка, я вспомнила Вас, дорогой Вячеслав Иванович, и решила еще раз поблагодарить Вас за Ваше внимательное отношение ко всем Вашим ученикам. <...> Теперь мне как-то особенно проявилась моя личность: я поняла, что хочу заниматься наукой, и что, хотя я люблю и педагогическое дело на практике, но оно меня не удовлетворит. Учительство будет дополнением к моим занятиям наукой, а также и трудом, который дает кусок хлеба. Я теперь преподаю русский язык в Учительской Женской Тюркской Семинарии, а также имею частные уроки. Это дело дает мне частые счастливые, хорошие минуты, но наука мне, должно быть, дороже. Я рада, что между моей научной и практической деятельностью есть известная гармония. <...> Наша студенческая компания живет благополучно. Все торопятся сдавать экзамены. Без Вас наша “чаша поэтов” что-то не собирается. Впрочем, один раз Витя читал свою поэму “Часы”. Вас все вспоминают часто, и очень хотели бы, чтобы Вы были с нами. <...> Очень бы хотелось, дорогой Вячеслав Иванович, что-нибудь узнать о Вашей жизни, а также о Лидочке и Диме. <...> Быть может, найдете минутку и напишете мне открытку. А если нет, то все же не забывайте любящую Вас Вашу ученицу». Очевидно, молодая женщина не только испытывала научные интересы, но и обладала исследовательским потенциалом (ее «блестящий реферат» упоминается в дневнике Миллиор, запись от 16 марта 1922 г. [54, с. 10]). Однако, в отличие от ряда учеников В.И., в том числе, своей сестры Лидии, по каким-то причинам Нина Гуляева не приступила к академической карьере, ограничившись преподаванием и опубликовав книгу «Работа классного руководителя» (Баку, 1940; сообщено А.Л. Соболевым). Дневник

Возможно, именно это последнее обстоятельство побудило ее «старого учителя» ответить на древнегреческом.

Нина Александровна Гуляева (1898–1980) — старшая дочь Александра Дмитриевича Гуляева (1870–1935)¹⁸, историка фило-

ее выложен на сайте <https://corpus.prozhito.org/person/1855>, но, к сожалению, недоступен. Нина Гуляева писала стихи, рисовала акварелью пейзажи и цветы; многие ее рисунки сохранились. На основе доступных скудных данных о ней трудно составить представление о ее личных качествах. Цитированное выше ее письмо к В.И. и по сдержанной интонации, и рутинному словарю сильно отличается от пылких письменных излияний его «избранных» учеников (и даже ее сестры Лидии), о которых ниже: надо полагать, не случайно Е.А. Миллиор называет ее в дневнике «невиннейшей» [54, с. 24]. При этом, записи и письма ее свидетельствуют о взаимной симпатии учителя и этой его ученицы; уже после отъезда В.И. две подруги обсуждают огромную роль, которую сыграла в их жизни встреча с ним (письмо Е.А. Миллиор к В.И. 6 мая 1925 г.); ср.: «Нина очень любит [В.И.], но идет своим путем» (письмо Миллиор к В.А. Мануйлову, от 13 августа 1924 г. [14, с. 637]). Нина Гуляева присутствует на известной коллективной фотографии кружка «Чаша» с В.И. в центре.

¹⁸ Александр Дмитриевич Гуляев (1870–1935) был сыном священника, окончил Казанскую Духовную академию со степенью кандидата богословия, а затем историко-филологический факультет Казанского университета, где преподавал (1908–1920), сначала в должности приват-доцента, а затем профессора и декана. Опубликовал несколько монографий по истории философии и логике, и даже после обращения в коммунизм сохранив особенный интерес к учению Платона (ср.: «Проф. Гуляев (платоник и убежденный коммунист, хотя и беспартийный)» [48, с. 92]). См. о нем в восприятии В.И.: «Казалось, с Вячеславом Ивановичем их должно связывать многое. А между тем Вяч. Ив. вскоре стал глубоким принципиальным противником Александра Дмитриевича. Ни капли личного не было в этой вражде. <...> Гуляев к революции подошел как моралист. Как моралист он принял ее. Когда умер Ленин, Гуляев выступил с короткой речью на траурном университетском собрании. Слезы мешали ему говорить. После собрания Вяч. Ив. сказал мне о нем очень серьезно: “Ленин олицетворял для него моральный пафос революции”. Алекс. Дм. совершенно искренне стремился “перестроиться”. Как-то он сказал: “Всю жизнь я занимался Платоном; а иногда мне думается: все это было лишним. Народу нужна была еще простая грамота...” Не ручаюсь за точность слов, но смысл был именно таков: Гуляев каялся в деле своей жизни из моральных соображений. Он был моралистом, но религиозен он не был, что характерно для бывшего семинариста и студента духовной академии. И вот это-то глубоко принципиально ненавидел в нем Вячеслав Иванович. Не помню его филиппик, направленных против Гуляева. <...> Очень жалею, что тогда же не записала его блестящего рассуждения, но приблизительно оно сводилось к тому, что “Бог это свобода”, а где нет

софии, логика и филолога, с 1920 г. профессора, и в 1923–1926 гг. ректора Азербайджанского государственного университета в Баку, и его жены Нины Васильевны (1878–1942)¹⁹; ее сестра Лидия Александровна Гуляева (1901–1977) — известный ученый-геохимик²⁰. О дальнейшем жизненном пути самой Н.А. Гуляе-

Бога, там остается только ядовитый и бесплодный моралин. Гуляев каялся в своей работе над Платоном, потому что она была не нужна “народу”, а Вяч. Ив. со свойственной ему остротой и смелостью формулировал: “Революция — это когда отставшие зовут назад ушедших вперед”» [54, с. 15–16]. Также: [38, с. 245, 253, 266; 14, с. 649–650, 659, 661]. Однако в РГБ сохранился «конспект лекций о Платоне проф. А.Д. Гуляева, написанный рукой Вяч. Иванова и обозначенный 1920-ми годами» [20, с. 402, прим. 1]. Вероятно, именно по идеологическим причинам В.И. не упомянул его среди поздравляемых с Пасхой в публикуемом письме. После ухода с поста ректора Бакинского университета в 1926 г. А.Д. Гуляев практически прекратил публикацию научных работ. (Интересно отметить переиздание в 2001 г. его курса лекций 1915 г. «Основные моменты эволюции греческого мировоззрения до Платона» (М.: Книжн. дом ЛИБРОКОМ, 2011)).

¹⁹ Нина Васильевна Гуляева (урожд. Успенская, 1878–1942), как и ее муж, происходила из семьи священника и, в отличие от супруга, как следует из публикуемого письма В.И., сохранила веру; ее брат Иван (в постриге Фаддей), архиепископ Астраханский, а затем Тверской и Кашинский — новомученик, причисленный Православной Церковью к лику святых. А.В. Иванова с теплотой упоминает ее «материнское руководство» в рукоделии [48, с. 94].

²⁰ Лидия Александровна Гуляева (1901–1977), впоследствии известный ученый-геохимик, заслуженный деятель науки СССР, была в молодости яркой личностью, склонной к самоанализу и нестандартному поведению. В отличие от ивановского круга студентов-гуманитариев, и несмотря на приверженность самому В.И., она рано избрала естественно-научную карьеру, поступив в 1922 г. на физико-математический факультет Ленинградского университета. Ее письмо оттуда к В.И. от 19–23 декабря 1923 г., когда он еще пребывал в Баку, — самое раннее из известных нам студенческих писем ему («Не писала Вам долго не потому, что не хотелось писать, наоборот, думала о Вас часто, помнила постоянно — Вы ведь знаете, что я очень люблю Вас, но не писала, потому что было нехорошо, неловко, была большая неуверенность в себе, недовольство собой, вообще самогрызение <...> Я буду очень счастлива получить от Вас несколько слов <...> И у меня еще много всяких “и” только уж совестно надоедать Вам»). Оно содержит не очень умелые стихи и надежды на успехи в микробиологии (РАИ. Оп. 5. К. 3). В.И. воспринимал эти ее занятия (как показало будущее, — ошибочно) иронически: «Она все притворяется, что она естество-ница, она только притворяется. Она ведь бесенок» [54, с. 10]; на этот счет, она сама объяснилась с ним в письме 19–20 января 1925 г.: «Вы недаром прозвали меня бесенком; ангельские пути к раю для меня во всяком случае закрыты.

вой на данный момент известно, к сожалению, мало: она окончила историко-филологический и педагогический факультеты, а по окончании учебы «поступила в аспирантуру и, получив должность приват-доцента, стала работать преподавателем в Бакинском Рабочем Университете».

Доступные источники не оставляют сомнения в том, что членов семьи Гуляевых и В.И. с детьми связывали дружеские и весьма тесные доверительные отношения, игравшие заметную роль в его социальной, профессиональной и частной жизни бакинского периода, а также, очевидно, какое-то время после его эмиграции. Письма Гуляевых к В.И., имеющиеся в Римском архиве, свидетельствуют о сохранившихся взаимной привязанности и интересе, искренности чувств и даже, по крайней мере со стороны бакинцев, надежды на скорую встречу²¹. Помимо упомянутого письма Н.А. Гуляевой от 12–14 марта 1925 г. (с вложенной в него запиской к юному Дмитрию Иванову младшего сына Гуляевых Михаила, в то время ученика средней

А с чертом мы одной веревочкой связаны, и когда черт перед Богом преклонится (а ведь это будет, или нет?) — тогда и я Его назову». О драматических отношениях Лидии Гуляевой с Е.А. Миллиор, см. в их письмах ему (Гуляевой от 19–20 января 1925 г.; Миллиор — 4 апреля 1925 г.); также: [54, с. 13, 23–24]. У нее сложились приятельские, по-видимому, отношения с М.С. Альтманом, «мятежным» учеником В.И. (о нем ниже), отметившим ее не лишнее доли истины высказывание, что их учителю «по душе больше богема и ее нравы», чем академический дух (запись от 2 февраля 1922 г. [38, с. 245]). На какое-то время, и в известной мере, она сблизилась и с Г.А. Харазовым — идейным противником В.И., — вовлекаясь в его эротический «дискурс», способный породить конфуз (см. об одном таком эпизоде: [54, с. 23–24]), но — как и остальные «перебежчики» — преодолев соблазн, поссорилась с ним «крупно и навсегда», о чем и сообщила в Рим (см. ниже прим. 41). Из письма С.В. Троцкого к В.И. от 10 октября 1929 г. (РАИ. Оп. 5. К. 10) мы узнаем, что Лидия Гуляева вышла замуж за Самуила Блинкова (1904–1996), друга Мануйлова и Миллиор, ставшего выдающимся неврологом и нейроанатомом.

²¹ Ср. e.g., в цитированном письме Н.А. Гуляевой от 12–14 марта 1925 г. (выше, прим. 16): «Папа сам Вам собирается написать. Письмо Ваше он получил и очень был тронут Вашим добрым, хорошим письмом и весь день веселый был». О каком письме В.И. ее отцу идет речь, неизвестно; может быть, оно сохранилось в каком-либо из бакинских архивов. Сам А.Д. Гуляев заканчивает свое письмо В.И. от 27–29 июля 1925 г.: «Ждем Вас» (РАИ. Оп. 5. К. 3).

школы²²), таковых еще три: деловое и пространное А.Д. Гуляева от 27–29 июля 1925 г. и два Л.А. Гуляевой: одно, более раннее, от 19–23 ноября 1923 г., т. е. еще до отъезда В.И. за границу, из Петрограда, где она изучала биологию, с вложенными стихами и описанием сна; второе, уже в Рим, от 19–20 января 1925 г., с приложением, обращенным к Лидии Ивановой. Однако по истечении первого римского года, с постепенным переходом В.И. к статусу невозвращенца и, по-видимому, началом осознания обеими сторонами того, что это уже навсегда, их переписка замирает.

II

Важность Бакинского периода в биографии В.И. не вызывает сомнения: он явил собой сложный промежуточный этап между его обращенным вовне образом жизни в Петербурге и Москве, ознаменованным огромным количеством человеческих связей и интересов, интенсивной литературной, организаторской, издательской деятельностью, и последующей четвертью века в Риме с постепенным убыванием видимой активности и все большим сосредоточением на внутренних рефлексиях, духовном опыте, «келейном» творчестве и, в определенном смысле, форме «мирского отшельничества». Именно в Баку он доработал и обнародовал свои центральные научные идеи на стыке религиозной психологии, антропологии и философии культуры и получил возможность проявить во всем блеске присущий ему выдающийся педагогический дар. Сразу оговорю, что в мою задачу не входят апология В.И. или оценочное суждение о его личности — он в них не нуждается, равно как более или менее исчерпывающий анализ его преподавательской деятельности в Баку, требующий монографического исследования, но лишь намере-

²² Михаил Александрович Гуляев (1912–1982), инженер-теплоэлектрик и изобретатель. По воспоминаниям его дочерей, он был очень эрудированным человеком, знатоком истории, особенно древнеримской — не исключено, что этот интерес у него мог возникнуть еще в юном возрасте, не без влияния В.И.

ние обозначить некоторые направления возможных будущих изысканий такого рода.

За прорывной публикацией Н.В. Котрелева [13], обнаружившего и изучившего обширный документальный материал во времена, отнюдь не поощрявшие ивановедение, последовали и другие, проясняющие различные стороны частного, общественного и академического бытия В.И. в Бакинском университете, в том числе, воспоминания его родных, учеников и друзей²³. Хочется надеяться, что и в дальнейшем эти исследования будут продолжаться, как и поиски пока еще не выявленных или не опубликованных, имеющих отношение к В.И., документов из городских, университетских и частных архивов.

Публикуемое письмо позволяет задуматься об одном из наиболее важных аспектов, связанном с бакинским сюжетом и, как представляется, на данный момент недостаточно проанализированном, несмотря на наличие и отчасти уже доступность в отдельных публикациях целого ряда содержательных источников. Речь идет о методах и характере ивановской педагогики, ее единственном в своем роде стиле — о том, что греки называли «технэ» — вполне новаторской (актуальной, хоть возможно не бесспорной, и для наших дней), отразившейся и глубоко запечатленной в переписке, дневниках и воспоминаниях его бакинских студентов. Это тема, заслуживающая дальнейших исследований, статей и, быть может, даже монографий. Здесь же я ограничусь лишь предварительными соображениями, вызванными перепис-

²³ См. материалы, опубликованные разными исследователями: [14; 11; 32; 33] — а также собственно воспоминания Лидии Ивановой [48]; ср.: [58], В.А. Мануйлова [51], С.В. Троцкого [59], Е.А. Миллиор [42, с. 25; 55]. Настоящая работа оставляет за скобками внутренний душевный кризис В.И. в период его пребывания в Баку, вызванный недавней кончиной Веры Константиновны Шварсалон, переосмыслением различных аспектов его прошлого и нашедший выражение в отмеченном некоторыми мемуаристами злоупотреблении алкоголем, — это отдельный биографический сюжет. Следует, однако, отметить, что он не стремился скрыть свои личные проблемы от наиболее близкой ему студенческой молодежи и делился с «избранными» учениками собственными переживаниями, равно как и мучительными воспоминаниями о прошлом, включая сожаления, угрызения совести и чувство вины.

ской В.И. с сестрами Гуляевыми и с некоторыми другими из его молодых почитателей того же круга²⁴.

Основные педагогические принципы, цели и идеи В.И., хотя и не сформулированные им письменно или печатно, с очевидностью вытекают из учебных планов, предложенных им университетским властям, и особенно отчетливо отражены в записях и воспоминаниях его студентов; они мельком бывают упомянуты ивановедами, но — насколько мне известно — еще не стали темами специальных работ. К примеру, достаточно адекватно суммирует его преподавательские установки биограф К.М. Колобовой (одной из любимых ивановских учениц) на основе доступных ему материалов: «Его постоянным требованием, обращенным к своим ученикам, было умение полноценно распоряжаться своим временем, не тратя ни минуты впустую. Он хотел видеть и понимать, что каждый его ученик осуществляет ежедневно всё новые и новые шаги в своем интеллектуальном развитии: он считал, что интенсивный интеллектуальный рост, неустанная тренировка мысли являются неотъемлемой обязанностью для каждого из них» [19, с. 503]²⁵. Однако более пристальное

²⁴ В Римском архиве сохранились письма к В.И. от В.А. Мануйлова (опубликованные и прокомментированные А.В. Лавровым [14, с. 541–668]), М.С. Альтмана (РАИ. Оп. 5. К. 1), А.Д., Л.А. и Н.А. Гуляевых (РАИ. Оп. 5. К. 3), К.М. Колобовой (РАИ. Оп. 5. К. 6) и Е.А. Миллиор (РАИ. Оп. 4. К. 8).

²⁵ Ср. из записей Е.А. Миллиор: «Он требовал от нас прежде всего интенсивной внутренней творческой жизни. Если я с ним не виделась несколько дней, он спрашивал меня, что я делала, что читала, что думала. Мне становилось стыдно, если нечего было ему сказать» [54, с. 11, 18]. Ср. с отзывом М.С. Альтмана: «Но никогда, быть может, так явственно не обнаружилось, что не хлебом одним жив человек, но еще и словом. И на “слово” В.И., как на зов сирены, стекались самые разнообразные люди. Лекции В.И. выходили далеко за рамки чисто академические и приобретали значение общественного факта. Но влияние В.И. шло не только вширь, но, если позволено так выразиться, и вглубь. “Ловец душ”, он быстро оброс друзьями и учениками, с которыми вступил в самые близкие и тесные отношения. Пишущий эти строки был одним из этих счастливых» [39, с. 14]. По словам Л.В. Ивановой: «С многими учениками у Вячеслава образовалась тесная связь — связь, которая сохранилась у некоторых даже и по сей день, какое-то братское единение на основе преданности и любви к учителю. Это тем более удивительно, что Вячеслав прожил в Баку всего четыре года» [48, с. 100–101]. Об учебных планах В.И. см.: [13].

прочтение имеющихся свидетельств позволяет установить глубинное родство, *mutatis mutandis*, его педагогической практики с традициями пайдэи (παιδεία — учение о воспитании), распространенными в эллинских городах-государствах классического периода, в данном случае — с ее сократовско-платоновском изводом²⁶. Выбор Ивановым Платона как источника вдохновения и воплощения также и в этой форме творчества (ибо педагогика, в ее подлинности, является таковым) не удивителен и предсказуем: для него он являлся символистом *par excellence*, впервые обосновавшим, хоть и в иных выражениях, тезис *a realibus ad realiora*, ср.: «Платоновое изображение путей любви — определение символизма» [46, т. III, с. 606]. (Не случайно отзвуки платонизма ощутимы даже в его публикуемом здесь коротком «греческом» письме бывшей студентке.)

В основе так называемого сократического метода лежала идея органического и целостного включения личности в воспитательно-образовательный процесс, притом с обеих сторон — на уровне не только познания путем интеллекта, но и душевного переживания, интуитивного прозрения, эмоционального прочувствования, вплоть до эротического притяжения. Эти взаимодействия и составляют в своей совокупности знаменитое «повивальное» искусство майевтики (μαίευτική), по словам Сократа, унаследованное им от матери-акушерки. Это не просто «метод вопросов и ответов», как часто воспринимается, но нечто большее, вот к примеру:

²⁶ Литература о древнегреческой пайдэе чрезвычайно обширна; классическим считается труд Вернера Йегера «Пайдейя. Воспитание античного грека» [30]. Вопрос о том, насколько платоновские тексты отражают учение самого Сократа, сложен и дебатруется; *communis opinio*, однако, признает, что ранние диалоги более или менее правдиво воспроизводят сократово воспитательное «технэ», и еще в большей степени «Воспоминания о Сократе» (*Memorabilia*) Ксенофонта. Разумеется, под «родством» здесь понимается не буквальное соответствие (или сознательная имитация) античной «педагогике» в университетской практике В.И., но некоторая общая точка отсчета, органическая интеллектуально-чувственная энтелехия, в ряде случаев принимавшая схожие формы. Также подчеркну, что формат настоящей работы вынуждает здесь сосредоточиться именно на этом сократо-платоновском ракурсе проблемы, оставляя в стороне ряд сопряженных и важных влияний, мотивов и рефлексий.

Те же, что приходят ко мне, поначалу кажутся мне иной раз крайне невежественными, а все же по мере дальнейших посещений и они с помощью бога удивительно преуспевают и на собственный, и на сторонний взгляд. И ясно, что от меня они ничему не могут научиться, просто сами в себе они открывают много прекрасного, если, конечно, имели, и производят его на свет.

И, соответственно:

Потому, славный юноша, так подробно я все это тебе рассказываю, что ты, как я подозреваю <...> страдаешь, вынашивая что-то в себе. Доверься же мне как сыну повитухи, который и сам владеет этим искусством, и, насколько способен, постарайся ответить на мои вопросы. И если, приглядываясь к твоим рассуждениям, я сочту что-то ложным признаком, изыму это и выброшу, то не свирепей, пожалуйста, как роженицы из-за своих первенцев. Дело в том, дорогой мой, что многие уже и так взъярились, прямо кусаться были готовы, когда я изымал у них какой-нибудь вздор. Им даже в голову не приходило, что я это делаю из самых добрых чувств (Платон, «Тетэт», 150d–151c; перевод Т.В. Васильевой).

В современных понятиях речь здесь идет об интеллектуальном, а отчасти и эмоциональном провоцировании — приеме, не лишенном риска, однако способном принести немалые плоды. Как и отмечает Сократ, это требует взаимного доверия, но может породить отчуждение и враждебность. Мы знаем, что провокационный элемент не был чужд темпераменту и стилю общения В.И.: известны случаи, когда проявление этих черт, причем отчетливо в педагогических целях, отражалось и на взаимоотношениях внутри группы «избранных» его студентов²⁷. Не вызывает сомнения и роль В.И. как «исповедника» окружавшей

²⁷ Ср., к примеру, из письма Лидии Гуляевой к В.И. от 19–20 января 1925 г.: «Следует еще Вам сообщить (следует, т. к. Вы, во всем этом так или иначе являетесь причиной), что <...> почти поссорилась с Нелли [Миллиор] <...> и, наконец влюбилась безоговорочно и навсегда в ... Впрочем, не стоит имени называть...»; а также запись Е.А. Миллиор [54, с. 13].

его молодежи, приходившей к нему на приватные «аудиенции» не только за советом и словом поддержки, но поверявшей ему свои душевно-духовные, а также личные, сугубо интимные проблемы²⁸. (Показательно, что это могло относиться и к молодым знакомым, не принадлежавшим к его тесному, по своим интересам, гуманитарному кругу. Как, например, в обоих письмах Лидии Гуляевой, уже тогда избравшей естественно-научную карьеру, обращения ее к В.И. по манере исповедальны, с попытками самоанализа и даже интимных признаний. Сравнение лексики и интонаций в письмах сестер Гуляевых подсказывает, что отношения с В.И. у Лидии, хоть она и не входила в число его непосредственных студентов, сложились более глубокими, чем у Нины). По словам В.А. Мануйлова, в общении, будучи «сама мудрость», их учитель «проявлял такую любовную заинтересованность, что с ним говорилось, как с отцом, как с человеком, который мудрее тебя, но который говорит с тобой, как с равным, хотя знаешь, что ни о каком равенстве не может быть речи»

²⁸ Опять же, по-сократовски, побуждение к «исповедальности» мог инициировать и учитель. См. воспоминания Е.А. Миллиор: «В.И. сам сказал, что интересуется моим внутренним миром, даже моими мечтаниями. Тогда я “исповедовалась” перед ним» [54, с. 9]; ср. в письме к нему от 4 апреля 1925 г., описав горечь от разлада близких отношений [с Лидией Гуляевой]: «Я не знаю, такой ли “исповеди” хотели Вы от меня, того ли спрашивали, но Вам, моему учителю и руководителю, мне хочется сказать хоть немного о своем самом личном и интимном. И потом легче говорить о другом», — и далее: «Знаю, что не то и не так сказано, как хотелось бы, но как трудно было и это написать!» (см. также ее письмо от 15 апреля 1926 г.). О личных проблемах К.М. Колобовой см., например, ее письмо от 16 ноября 1927 г. (РАИ. Оп. 5. К. 11); ср. попытку признаний Лидии Гуляевой в письме от 19/20 января 1925 г. (Отметим, что Сократ обсуждает любовные чувства Гиппотала в «Лисиде» и Федра в одноименном диалоге). Со своей стороны, студенты «близкого круга» полагали, что он знает о них «всё». Ср. из письма Е.А. Миллиор от 6 мая 1925 г.: «Вы знаете и понимаете меня всю»; ср. у Мануйлова: «При этом Вячеслав Иванович внимательно и подолгу расспрашивал меня о моих сокурсниках. Это помогло мне лучше понять его внимание и заботу, без которых нельзя себе представить строгой щедрости нашего Учителя» [51, с. 91]. Он был даже уверен, что В.И. умел читать мысли. Трудно избежать вывода о том, что по отношению к ним В.И. de facto практиковал, хоть, возможно, и неосознанно, своего рода психотерапию — судя по результатам, в основном, с целительным исходом.

[51, с. 91]²⁹. Помимо академических и житейских вопросов, юные корреспонденты обращают к нему в переписке стихи³⁰, расска-

²⁹ Записи М.С. Альтмана разговоров с В.И., целиком подтверждают установку последнего на полное интеллектуальное равноправие в общении со студентами, неизменно возводящего собеседника до собственного уровня: это диалог в подлинном, едва ли не в бахтинском, смысле слова. Ср. также у В.А. Мануйлова: «При всей мягкости его собеседник всегда чувствовал себя прочно взятым в руки. Вместе с тем, Вячеслав Иванов, ничего не упрощая, говоря иногда непонятное нам по нашему возрасту и развитию, не унижал собеседника ощущением бесконечного расстояния между собой и нами» [51, с. 91]. Сохранившиеся письма студентов В.И. к нему в Рим повествуют об их работе, образе жизни, окружающей обстановке, переживаниях, психологических и мировоззренческих проблемах, научных занятиях, интересах и планах. В частности, Е.А. Миллиор в целой серии длинных посланий кратко и последовательно излагает ему содержание глав своей дипломной работы о культе Эриний, просит об отзыве и получает его, с обещанием от В.И. показать ее труд Ф.Ф. Зелинскому [55, с. 387]. Эти тезисы, как и отчеты М.С. Альтмана об его первых шагах и выступлениях в ленинградских академических кругах (письмо от 15 марта 1925 г. (РАИ. Оп. 5. К. 1)) впечатляют интеллектуальной зрелостью и профессионализмом.

³⁰ Посвящали и обращали к В.И. свои стихи В.А. Мануйлов [14, с. 627, 638–639]; ср.: [14, с. 632]; К.М. Колобова (приложены к ее письмам от 20 октября и 16 ноября 1924 г.; она посвятила В.И. также длинную и, увы, путаную поэму «Багаван», посланную ему в Рим и, по-видимому, оставшуюся без ответа); М.С. Альтман (включая их обмен сонетами с акrostихами [39, с. 9–10]); Е.А. Миллиор — гексаметры [55, с. 67]. С другой стороны, помимо сонетов к Альтману, известны стихотворные обращения, или напутствия, самого В.И. к Мануйлову, Миллиор и Колобовой. Текст стихотворения В.И., посвященного Колобовой, по всей видимости, пока не обнаружен (ср., однако: [55, с. 393], известна лишь первая строфа: «Ксения, странница...» [14, с. 627, прим. 19]). Лавров [14, с. 627 прим. 19] сообщает, что Колобова написала ответное стихотворение В.И. «И знаю я — навек осуждена...» с посвящением «В.И. И.» и с эпиграфом: «Твою звезду не будет поздно / Найти в сверкающем саду» (машинопись в архиве Мануйлова: ИРЛИ. Ф. 713) и в письме к Мануйлову от 28 июля 1924 г. дала его развернутое толкование, приведя цитату из неизвестного нам стихотворения Вяч. Иванова: «Оно написано под влиянием "Ио" В.И. и стихотворения», посвященного мне. О трех путях как будто все ясно. "Убийцей не будь, — где тропится странницы путь", — говорит мне В.И. Здесь дан этот расстроившийся путь. Стихотворение В.И., обращенное ко мне, я воспринимаю как исповедь, а не поучение», и т. д. (ИРЛИ. Ф. 713). На мой взгляд, перспективным проектом могла бы стать подготовка и издание сборника поэтических, эпистолярных, дневниковых и мемуарных текстов бакинских учеников В.И. с их биографиями, над-

зывают свои сны, в том числе, с его присутствием в них, посвящают его в дружеские ссоры и любовные страсти. Здесь следует подчеркнуть, что между В.И. и учениками установилась «сократически» высокая и притом взаимная степень доверия: на их «исповеди» он отвечал с не меньшей, даже поразительной, откровенностью, делясь собственными глубинными переживаниями, придавая коллективно-персональным отношениям единственный в своем роде *modus habitandi*³¹.

лежащим комментарием и включенных в тогдашний культурно-исторический контекст. Это не только бы заметно обогатило ивановедение, но и привлекло внимание заинтересованной публики к одному из последних, и отчасти фантомному, отблеску Серебряного века, на краткий период воплотившемуся в весьма своеобразном и, я бы даже сказал, экзотическом хронотопе.

³¹ Например, в письме к нему В.А. Мануйлова от 3 декабря 1924 г.: «Только вижу Вас во сне каждую ночь почти, и недавно проснувшись не мог уже заснуть — так хотелось Вас видеть и так не верилось, что это невозможно сделать»; ср. от него же 9 февраля 1925 г. Более детально сообщает ему о своем довольно примечательном сне о нем К.М. Колобова 3 января 1925 г. Описанием своего сна делится с В.И. и Л.А. Гуляева 19 октября 1923 г. Одному из снов самого В.И. посвящен сонетный диптих М.С. Альтмана «Снотолкование» [39, с. 12]. Сновидениям В.И. придавал значение, конечно же, совершенно независимо от фрейдовского психоанализа, коего не признавал. Ср.: «В 1922–1924 годах в Баку я был как бы член семьи Вячеслава Ивановича, он доверял мне и многое рассказывал о себе. <...> У Вяч. Иванова установились неформальные доверительные отношения с целым рядом его бакинских учеников» ([51, с. 169], ср.: [14, с. 623]). Об этом же неоднократно свидетельствует и Альтман [38, с. 71, 75] Ср. также: «...Странный разговор — напряженный, порывистый — весь на фоне воспоминаний о Лидии Дмитриевне. <...> А затем — я говорила ему — о нем, о необычайной храбрости... о силе его мысли, смеющей углубляться в его собственную душу, постигать ее внутренний опыт — не всегда светлый. Жаль, забыла сказать ему о страшной свободе его. <...> На мои слова о его храбрости, о том, что это проникновение постепенно дало ему постижение Света, он взволнованно повернулся в кресле и сказал только: “Дай-то Бог”» [54, с. 15]. С неординарной откровенностью В.И. признается Альтману: «Да, первый раз я женился в Москве, когда мне было 20 лет и 3 месяца, на Дмитриевской. Я души не чаял тогда в ее брате и, не будь этого, не женился бы я на сестре его. Девять лет жила я с моей первой супругой и имел дочь. Потом начинается моя любовь к Лидии Дмитриевне. Мы думали с ней, что это у нас темное, демоническое влечение, а оказалось, что это истинная была любовь. Уже потом, после мы это узнали. Я развелся с Дмитриевской, очень сурово и жестоко это было, но я тогда был нищеанцем, и это мне помогло. Теперь я это восприни-

То, что эрос — в широком смысле слова — может стать одним из составляющих факторов педагогического процесса, было хорошо известно древним и, разумеется, знатоку Платона³². Не испытывая никаких стеснений, он пишет И.М. Гревсу 12 мая 1922 г.: «Мне говорят, что у меня призвание быть академическим учителем, и в самом деле кафедра — лекции, семинарий <...> — совсем по мне, по моим вкусам, по моему эросу» [32, с. 49]³³. На протя-

маю как убийство, ибо жизнь Дмитриевской оказалась совершенно разбитой, а дочь наша сошла с ума...» (9 февраля 1925 г.) [38, с. 47]. Очевидно, что такие беседы по душам приносили облегчение и ему самому.

³² Ср., к примеру: «Быть может, никто после Платона не сказал столь глубокого и жизненного о любви и поле, увенчивая первую и восстанавливая человеческое достоинство и богочеловеческое назначение второго, славя “розы, возносящиеся над черною глыбой”, и благословляя их “корни, вонзающиеся в темное лоно”, — как Вл. Соловьев» [46, т. III, с. 305]). Как справедливо замечает М. Цимборска-Лебода: «В произведениях Иванова мифологема Эроса (в Платоновском смысле слова) знаменовала возврат к античной традиции, в представлении поэта насущно нужной русской культуре» [22, с. 10]; «Ориентацией на Платонову традицию и его учение об Эросе отмечены также философские произведения Иванова, как ранние <...> так и более поздние» [22, с. 120]. О раннем и активном интересе В.И. к Платону см. также: [20, с. 402].

³³ В греческом языке (как и в других) употребление глагола, означающего «любить» — ἐράω (и его дериватов) — многозначно и применимо в самых разных случаях, в зависимости от интенции и контекста. Понятие, выражаемое словом ἔρως, знаменует по преимуществу, во всяком случае, в интересующих нас примерах, любовь (и даже страсть) к отдельным личностям, изначально включая чувственный компонент, становящийся предметом философских дискуссий. Как понятие, так и слово, предполагают богатый набор синонимов, взаимозаменяемых и коннотирующих (хотя далеко не всегда) различные его нюансы, такие как πόθος (любовное томление, жажда), φίλια (дружба, привязанность), оторυή (родственная любовь); ἀγάπη (возвышенная, бескорыстная любовь; в дохристианских текстах встречается крайне редко) и др. В известном смысле, должно согласиться с выводом философа Р.Г. Апресяна, согласно которому мы имеем дело не со словами, означающими тот или иной аспект любви, но с тем, «что в современных словарях древнегреческого встречаются эти разные слова, которые переводятся в том числе и как “любовь”» [3, с. 36]. Однако совсем не очевидно, что это обстоятельство именно так осознавалась авторами Серебряного века [60, с. 396–397]. Следует иметь в виду, что платоновский дискурс об Эросе существенно мифологизирован и метафоричен, создавая обширное пространство для интерпретаций. Глубокое погружение В.И. в эллинские мировосприятие и ментальность, равно как и укорененность его мысли

жении поколений опыт показывает, что влюбленность школьников или студентов в их преподавателей — далеко не редкость, коллизия, требующая особенных деликатности и умения со стороны старших, дабы избежать переходящих допустимые границы психодрам, а то и непоправимых катастроф. Случай В.И. в Бакинском университете примечателен тем, что подобные чувства к нему испытывали не просто отдельные лица, как это бывает, но — с разной степенью пылкости (в том числе, весьма интенсивной) — в своей совокупности целая группа девушек и юношей из приближенного к нему студенческого круга и, в первую очередь, четверо «избранных»: М.С. Альтман, В.А. Мануйлов, Е.А. Миллиор и К.М. Колобова, — о которых преимущественно речь и будет идти в дальнейшем по причине наибольшего объема эпистолярных, дневниковых и мемуарных о них свидетельств³⁴.

(и чувства) в платонической перспективе, наложили очевидный отпечаток (насколько осознанный им самим, остается до конца не ясным) не только на его воззрения и сочинения, но и породили определенный стиль поведения и общения, вызвав ответный, еще менее осознанный, интеллектуально-чувственный энтузиазм в нескольких его бакинских студентах. О трактовке и применении В.И. другого греческого понятия — *φιλία* — см.: [18].

³⁴ Следует оговорить, что, хотя курсы В.И. посещались многими слушателями, большинство их не принадлежало к возникшему под его руководством студенческому кружку «Чаша», состав которого также менялся: какие-то участники покидали университет, какие-то теряли интерес, расходились во мнениях и отдалялись (ср.: [14, с. 637], с цитатой на эту тему из письма Е.А. Миллиор В.А. Мануйлову от 13 августа 1924 г.). С другой стороны, с ним могли сблизиться и не специализировавшиеся на гуманитарных предметах, такие как Лидия Гуляева. Но и внутри «Чаши» или среди лиц, известных по групповым фотографиям [14, с. 622–623], имелся ближайший круг, о котором у Миллиор читаем: «Вяч. Ив. довольно определенно делил студентов на “своих” и “не своих”. Со своими он был требователен, строг, иногда даже резок, но за всем этим чувствовалась огромная дружеская внимательность, заботливость. И он никогда не был мелочен в своих оценках. Он нас прекрасно знал и судил каждого по заслугам, а м. б., сверх заслуг, ценя в нас не только знания, но и наш “филологический” энтузиазм. Совсем иначе подходил он к прочему студенчеству» [54, с. 19]. При этом Е.А. Миллиор отмечает: «Вот это я считаю очень большой педагогической заслугой Вячеслава Ивановича: он беспощадно критиковал, но никогда не доводил человека до отчаяния» [55, с. 48]. В.А. Мануйлов особенно подчеркивает тщательность его научного руководства: «И с каким терпением и какой проницательностью он разбирал все написанное его учениками!» [51, с. 91]. За

Вспоминает Е.А. Миллиор: «Вячеслав Иванович, — если так можно выразиться, с каждым из нас имел свой особый роман. Эти отношения были настолько индивидуальные и он давал каждому так много, что даже такой невероятно ревнивый в свое время человек, как я, не ревновала к моим товарищам, потому что больше, чем мне давал Вячеслав Иванович, я уже принять просто бы не могла, это был максимум»; и далее: «Я ходила все время в состоянии какого-то особого подъема и возбуждения, вызванного встречами с Вячеславом Ивановичем» [54, с. 48]. (Ср. в ее письме к нему от 6 мая 1925 г.: «Для нас, всех Ваших учеников, встреча с Вами сыграла огромную роль в жизни. Еще сегодня я об этом говорила с Ниной Гул[яевой]. <...> Вы умеете сделать так, что каждый чувствует себя связанным с Вами, к каждому Вы подходите как к единственному»). Это мемуарное свидетельство подтверждается документально. Приведенные ниже примеры из писем к В.И. в Рим его учеников отобраны по принципу краткости и силы выражения чувств и объединены отчетливой эротически окрашенной (в платоновском смысле) интонацией, хоть и различной по напряжению и выражению, в зависимости от темперамента и личностных особенностей их авторов.

А.А. Гуляева (от 19/20 января 1925 г.):

Я так по Вас стосковалась, мне так Вас не хватает, что мне просто немоготу не писать Вам долее. Ведь все-таки письмо создает некоторую иллюзию беседы. Вот я пишу и совсем ясно Вас вижу — Ваш пронзительный взгляд, улыбку “жеманных губ”, папироску в длинных пальцах... Я не знала все-таки, до какой степени Вы мне дороги. Я Вам решила было совсем не писать — имела дерзость ревновать Вас <...>. Не смейтесь, пожалуйста, уверяю Вас, мне совсем не было весело и совсем было не легко не писать Вам и таким образом терять надежду получить когда-нибудь весточку от Вас. Подобно Марку Аврелию,

отсутствием более широкой документации настоящая работа опирается на материалы касательно именно этих ближайших «сочувственников» В.И., выделяя некоторые аспекты их личных отношений с учителем.

я стоически отгоняла прочь суетное желание письмом напомнить Вам о себе (ибо — конечно, читая мое письмо, Вы вспомнили бы обо мне, но какую цену имеет подобное воспоминание?); теперь же, желая остаться стойком до конца, я отбрасываю все низкие и недостойные чувства, как-то: сомнения, ревность и пр. — и “Вам пишу, чего же боле?”.

<...>

И в завершение:

До свиданья, дорогой друг, не забывайте, что я очень люблю вас.

(Аллюзия же на письмо Татьяны Онегину показательна: два года спустя, 1 февраля 1927 г., К.М. Колобова посылает учителю в Рим длинное «любовное признание» в форме стихотворной пародии на тот же самый пушкинский текст).

В.А. Мануйлов:

Та радость, которую Вы принесли мне, дорого мне досталась — мне приходится расплачиваться за нее все растущей, то-скающей любовью. Я люблю вспоминать о Вас, но это так тяжело: неужели же все неозвратно (3 декабря 1924 г.).

А еще больше чувствую я свою любовь к Вам. <...> Часто вижу во сне, как я пешком отправляюсь в Рим, бросив все — смешно — и это так: в смехе я еще ребячливее.

Этот же мотив присутствует в его стихотворении, написанном 25 мая 1925 г.:

По вечерам рассматриваю карту
Италии далекой и желанной,
И снится мне потом, как будто в Риме
Я просыпаюсь утром золотым...
И улицу Четырех фонтанов,
Насквозь пронзенной звонкими лучами,
В который раз, походкою весенней,
Я прохожу по левой стороне...

И всякий раз, в окне одном и том же,
Склоненное над книгою старинной
(Должно быть, томик вещего Эсхила)
Мне светится знакомое лицо.
Учитель мой, все тот же, как и прежде,
Твой горестный и величавый облик,
Власы, дымящиеся ореолом,
Кольцо опаловое на руке.
И опаленный радостною болью,
Бросаюсь я к тебе и просыпаюсь,
И снова русское смеется солнце
И освещает карту на столе³⁵.

И еще:

Если б Вы только знали, как я Вас люблю. Ведь я никого так не любил и не полюблю, наверно — здесь есть даже что-то особенное. Вот сейчас стал думать о Вас и даже расплакался. Это со мною в первый раз — никогда еще не было. Неужели мы не скоро увидимся. Я очень по Вас скучаю (9 февраля 1925 г.).

Может быть, нам не должно уже увидеть друг друга — очень мне это тяжело. Вячеслав Иванович, милый, только думайте обо мне иногда, потому что я никогда так никого не любил и не буду любить — как Вас — я весь от этой любви и отсюда моя радостная вера. Впереди трудная, очень трудная жизнь — только Вы мой свет и мой вожатый, поэтому мне не страшно, а хорошо. <...> Мне только хотелось сказать Вам еще раз большое, большое, спасибо — если бы Вы только знали как я Вас люблю, как много Вы мне дали и продолжаете давать после разлуки нашей (24 января 1928 г.).

³⁵ Стихотворение опубликовано автором: [52, с. 38; 14, с. 638–639]. Ср. далее: «Любить для себя на пути моем почти невозможно. <...> И люблю я одного только Вас. Вы далеко-далеко впереди меня — только следы я различаю» (3 декабря 1924 г.); «Я очень много бы дал за то, чтобы с Вами поговорить. Может быть, после нашего разговора не только мне, но и Вам было бы очень хорошо, потому что я Вас очень люблю» (12 мая 1928 г.). По сообщению А.В. Лаврова, «откликаясь либо на его устное признание, либо на слова из неизвестного нам письма», Колобова писала Мануйлову 28 июля 1924 г.: «Если тебе В.И. дороже родных, то я не могу даже подумать, дороже кого мне В.И.» [14, с. 624].

Е.А. Миллиор:

Думаю о Вас я постоянно. Когда становится особенно тоскливо, когда теряю почву под ногами, хочу “поймать” самое себя — я ищу помощи в Ваших книгах. <...> Иду по своему пути, потому что знаю, что он правилен; а там, где не знаю, верю, верю потому, что люблю Вас.

<...>

Целую Вас крепко, моего учителя и самого близкого друга (можно ли так называть Вас?) (4 апреля 1925 г.).

Как бы мне хотелось быть около Вас снова! Потому, что только с Вами — вполне легко. Только теперь я это поняла. И опять удивляюсь своему счастью, что узнала Вас. <...> Ваша жизнь, Ваша личность, для меня бесконечно притягательны. Ваш путь, Ваш опыт — добра и зла — стоит передо мной — если бы я имела силу и дарование идти именно по Вашему пути! (4 апреля 1924 г.).

Если бы Вы знали, Вячеслав Иванович, как я стосковалась по Вас <...>. И не потому вовсе, чтобы Вы одобряли во мне всё — во все нет, но я радостно предаюсь Вашему суду, потому что знаю: Вы знаете и понимаете меня всю; если осуждаете, то для того, чтобы повести дальше, если останавливаете, то для того, чтобы дать большую свободу. <...> Я не могу говорить вполне свободно, так как хочется, как чувствуется... <...> Только с Вами я могла бы быть собой вполне, не удовлетворяясь собой и почти слыша свой духовный рост! (6 мая 1925 г.).

К.М. Колобова:

Люблю Вас по-прежнему, может быть даже больше, чем прежде (если это только возможно) и часто колдую в тиши, чтоб Вы были здоровы, счастливы и спокойны, а мне больше ничего не надо. <...> И когда я чувствую взгляд Ваш — острый и всевидящий, мне легче идти и веселее работать (20 октября 1924 г.).

Ведь к Вам привязалась я так сильно и так истинно, в Вас так верю и так жду Вашего возвращения, а сейчас болею о Вас <...> Будьте только счастливы, насколько возможно, и спокойны, а мне больше ничего не надо. <...> Я все еще недорослая Ваша ученица, я все еще не могу, не смею и не посмею говорить с Вами о Вас, как друг, хотя люблю Вас, как мне кажется, очень

глубоко. <...> Ну да это все не о том и Вам вовсе не нужно моих пылких объяснений... Простите (16 ноября 1924 г.).

Простите меня, что я пишу Вам. Но для меня так отрадно говорить с Вами, думать о Вас и любить Вас. А еще верю я и тому, что Вы меня не совсем забыли, хотя не пишете, хотя не думаете... (13–15 февраля 1925 г.).

Я бы хотела хоть на час, хоть на минуту увидеть Вас. Я знаю, что я бы ожила, снова поверила в себя. Дорогой Вячеслав Иванович, даже если теперь я выживу, то только во имя Ваше <...> Все снова думаю и думаю о Вас с невыносимой отрадой <...> (1/17 февраля 1927 г.)³⁶.

³⁶ По мнению Е.А. Миллиор, из всех его учеников, «пожалуй, больше всех он [В.И.] любил Ксению [Колобову], ждал от нее много. А может, не любил, но высоко ценил, много и взволнованно думал о ней» [54, с. 13]. Наблюдение это особенно интересно, поскольку Колобова, дочь священника, сложившего сан, рано потеряла веру, оставалась атеисткой на протяжении жизни и позднее, как представляется, по убеждению, приняла марксизм: «Этот поступок отца и переезд в Баку глубоко затронул сознание как взрослых, так и детей; в дальнейшем никто из её членов не был религиозно настроенным человеком. Думаю, что именно с этим событием было связано и то, что К.М. всю свою жизнь сторонилась религиозной проблематики, мало интересовалась историей христианства. Вероятно, в силу тех же причин она, будучи ученицей Вяч. И. Иванова, оказалась невосприимчивой к религиозно-мистическим темам и мотивам его творчества» [19, с. 491]. Тем более удивителен силой чувства его сонет с посвящением В.И., написанный уже после его отъезда и посланный ему в Рим, в котором он сопоставляется непосредственно с Иисусом Христом:

Учитель светлый! Руку возложи
И вдохнови меня на подвиг трудный.
Ведь Ты такой настойчивый и мудрый
Смиришь восстания и мятежи.
Ты, смелый ведал многие провалы.
Ты сможешь от падений уберечь,
Твои слова — остроконечный меч ...
Что разум мой — мутящийся и вялый?
Мне всюду чуется один конец.
Мое бессилье не имеет меры,
Но духом упования и веры
Я знаю — смотрит на меня Отец.
Так будь же мне Мессией и Предтечей!
Мне кажется, что Ты от Бога дан,

М.С. Альтман (отношения которого с В.И. складывались сложно и весьма неоднозначно, о чем будет подробнее сказано ниже, раздел VI):

Дорогой Вячеслав Иванович, о своих чувствах к Вам ничего не пишу, Вы знаете их. <...> И за все благодарен Вожатому, скрестившему на целых четыре года (какое счастье!) мое распутство с Вашим перепутьем (15 марта 1925 г., в Рим — поистине, «крик сердца», после приступов отчуждения и злости, вплоть до их разлуки).

Через полгода, и более того:

И вот, перед самым моим отъездом [возвращением в Ленинград из Баку после каникул. — В.Р.] вспыхнула опять у меня воля к прошлому, но не к прошедшему, к тому периоду, когда, провожаемый или преследуемый странными судьбами, очутились Вы в “огнеродном вертограде” и сквозь весь дым и чад (тогда меня обволакивавший) “о прозорливые орлы!”, не проглядели там и сям разрозненно-мелькающих искр. Больше того, Вы дали тем искрам случение <так!>, помогли мне собрать, сосредоточить их в устремление единого пламени. И стало с тех пор для меня просвещение — просветление, непрерывным высветлением. Так “нравы укротил наукой” Ваш гений тем, что он был не только “академик”, но и мореплаватель по моему подземному морю, вожатый и кормчий по тихим звездам. Те всегда и поныне на моем ночном небосклоне. <...> Вам, поблизости с Крестом <...> повеять свежей струей старины, Вам бы благовестить, мне же в восторге внимать. И замолчать. <...> Но Вам не впервые грехов моих подобных [i.e., стихов] (и неподобных) быть страдающим свидетелем. Увы, и даль Вас не спасает: досягают письма — и посягают. Уже это не первое мое Вам письмо. То оста-

Что Ты грядешь в сиянии Осанн

И лик Отца в Тебе вочеловечен.

12 мая 24 года

(РАИ. Оп. 5. К. 6).

О сложностях, в том числе идеологических, в их отношениях, см. ниже.

лось безответным, на это тем не менее надеюсь. Ибо в том письме были у меня к вам такие слова, которые не могли не вызвать Вашего отклика. И однако это случилось. Значит... Не знаю, что значит. Может быть, Вы полагаете, что Вы мне уже достаточно много, даже слишком много дали. Это — так. Но ведь “имущему еще дается” и “рука дающего не скудеет”. Я знаю, что Вы меня не очень любите (и это не только справедливо, но и великодушно), но ведь капелька любви ко мне журчит в Ваше сердце, тогда ответьте, дорогой Вячеслав Иванович. Впрочем, виноват, капелька не может журчать и покорно принимаю Ваше молчание (мне) (15 августа 1925 г. (РАИ. Оп. 5. К. 2))³⁷.

Внимательный читатель Платона обнаружит нечто схожее, *mutatis mutandis*, в нюансированном описании последним «романов» с Сократом наиболее близких его учеников.

III

Сказанное выше вряд ли сможет удовлетворить самопровозглашенных моралистов, в том числе, и в научной среде, готовых, вписывая всякое лыко в строку, обвинить кого угодно в чем угодно, исходя из черно-белого манихейского взгляда на человеческую природу (В.И. называл это «моралином»³⁸), а его самого по данному поводу — в «развращении молодежи» (как некогда точно так же был обвинен Сократ). Его «исповеднические аудиенции» легко объявить опасным и непрофессиональным вторжением в душевную жизнь. Более того, современный ака-

³⁷ Письмо подписано: «Навсегда Ваш признательный с любовью и благоговением». В отличие от Мануйлова, сопровождавшего В.И., Альтман сам по себе отправился в Москву, где они встречались, но по-настоящему так и не простились (см. ниже, раздел VII).

³⁸ Ср. «Против всяческого моралина предостерегал меня Вяч. Ив., кажется, не без успеха. Он подчеркивал, что “моралин” тесно связан с неверием, “безбожием”. Очень жалею, что тогда же не записала его блестящего рассуждения, но приблизительно оно сводилось к тому, что “Бог это свобода”, а где нет Бога, там остается только ядовитый и бесплодный моралин» [54, с. 15].

демический этос не просто осуждает подобные отношения студентов и преподавателей, но в некоторых странах может предписать строгую кару, вплоть до исключения и увольнения виновных. Наконец, восторженный «культ личности», сложившийся среди «избранных» вокруг его фигуры, до известной степени сходствует с практикой «учительства» и «ученичества» в разного рода сомнительных сектах и общинах. Разумеется, предпринятая В.И. «групповая» пайдэя, исходящая из эмпатии и притяжения на грани эротического, причем с обеих сторон, по своей природе этически амбивалентна, и он должен был в той или иной степени осознавать заложенные в ней риски срывов и душевных травм³⁹. Такова, собственно говоря, и сама жизнь: здесь же все зависит от индивидуальностей тех, кто вовлечен в образовательный или воспитательный процесс, и от намерений его участников. В данном случае, даже при поверхностном рассмотрении, стиль педагогики В.И. поражает сочетанием строгости формы и свободы, открытостью содержания: монолог сменяется диалогом, беседа или спор становятся дискуссией на любые затронутые темы. Мнения не навязывались: подобно окружавшим Сократа, юные «содружники» В.И. были вправе соглашаться с ним или нет, оставаясь при своем. Результатом часто стано-

³⁹ Нет никаких оснований полагать, что В.И. сознательно содействовал возникновению этого «культа» или собственного статуса «гуру». Напротив, он держался с подчеркнутой скромностью (даже если иногда ложной, ибо он знал себе цену) и общался с окружающими, как индивидуально, так и коллективно, на равных — первейшее качество подлинного педагога. В его частных рассуждениях, не лишенных тщеславия, о собственной гениальности, славолюбии, склонности к славословию, также прослеживается иронический подтекст (напр.: [39, с. 31, 50–51, 103]). Очевидно, что студенческий кружок вокруг В.И. формировался, с одной стороны, спонтанно, но с другой — через поощрение тех, кто был ему интересен. Ср.: «И потом, эта возможность говорить с Вами решительно обо всем, о самом значительном и о повседневном — вот это счастье! <...>» (письмо Е.А. Миллиор к В.И. от 6 мая 1925 г.). О том же — М.С. Альтман: «О чем мы только не беседовали!» [39, с. 310]; «В течение четырех лет мы видались почти ежедневно, и беседы наши длились далеко за полночь. По самым различным поводам, на самые разнообразные темы, то в окружении многих других, чаще всего уединенно вдвоем, протекали эти «разговоры»» [39, с. 14].

вилась перспектива, снимавшая противоречия, обобщая совместимое и приемлемое из сказанного каждым⁴⁰.

Это не отменяет, тем не менее, вопроса о вредности, в социально-психологическом плане, упомянутого выше «культа личности», независимо от привходящих обстоятельств (таких как харизма, масштаб популярности, число последователей), сферы деятельности (политика, религия, музыка, кино, спорт), и даже от того, насколько аутентичен или конструктивен данный пер-

⁴⁰ Разумеется, педагогическая тактика В.И. выглядит существенно более изощренной, чем известная нам из текстов Платона и Ксенофонта «сократовская» манера, тем не менее напоминающая — в некоторых чертах — классический греческий *агон*, соревнование в *диалектике*, искусстве рассуждений, им стимулированное, не только между учениками, но и между ними и им самим, — педагогика В.И. принципиально противоречила самому понятию личностного культа. О связи между *диалектикой* (в античном смысле слова) и этикой у Сократа см., напр., Ксенофонт, «Воспоминания о Сократе», 4, 5, 12. Ср. свидетельство Мануйлова: «Всегда было взято все самое главное, самое существенное, Вячеслав Иванович знал, что всего нужнее и интереснее собеседнику. Он понимал всякий раз, в каком состоянии приходит к нему человек, прекрасно чувствовал, что волнует в данный момент его собеседника и сразу же отвечал, иногда по ассоциации, исходя, может быть, сначала из случайного и частного и приходя кратчайшим путем к цели. Разговор всегда поражал двумя противоположностями. Вячеслав Иванов был человек мягкий, но мягкость была тигриная, волевая» [51, с. 90]. (Последняя характеристика довольно точно приложима к платоновскому Сократу.) Умение В.И. сближать точки зрения, даже противоположные, часто упоминается мемуаристами. Классическим примером является его «Переписка из двух углов» с М.О. Гершензоном. Ср. также: «Всегда поражала меня в Вяч. Иванове необычайная способность с каждым говорить на те темы, которые его больше всего интересуют. Но это было не только приспособление к людям, не только гибкость и пластичность, не только светскость, которая в Вяч. Иванове поистине изумительна, — это был дар незаметно вводить каждого в атмосферу своих интересов, своих тем, своих поэтических и мистических переживаний через путь, которым каждый идет в жизни...» [41, с. 98]. У Ксенофонта Сократ юмористически рассуждает о своем «искусстве сводничества», помогающем людям нравиться друг другу, и о «родственном» таковому «искусстве завлечения» (Ксенофонт, «Пир», 4, 56 сл.). В отношениях с окружающими В.И. отличался, как мы знаем, неординарной терпимостью, но и у него случались серьезные конфликты с достаточно близкими людьми по тем или иным причинам, как-то: с Белым, Брюсовым, Кузминым. Были у него также идейные антагонисты, не только из «безбожного» лагеря, но и среди православно-ориентированных писателей, например, Иван Ильин.

сонаж, исходя из ценностных категорий той или иной культуры. В принципе, проблема сводится к заповеди «не сотвори себе кумира», понятой не в узком ее смысле запрета идолопочитания, но как метафора — предостережение против эксцессов в поклонении, восхищении или обожании, будь то человек или идея, или что иное, на всех стадиях нашего бытия. На массовом или групповом уровне такая ситуация чревата катастрофой — тому примеры наличествуют и поныне. В обиходном же, персональном смысле это означает недопустимость идеализации даже выдающейся личности, поразившей наше воображение или (хотя и не обязательно) нам хорошо знакомой и доступной. Опасность тем более велика, что за этим почти всегда, рано или поздно, следует разочарование, способное покалечить молодые души, внося внутренний разлад, порождая агрессивность, равнодушие или нигилизм. Принимая во внимание эмоциональный накал, присутствовавший, как это следует из приведенных выше текстов, в их отношениях к В.И., эта дилемма должна была остро ощущаться «избранными» его студентами, и можно было бы ожидать возникновения (с ним и между ними самими) психодраматических конфликтов (обычное явление среди культурных элит) и разрывов с последующей обоюдной враждой. Отдельные психодрамы имели место — как с К.М. Колобовой и М.С. Альтманом, которых он особенно выделял⁴¹. Бывали отдаления менее близких, но

⁴¹ Два таких конфликта, обретших значительную остроту, близкую к разрыву, но так и не случившемуся, произошли в отношениях В.И. с М.С. Альтманом и К.М. Колобовой. Их реконструкция на основе наличной информации, взятой из нескольких мемуарных, дневниковых и эпистолярных текстов, требует подробного изложения и толкования, невозможных в рамках настоящей работы. Имея как психологические, так и отчасти идеологические истоки, оба случая связаны, в той или иной степени, с жестким антагонизмом, возникшим между В.И. и экономистом Г.А. Харазовым (1877–1931), в то время профессором математики Бакинского Политехнического института, более известным сейчас в Европе по причине его экономических трудов, чем в России (см., напр.: [12; 28]), и по всей видимости полиматом — помимо экономики, он писал и публиковал сочинения на темы физики, психоанализа, литературы, а также стихи. Е.А. Миллиор сообщает: «Одного человека Вяч. Ив. считал своим глубоким принципиальным врагом — Григория Артемьевича Хоразова [sic]. Хоразов был человек замечательный, по словам самого Вяч. Ив-ча, “человек с ге-

разрывов и даже необратимых разочарований не произошло. Напротив, как мы знаем, ему удалось сохранить любовь и восхищение наиболее преданных ему бакинских студентов до конца их

ниальными способностями” <...> Вячеслав формулировал философию Хоразова приблизительно так: “Для него весь мир, вся вселенная — клоака”. Определение вполне правильное» [54, с. 23]; ср. в другом месте, она же: «Так вот Харазов этот — мировоззрение его я не берусь характеризовать, может быть это был и сатанизм, а может быть, это был полный нигилизм, но во всяком случае это было нечто чуждое и принципиально враждебное Вячеславу Ивановичу», — тем не менее признавая, что «это был человек, который оказывал большое влияние на всю нашу группу» [55, с. 54]. Известно, что Харазов продвигал марксизм и фрейдизм — оба учения решительно отвергаемые В.И. (об интересе окружавшей его молодежи к последнему учению, см.: [55, с. 12, 24; 38, с. 263–262]). Сложившийся «многоугольник» отношений между обоими профессорами и студентами, куда входили, помимо Альтмана и Колобовой, отчасти Миллиор и Л.А. Гуляева (см.: [55, с. 52–54; 54, с. 17, 23–25; 38, с. 70, 124–125, 172 сл., 241–244, 259, 263–266, 269, 272–273, 276, 312, 313, 344, 345, 348, 358]; письмо К.М. Колобовой к В.И. в Рим от 16 ноября 1924 г.; ср.: [32]), может стать темой отдельного интересного исследования. Если вкратце, то создается впечатление, что Харазов играл роль своего рода Мефистофеля, как интеллектуального, так и, в самом прямом смысле, сексуального, провоцируя выбор между собой и В.И.; ср. характерную дневниковую запись Альтмана, сделанную в день знакомства с Харазовым: «Сегодня я встретил дьявола», — и заявление ему последнего: «Я выбью из Вас Вяч. Иванова» [38, с. 311]. Миллиор, которую В.И. поставил перед выбором («Может быть, он чувствовал, что я человек, легко попадающий под влияние, и не хотел отдавать меня Харазову»), после короткого колебания, прекратила нежелательные контакты ([55, с. 53]; ср.: [54, с. 23]); Колобову же и Альтмана она причисляет к «последователям» Харазова [54, с. 24]. По ее воспоминаниям, сам Альтман говорил ей, что «Харазов был антиподом, антагонистом Вячеслава Иванова в области мировоззрения, и оба они были настолько сильными, что он от Вячеслава Иванова ходил к Харазову, чтобы не полностью поддаться влиянию Вячеслава, и от Харазова ходил к Вячеславу, чтобы не полностью поддаться влиянию Харазова» [55, с. 52]. Не удивительно, что в обращенном к нему сонете В.И. читаем: «Мятежному добро ль ученику / Довериться, как сердце подсказало, / Решат года» (1923). Колобова совместно с Альтманом и третьим лицом (неким П.П. Штейнпрейсом, о котором читаем: «Учеником и другом Вячеслава он никогда не был» [54, с. 25]) приняла участие в демарше с рецитацией стихотворения Харазова в спенсеровских строках «Седьмой греческий мудрец — Карл Маркс» перед В.И., вызвав его чрезвычайный гнев: стихи ему «показались записками сумасшедшего, причем самый характер сумасшествия как идиотический, плоский вид безумия, двухмерный, по форме же он нашел их балаганными» (Дневниковая

дней. (О замечательной преданности Е.А. Миллиор и В.А. Мануйлова памяти В.И. и неизменном их восхищении им как человеком, мыслителем и творцом, помимо их исполненных благодарности опубликованных воспоминаний, может свидетельствовать на основе многих бесед с ними обоими и автор этих строк).

Есть основания полагать, что важным фактором, способствовавшим снижению патетического напряжения, или «смятения чувств», внутри и вовне сложившегося круга его юных почитателей, и восстановлению непринужденности отношений между всеми ними служила неординарная способность В.И. к самоиронии и, более того, к сознательной «иронизации», если можно так выразиться, как собственного образа в глазах окружающих, так и различных сторон их образа жизни. Принцип этот укоренен в творческом темпераменте В.И. и содействовал его умению преодолевать искушение гордыни и противоречия земного бытия⁴². Уже во время «Башни», игровой и смеховой компонент в

запись М.С. Альтмана от 6 мая 1924 г., впрочем, автор дневника признает, что инстинкты бунтарской троицы «были порядка невысокого» [38, с. 276]; ср.: [55, с. 53–54]). В письме в Рим от 16 ноября 1924 г. Колобова объясняет свое влечение к Харазову (степень их сближения остается неясной) расстройством, вызванным отъездом самого В.И.: «Я по своей врожденной сумбурности решила, что если Вас нет, а все равно погибла и в отчаянии кинулась в самый грязный омут (потому что Харазов все-таки омут), какой могла найти», и далее сообщает об их окончательном разрыве, вызванном высказыванием Харазова, связанном с В.И., настолько оскорбительным, что она отказывается его повторить «даже подчас себе». Даже Лидия Гуляева посчитала важным уведомить В.И. в Риме, что она «крупно и навсегда поссорилась с Харазовым» (письмо от 19–20 января 1925 г.). Здесь следует подчеркнуть, что по свидетельству Е.А. Миллиор, сам В.И. по отношению к Харазову внешне всегда держался «крайне любезно и дружелюбно» [54, с. 24] — наподобие манеры опять же Сократа при общении с его идейными антагонистами, такими как Калликл (в «Горгии») или Трасимах (в первой книге «Государства»).

⁴² «Особая черта творчества Вяч. Иванова, — пишет С. Аверинцев, — юмор, чаще более или менее латентный, во всяком случае, не только не противоположный серьезности метафизических тем, но напротив, к ней определенно тяготеющий. Есть тип поэта, для которого неизбежно отведение природных пересмешических способностей в обособленное русло шуточного стихотворства, позволяющее серьезности этого поэта избежать какого-либо инфицирования юмором. <...> Напротив, у Вяч. Иванова, у которого пульсация юмора ощутима

поведении ее обитателей бросается в глаза: наиболее яркий пример — пьеса для «домашнего исполнения» Лидии Зиновьевой-Аннибал «Певучий осел», где тогдашние взаимоотношения В.И. с Сергеем Городецким комически травестированы под шекспировский «Сон в летнюю ночь». Игровая и шутливая атмосфера такого же рода характерна и для быта семьи Ивановых в эмиграции. Столь же интересен в этой связи замысел комедии о Ницше в духе Аристофана, о котором В.И. поведал Альтману 3 февраля 1921 г.: по сюжету сам философ (к коему, по собственным его словам, он испытывал «большое уважение»), в виде новоявленного Заратустры, должен был излагать свое учение — как истинное дионисийство — Дионису и его сатирам и быть отвергнутым слушателями: «Происходят забавные *qui pro quo*, причем особенно забавными оказываются ницшеанцы. Тут может быть выведен и Вагнер, который, кстати сказать, как все торжественные, особенно может быть юмористичен. <...> От великого до смешного шаг, от торжественного до смешного еще меньше, часто ни шага» [38, с. 44].

Эти соображения помогают объяснить возникновение любопытного текста, под названием «Багриада. Шуточная поэма», недавно обнаруженного, обнародованного и превосходно откомментированного А.Л. Соболевым [33], — одновременно пародии и травестии, в форме ироикомической поэмы (108 строк гекзаметром), несомненно вдохновленной псевдо-гомеровской «Батрахомиомахией» и нацеленной на осмеяние факультетских раз-

в самом средоточии его поэтического любомудрия, мы сыщем мало шуточных стихотворений в конвенциональном смысле этого термина» [2, с. 157]. Представляется, однако, что этот аспект личности и творчества В.И. все еще недостаточно изучен. Ср. свидетельство Мануйлова: «Значительность всего, связанного с Вячеславом Ивановым, глубина и проникновенность его речей часто сочеталась с иронической улыбкой, грациозной шуткой, полунамеком на бытовые мелочи, понятным только двум-трем его собеседникам. Это сочетание значительности и простоты, жреческого, почти торжественного спокойствия и непринужденной свободы и легкости общения, всегда удивляло и восхищало меня. Быть может, это объяснялось не только мудростью Вячеслава Иванова, но и чуткостью его, способностью отчетливо представлять себе состояние собеседника, подлинным тайновидением» [51, с. 90].

борок между профессорами, с В.И. и его противником А.В. Багрием в главных ролях. Речь идет, по всей видимости, о попытке, предпринятой Багрием, ликвидировать классический кабинет, содержащий собрание книг для пользования студентами, бывшее при этом личной собственностью В.И. Среди персонажей «Багриады» фигурируют далее известные нам лица из числа его студентов, члены семьи и друзья В.И, а также, удивительным образом, нарком просвещения АзССР Мустафа Закарья оглы Кулиев («Речью своей сладкогласной пьянящий сердца правоверных...»). Само по себе нечто подобное, в форме эпиграмм, пасквилей, карикатур и т. д., характерно для любого образовательного процесса, начиная со средней школы, позволяет обучаемым выразить свой *ressentiment* по отношению, чаще всего, к нелюбимым, а то и ненавидимым педагогам, а обучающим испытать *Schadenfreude* за счет непопулярных коллег. Отметим, что текст «Багриады», не лишенный дерзкого остроумия, местами на грани издевательства, рисует обоих протагонистов в весьма непрезентабельном свете, например:

Бой начался. Очки укрепив на носу попрочнее,
Багрий и Вячеслав схватились в решительной схватке.
Звонко ударил по лысине Багрий жреца Диониса,
Тот же ответствовал в перси и вперся перстами в омфалос.
Долго тузили друг друга. Очки прозвенели внезапно <...>.
Что же с бойцами случилось? Стоят и не видят друг друга.
Корчатся члены еще, и злоба еще не угасла,
Воздух шпыняет перстом Вячеслав парисоподобный,
Багриев сын Александр беспомощно шарит руками.
<...>
Настя очки подмела — в ящике сорном найдете,
Клочья кровавых носов в банках со спиртом лежат.

Наиболее примечательно в данном случае авторство «Багриады», прямо указанное в документе: М. Брискман и В. Мануйлов — последний, как мы знаем, едва ли не самый страстный поклонник и приверженец В.И. Текст датирован 30–31 декабря 1923 г. и, возможно, предназначался для новогоднего развлечения

ния. Очевидно, что оба автора твердо знали (а значит, имели место какие-то прецеденты): ознакомление с этим сочинением, паче таковое произойдет, ни в коем случае не ухудшит отношения к ним со стороны по крайней мере, одного из двух главных его персонажей, а может даже улучшить — смелость и рапаче самой затеи будут надлежащим образом оценены; что же может подуматься на этот счет другой, их, наверное, мало волновало⁴³. (Нельзя, однако, исключить, что обструкция, которой подвергся Мануйлов со стороны Багрия по отъезде В.И. в Италию, на которую он жалуется в письмах, была вызвана, среди прочего, знанием о том, что он участвовал в написании этого «пасквиля».)

Здесь невольно вспоминается знаменитый «сократический» прецедент, и по сию пору вызывающий ученые дебаты, а именно: противоречие между очень злой и предвзятой сатирой на Сократа, доказуемо извратившей его историческую личность, в комедии Аристофана «Облака», поставленной афинянами на празднике Великих Дионисий в 423 г. до Р.Х., и изображением дружеских отношений между ее автором и философом в «Пире» Платона, действие которого происходит семь лет спустя. (И это учитывая, что эта карикатура, представив Сократа в образе софиста, беспринципно манипулирующего словами, идеями и людьми — особенно в отношении молодежи, а его характер и деятельность — по всем параметрам противоположными тому, каким он детально описан не только Платоном, но и Ксенофонтом, запечатлелась в массовом сознании его современников и сыграла свою роль в суде над ним с последующим смертным приговором четверть века спустя — ср. Платон, «Апология Сократа», 19с; перевод М.С. Соловьева). Аристофан и Сократ не просто высту-

⁴³ «Багриада» находится в архиве М.А. Брискмана (РНБ. Ф. 1360. Ед. хр. 19). Об Александре Васильевиче Багрии (1891–1949), историке литературы, лекционере и библиографе, А.Л. Соболев пишет: «Источники этой неприязни, по всей вероятности, лежат в обыденных областях — старожилу кафедры (относительному — ибо сам университет был весьма юн), приверженцу точных научных методов, сочувственнику формалистов должен был оказаться органически чуждым блестящий неопит и златоуст, прибывший в ореоле недвусмысленной славы и без особых усилий покоривший студенческие и преподавательские сердца» [33].

пают с речами, вошедшими в культурный оборот (один излагает миф об андрогине, а другой — якобы идеи своей мудрой наставницы Диотимы Мантинейской), но они беседуют, приходя к согласию, на столь значительную тему, как сущность комического и трагического⁴⁴. В другом тексте Сократ тонко вскрывает противоречие в самой природе комедии: «А разве тебе неизвестно, что и в комедиях наше душевное настроение также не что иное как смесь печали и удовольствия?», и далее: «Итак, наше рассуждение гласит: смеясь над смешными свойствами друзей, сочетая удовольствие с завистью, мы смешиваем удовольствие со страданием. Ибо мы уже раньше согласились, что зависть есть

⁴⁴ «Сократ вынудил их [третьим в их беседе был автор трагедий Агатон] признать, что один и тот же человек должен уметь сочинить и комедию и трагедию и что искусный комический поэт является также и поэтом трагическим» (Платон «Пир», 223d; перевод С.К. Апта). Ср. позицию одного из авторитетных интерпретаторов Платона Лео Штрауса: «Аристофан и Сократ появляются перед нами в “Пире” Платона около семи лет после первой постановки “Облаков” <...>, вовлеченные в дружеский разговор, завершающийся согласием о предмете величайшей важности для Аристофана, комедии и трагедии; Аристофан соглашается с мнением, высказанным Сократом. В этой единственной платоновской презентации Аристофана поэт выглядит очень близким Сократу» ([35, р. 5], перевод наш). Исходя из предпосылки отсутствия враждебности между Сократом и Аристофаном, Штраус выстраивает свою концепцию их разногласий как становившееся традиционным противопоставление философии и поэзии, наиболее явно выраженное в «Государстве» Платона. Крайне примечательно при этом, что за несколько десятилетий до Штрауса аналогичное мнение в разговоре с Альтманом высказал В.И.: «Но у греков был еще один вид комедии, который мы теперь не имеем, — это комедия не лиц, не типов, а идей, глубоко-мысленная аристофановская комедия. Его произведение “Облака”, например. Существует мнение, что это враги Сократа, впоследствии предавшие его суду, подкупили будто бы Аристофана, чтоб он выставил Сократа в таком виде и тем лишил его симпатии народа. Но вряд ли это соответствует истине. Вернее, что Аристофан вполне дружески создал это творение, и очень правдоподобно, что сам Сократ, видевший его, много смеялся. Что Аристофан не был врагом Сократа, видно хотя бы из того, что Платон весьма любил Аристофана, а это не могло бы иметь места в случае вражды Аристофана с Сократом» [39, с. 42]. Ср. высказывание В.И. касательно идеи «дионисийской» комедии, рассказанной им Альтману, цитированное выше: «Я сам отношусь к Ницше с большим уважением, однако я когда-то думал выставить Ницше в комическом виде наподобие того, как это сделал Аристофан с Сократом» [39, с. 44].

страдание души, смех же — удовольствие, а в этих случаях то и другое бывает у нас одновременно» («Филеб», 48а, 50а; перевод Н.В. Самсонова)⁴⁵. Примечательно, что в платоновских диалогах ирония других по отношению к нему и самоирония Сократа составляют существенный аспект их интонаций. Время от времени комическое восприятие себя инспирирует он сам, как, например, в шутливой перепалке на пиру у Агафона с пьяным Алкивиадом, побудившей последнего произнести ему панегирик, начав с осмеяния — путем сравнения его с силенами и сатирами⁴⁶, мифическими персонажами из окружения Диониса, внешне уродливыми, далеко не благопристойными и всегда навеселе, притом, что важной целью этой речи является — следует отметить — утверждение целомудренности Сократа. В завершение речи Алкивиад возвращается к ее началу:

В самом деле, если послушать Сократа, на первых порах, его речи кажутся смешными: они облечены в такие выражения, что напоминают шкуру этакого наглеца-сатира <...>, и кажется, что говорит он всегда одними и теми же словами одно и то же, и поэтому всякий неопытный и недалекий человек го-

⁴⁵ Ср. комментарий к этому месту Лео Штрауса: «Состояние души в комедиях есть смешение от удовольствия невинного преувеличения нашими друзьями их мудрости и огорчения, вызванного завистью. Это состояние души никогда не свободно от несправедливости» [35, р. 5]. В известном смысле этот вывод приложим к авторству и содержанию «Багриады». Об интересе В.И. к Аристофану свидетельствуют и его идея комедии о Ницше, высказанная Альтману, и статья «“Ревизор” Гоголя и комедия Аристофана» [46, т. IV, с. 387–398].

⁴⁶ «Хвалить же, друзья мои, Сократа, я попытаюсь путем сравнений. <...> Более всего, по-моему, он похож на тех силенов, какие бывают в мастерских ваятелей и которых художники изображают с какой-нибудь дудкой или флейтой в руках. Если раскрыть такого силену, то внутри у него оказываются изваяния богов. <...> Что ты сходишь с силенами внешне, Сократ, этого ты, пожалуй, и сам не станешь оспаривать. <...> Ведь он только напускает на себя такой вид, потому и похож на полого изваяние силену. А если его раскрыть, сколько рассудительности, дорогие сотрапезники, найдете вы у него внутри. <...> Не знаю, доводилось ли кому-либо видеть таящиеся в нем изваяния, когда он раскрывался по-настоящему, а мне как-то раз довелось, и они показались мне такими божественными, золотыми, прекрасными и удивительными, что я решил сделать вскорости все, чего Сократ не потребует» (Платон «Пир», 215а–217а).

тов поднять его речи на смех. Но если раскрыть их и заглянуть внутрь, то сначала видишь, что только они и содержательны, а потом, что эти речи божественны, что они таят в себе множество изваяний добродетели и касаются множества вопросов, вернее сказать, всех, которыми подобает заниматься тому, кто хочет достичь высшего благородств (Платон «Пир», 221e–222a; перевод С.К. Апта)⁴⁷.

Иными словами, часто культивировавшийся Сократом комедийно-эксцентричный *modus operandi*, отнюдь не противореча, а отчасти даже способствуя решению поставленных им «майевтических» задач, обеспечил ему статус в глазах учеников и друзей не только как высшего авторитета в их дискуссиях, но и «человека — мы вправе это сказать — самого лучшего из всех, кого нам довелось узнать на нашем веку, да и вообще самого разумного и самого справедливого» (Платон «Федон», 118a; перевод С.П. Маркиша). Наконец, несколько обобщая, стоит указать на взаимосвязь комедийного компонента, присущего поведению Сократа и его окружения в Афинах, и атмосферы, сложившейся среди студенческой молодежи вокруг В.И. в Баку, с тем, как понимал значение «смеховой культуры» Бахтин, а именно: как условие внутреннего освобождения (но не безграничной свобо-

⁴⁷ Одноименный с платоновским диалог «Пир» Ксенофонта (действие происходит в доме богача Каллия) и отчасти также трактующий тему Эроса, опять-таки пронизан смехом, который часто инициирует Сократ, успешно соревнуясь в этом с профессиональным шутом Филиппом, специально приглашенным хозяином для увеселения; он и здесь сравнивается с силеном (Ксенофонт, «Пир», 4, 19). Например, он сильно смешит окружающих, заявив что больше всего гордится своим «искусством сводничества», а позже объявляет его общепользным, поскольку оно помогает людям нравиться друг другу, тем самым сближая их: «Кто способен узнавать, какие люди полезны друг другу, и кто может возбуждать в них взаимную страсть, тот мог бы, мне кажется, и город склонять к дружбе, и браки устраивать подходящие; он был бы дорогим приобретением и для городов, и для друзей, и для союзников» (4. 64); ср. у Ксенофонта же: «Самые шутки его оказывали на окружающих его лиц несколько не менее благотворное влияние, чем серьезные разговоры» («Воспоминания о Сократе», 4, 1, 1; перевод С.А. Соболевского). Об умении В.И. сближать людей и различные точки зрения, см. выше, прим. 39.

ды!) — и, соответственно, обретения чувства достоинства, потребного для духовного роста⁴⁸.

IV

Здесь неуместно и невозможно дать хоть сколько-нибудь целостное представление о диалектически противоречивой философии Эроса у Платона⁴⁹, в котором он увидел центральный принцип бытия, связующий (если отвлечься от метафорики и мифопоэтики, присущих текстам этого автора) тем или иным образом имманентное с трансцендентным, от низшего к высшему, обусловив душевно-духовную прогрессию, впоследствии известную как *scala amoris*, лестница любви⁵⁰. Собственно, в платоновских

⁴⁸ Ср. С. С. Аверинцев в статье о Бахтине и «бахтинизме»: «Смех — это не свобода, а освобождение; разница, для мысли очень важная <...> но куда важнее другое: он по определению, предполагает несвободу как свой исходный пункт и свое условие. Свободный в освобождении не нуждается; освобождает тот, кто *еще не свободен*. <...> Иное дело — юмор. Если смеховой экстаз соответствует освобождению, юмор соответствует суверенному пользованию свободой. <...> Наиболее благородные виды смеха над другим также до известной степени позволительно интерпретировать как смех над собой» [1, с. 120–122].

⁴⁹ Литература о Платоне и его философии Эроса чрезвычайно велика. Из сравнительно недавних отмечу отчасти суммарную, но отчасти полемическую работу Held D. “Eros, Beauty and the Divine in Plato” [29]. См. также: Bonner K. “Eros and Ironic Intoxication: Profound Longing Madness and Discipleship in Plato’s Symposium and in Modern Life” [25]; Bussanich J. “Socrates the Mystic” [26]; Sheffield F. “Beyond Eros: Friendship in the Phaedrus” [34]; Urstad K. “Loving Socrates: The Individual and the Ladder of Love in Plato’s Symposium” [35].

⁵⁰ Ср. у D. Held: для Платона эрос — «непревзойденная метафора философской жизни». И далее краткий парафраз из «Федра»: «Вначале влюбленный возбужден физической красотой возлюбленного, и Платон рисует живую картину души влюбленного, расправившей крылья возбуждения при созерцании предмета своего желания. Влюбленный философ естественно преодолевает физическое возбуждение, ибо красота возлюбленного вызывает в нем память о вечной красоте, каковую душа его созерцала перед облачением в земную жизнь. Очевидно, что влюбленные философы друг с другом обсуждают мысли более чем тела, при том, что философский эрос, стремящийся поселить добродетель и красоту в душе другого содержит аффективные и не-когнитивные компоненты» ([29, р. 159–160], перевод наш). О невозможности различения между взглядами Сократа и Платона на предмет Эроса: [29, р. 159].

терминах, речь идет о невозможности подлинного познания, а, следовательно, и знания как чувственным, так и умственным путем, но лишь преодолевши границы человеческой ментальности, с целью постижения сферы Божественного, мира так называемых «идей» (εἶδοι — труднопереводимое слово, иногда трактуемое как «формы»), реально существующих в реально существующем, коих окружающий нас мир является лишь бледным отражением. В силу свойственных ему качеств, в том числе, и способности к безумию (μαῖνᾱ, ср. «Федр», 244a), Эрос является силой, дающей возможность философической, т. е. стремящейся к добродетели и мудрости душе осуществить внезапный прорыв (ср. «Пир», 210e) ради созерцания самой идеи Красоты (или Истины, Мудрости, Добродетели — в платоновском смысле, взаимозаменяемые и даже, в некотором роде, идентичные понятия (ср. «Пир», 201e–212)) во всей ее полноте. Подобный опыт познания, полагаемый достижимым, *mutatis mutandis*, во многих культурах принято называть мистическим (хоть в наши дни этот термин существенно девальвирован); по определению, его очень трудно, и отчасти даже неисполнимо, выразить в слове — и сам Платон, и его последователи, и множество переживших нечто подобное визионеров вынуждены прибегать к сложным конфигурациям образов, символов и аллегорий, в свою очередь, требующих еще более сложной экзегезы. Вопрос о том, является ли учение об «идеях» личным достижением Платона или в каком-то виде проповедовалось и Сократом, по-видимому, неразрешим; многие склоняется к первому, указывая на то, что Сократ мыслил, по мере возможности, сугубо рассудочно (ср. «Федон», 65e), и занимался (как это явствует с полной очевидностью из Ксенофонта), преимущественно земными делами, стремясь определить основные этические понятия и призывая слушателей познать самих себя. Как бы то ни было, ввиду наших целей важно оговорить, что для них обоих, как для их современников — софистов — философия, включая философию Эроса, отнюдь не являлась просто выбором интеллектуальной деятельности, но ставила практические, воспитательные задачи. Целью Сократа являлось, в первую очередь, нравственное наставление окружавших его слушателей,

главным образом, из молодежи, для достойного преуспевания в быте и бытии, согласованных с богами, во имя обретения, в эллинском понимании, высшей добродетели (ἀρετή), выражавшейся в благородном характере и образе жизни (καλοκάγαθία) — отсюда и «маевтика», и «пайдэя». Диалог Платона «Алкивиад Первый», к примеру, прекрасно трактует — в практическом смысле — спектр представлений, составляющих в его эпоху «калокагатию»: от эротической инспирации и «романа душ» до познания себя и достижения «аретэ» — в понятиях истинной справедливости, личного и общего блага⁵¹. Нет основания считать, что он стремился превратить всех их в «любителей мудрости», посвящающих жизнь постижению высших истин, следуя путями философского Эроса: большинство из них продолжали заниматься обыденными делами, кто-то ушел в политику, как Алкивиад или Хармид, а иные, вроде Крития или Ликона, и вовсе превратились в его врагов. Тем не менее напомним, что из учеников Сократа вышли основатели с полдюжины философских направлений, причем некоторых, этически трудно совместимых (например, киренаики и киники). Платон же, напротив, создал философскую корпорацию с конкретным местоположением — Академию, настроенную, кроме этого, и на подготовку «профессионалов» и просуществовавшую, несмотря на различные отклонения и несогласия вплоть до ее закрытия Юстинианом в 529 г. по Р.Х. Свои философские проекты, в частности, построение идеального государства, Платон воспринимал практически и конкретно, безуспешно попытавшись обратить в свою веру двух сицилийских тиранов, тем самым продолжая пифагорейскую традицию философствующих исправителей мира.

Метафизика и психология Эроса составляла для В.И. предмет медитаций, рефлексий и интуиций на протяжении большей части его жизни, выражавшихся в его поэзии, эссеистике, научных сочинениях, а в некоторые моменты и при определенных обстоя-

⁵¹ Тема обладания «калокагатией» присутствует даже в сократическом диалоге Ксенофонта «Домострой» (Oeconomicus), посвященном ведению хозяйства, см. комментарий Лео Штрауса к этому сочинению: [36]. Обзор проблематики и трактовок этого понятия см.: [17].

тельствах, и в быту. Пожалуй, можно говорить о достаточно разработанном комплексе воззрений и убеждений, но — как и в случае Платона — вряд ли о философии в аналитическом смысле: ранее было отмечено, что визионерский опыт, мистическое переживание требует особого языка, и даже таковой, в конечном счете, не в состоянии адекватно выразить существо испытанного. Соответственно, размышления В.И. о природе Эроса по необходимости еще в большей степени, чем писания его античного вдохновителя, исполнены мифологем и метафор и, как положено символисту, изобилия символов — словесно и концептуально полисемантических и взаимозаменяемых. Он несомненно стремился к наиболее точному выражению словом мысли и чувства, и это во многом объясняет затруднительность в понимании его текстов: каждый следующий, даже казалось бы говорящий все о том же, несет в себе новые и глубокие, утонченные и уточненные нюансы смысла, так что читатель, осваивая многообразие интерпретаций, чужих и своих собственных, не может быть уверенным до конца в безусловной правильности любой из них. Вершина этой виртуозной, возможно, полусознательной техники — мелопея «Человек»⁵². В совокупности высказывания В.И. об Эросе, в разных контекстах и с разными целями, являют собой единый, чрезвычайно богатый спектр идей и прозрений, требующих не только глубинного уразумения и сопереживания, но и адекватного изложения, совершенно невозможного в формате настоящей работы⁵³. Соответственно, для более узких целей довольно будет указать и то очень кратко, не вдаваясь в детали аргументации, несколько существенных точек отсчета, так или иначе касающихся преподавательской практики В.И.,

⁵² О которой см., напр.: [21].

⁵³ Основополагающая работа о значении и роли Эросе в творчестве В.И. — монография польской исследовательницы Марии Цимборска-Лебода «Эрос в творчестве Вячеслава Иванова. На пути к философии любви» [22] — образец подлинного вживания в умозрительную вселенную В.И., осмысления его эротического мировосприятия во многих и тонких его нюансах и соотношения его идей с предшествующими, современными ему и последующими философиями любви. В моих кратких комментариях на данную тему я следую, главным образом, аргументации и выводам этой книги; ср. также: [5].

в соотношении с доступными свидетельствами его бакинских студентов.

В отношении Эроса, как и в других аспектах своего мировоззрения, В.И. следовал, если угодно, собственному творческому (а отчасти и жизнетворческому) антропологическому проекту — достижению некоего синкретизма высших истин эллинизма и христианства, ср: «Языков правду, христиане, / Мы чтим: со всей землей она / В новозаветном Иордане / Очищена и крещена» («Свет Вечерний» [46, т. III, с. 632]). Значительно укорененное в Платоне (и неоплатонизме), его восприятие Эроса в немалой мере отражает влияние св. Августина (а также Вл. Соловьева), тем самым метафизически — и этически — дополняя платоновскую эротику, исходящую главным образом из «эйдоса» красоты. Читаем недвусмысленно написанное в «Спорадах»:

Этика как бы не существует более в современном сознании обособленную от эстетики с одной стороны, от религии с другой. Ритм нашего долженствования определяется ритмом красоты в нашей душе; его содержание — нашим религиозным ростом и творчеством. Распадение этики на эстетику и религию было бы окончательным, если бы цельный состав ее не восстанавливался присутствием начала, равно общего эстетике и религии, равно коренного и исходного для обеих: это начало — Эрос. Итак, в строе новой души этика является эротикой, и правее могла бы именоваться эротикой («О любви дерзающей» [46, т. III, с. 13]).

Легко задаться вопросом о том, что здесь понимается под «этикой» — очевидно, не утилитарная («ветхая») мораль, которую В.И. считал, в лучшем случае, «простою гигиеной эмпирической личности в эмпирическом обществе», которая стремится «к наибольшему уплотнению — и вместе однообразному упорядочению — окружающей человека сферы его внешних энергий и зиждется на понятии собственности, как расширенного я: <...> — отсюда и кровавая месть, и все ее последствия до Моисеева и нашего культурного “не убий”» [46, т. III, с. 126]; ср.: [46, т. II, с. 595]; в худшем же — невыносимым и недопустимым «моралином». Принимая во внимание репутацию Башни, ее жи-

телей и посетителей в определенных ретроградных кругах, неудивительны обвинения В.И., на основе подобных высказываний, в «иммориализме», особенно когда это касается Эроса, иногда, вероятно, слышимые и сегодня.

В действительности же, стержнем его интеллектуальных страстей и исканий, в философско-богословской, равно как и религиозно-психологической перспективе неизменно оставалось взаимодействие трансцендентного и имманентного, метафизического и эмпирического. Излишне добавлять, что «моралин» во всех его проявлениях относится к исключительно эмпирической сфере и, следовательно, в существенном смысле, не реален⁵⁴. Подлинная нравственность невозможна вне соприкосновения с Божественным через *transcensus sui*, выход из «целлюлярности», преодоление себя. Мистерия любви, движимая Эросом, осуществляется лишь тогда, когда любящий признает в объекте любви столь же суверенную личность, как он сам и условие собственного своего существования, возглашая «Ты еси, а значит есмь Аз!»:

Человек <...> должен сам найти свое другое, как точку опоры, — должен действием любви и той веры, которая уже заключается в любви и ее обуславливает, обрести свое ты еси. Восходя, как наставляет Платон, по ступеням любви, он учится открывать на каждой новой ступени в любимом все большее причастие бытию истинному и через то вырастает в бытии сам, приобщаясь ему от любимого, — пока, в своем алкании безусловного бытия в другом сущем, не узнает несказанным возгорением своего сердца Единого Возлюбленного, объемлющего, утверждающего и спасающего в себе все другие любви, и не причастится от Него истинному богосыновству («Прологомены о демонах») [46, т. III, с. 248].

⁵⁴ По определению, лишая человека свободы выбора, «моралин» отрицает в нем образ и подобие Божье, тем самым становясь в своем пределе инструментом дьявола, источником искушения небытием: «И не случайно Иванов отмечает факт отталкивания современного сознания от “формальной”, “поведенческой” морали в сторону *патетической* и *энергетической* — “морали страстных устремлений духа”» [22, с. 31].

Ср.:

Ему [Эросу] надлежит только, по мысли Платона, возвышаться от любви к прекрасным телам до влюбленности в прекрасную душу, до созерцания вечных идей, до последней любви — к Единому [46, т. III, с. 119].

Тем самым, мы имеем три составляющих эротического действия: любящий, любимый и сама любовь, устремление о Единому Возлюбленному, каковой «мыслится поэтом как высший предмет любви человека, как “живой бытийственный принцип, к которому приобщается любящий, и как *третий* в любви” — спасающий все другие любви человека, которые тот, как субъект желания, встречает на своем жизненном пути» [22, с. 49]. В этом контексте преодолевается различие между укорененными в традиции понятиями *amor* и *caritas* (ἔρως и ἀγάπη) как проблема, занимавшая уже св. Августина, ибо эротический опыт аутентичен, изначален, первичен, как первична сама «целостная любовь-жизнь». Соответственно, в определенном смысле, любовь именно и есть жизнь, образуя единство: *amo, ergo sum*. Это единство, воплощенное в сущности Бога Творца («Бог есть Любовь») обуславливает и трансцендентную основу творческого бытия: «Божественно-эстетический феномен есть, в своей реальной основе, божественно-эротический процесс» [46, т. III, с. 187], осуществляемый через «восхождение» — человека к Богу, и «нисхождение» — Бога к человеку, “*circolo amoroso*” (см. «Символика эстетических начал»)⁵⁵.

⁵⁵ Ср.: «Таким образом, мысль Иванова о двух ипостасях Эроса, или о целостном “божественно-эротическом процессе” открывает перспективу соединения в любви двух начал: универсального (Эрос восходящий, устремленный к подлинному Бытию) и конкретно-личностный (Эрос, нисходящий к “слабейшему”). Такая концепция создает возможность сближения онтологии (учения о сущем) и религии, (религиозной этики, библейской истины. Она обновляет и обогащает онтологический и этический смысл понятия Эрос (вобравший в себя некоторые аспекты понятия Агапэ), избавляя понимание доселе разделенных видов любви (восходящая — нисходящая) от упрощений и извращений» [22, с. 107–108]. Показателен пассаж из письма Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к

Принимая во внимание сказанное, обвинения В.И. в философствующем «имморализме» попросту теряют смысл.

V

Как и в случае с Платоном, наивно предполагать, что В.И. ожидал от своих бакинских студентов глубокого постижения, осуществления или пропаганды «философии Эроса» в терминах, приведенных выше (да и практических возможностей у них для этого, разумеется, не существовало). Наличный материал позволяет лишь догадываться о степени осмысления им своей педагогической деятельности как не только образовательного, но и воспитательного процесса. Однако показателем осознания им значимости этого фактора является готовность — насколько это соответствовало его возможностям — к принятию ответственности за их дальнейшее развитие, а, следовательно, в известной мере, их судьбу. Не случайно в сонете, обращенном к Альтману, в ка-

М.М. Замятниной от 17 февраля 1907 г. (приведен [22, с. 31 прим. 75], со ссылкой на: Богомолов [6]): «В<ячеслав> сказал, что т. н. называемые декаденты, если не в сделанном, то в путях своих исполнили правое дерзновение. И дальше, перейдя в область Эроса, говорил дивно о том, что, в сущности, вся человеческая и мировая деятельность сводится к Эросу, что нет больше ни этики, ни эстетики — обе сводятся к эротике, а всякое дерзновение, рожденное Эросом — свято. Постыден лишь Гедонизм» [6, с. 95]. Тезис этот делает более понятным отвращение В.И. к фрейдовскому психоанализу, утверждавшему нечто, на первый взгляд, подобное, заменяя Эрос сексуальным либидо минус метафизика, и объявляя «принцип наслаждения», т. е. «гедонизм» основой человеческого поведения. Отсюда — неудивительна его ненависть в Баку к Г.А. Харазову как к собственному антиподу [38, с. 262, 276; 55, с. 12, 24], активно продвигавшему фрейдизм и развивавшего «теорию» о всепроникающей сексуальности, в которой В.И. мог усмотреть профанацию собственных эросологических идей. По словам Е.А. Миллиор, выглядело это так: «Культурный человек не пьет сырой воды, он сперва кипятит ее (тезис неверен!). Так же должно быть в других областях жизни. Природа отпустила нам гораздо больше сексуальной энергии, чем нужно для производства потомства. Следовательно, ее надо использовать всячески, как угодно и как угодно искусно» [54, с. 24]. В юнгианских терминах, загадочная эта фигура может отчасти восприниматься как «тень» (Der Schatten) самого В.И.

тегорическом тоне сказано о последнем: «И за кого пред вечно-стью отвечу» (12 апреля 1923 г. [39, с. 10]). Искренность его привязанности к этим юным его «совопросникам» не вызывает сомнений, и он неизменно оказывал им человеческую и профессиональную поддержку в течение всего периода пребывания в Баку и даже по отбытии из России⁵⁶.

Какую же именно задачу мог он ставить перед собой с точки зрения подготовки их к жизнестроению в предсказуемо ухудшавшихся условиях советского общественного бытия, тем более, придавая эмпирически понятный смысл крайне абстрактным умозрениям и идеям? По-видимому, *mutatis mutandis*, она не слишком существенно отличалась от того, что имел в виду Сократ — работе над персональной этикой отношений, в перспективе — социально конструктивной, при этом включающей чувство высокого назначения, дарованного Богом человеку, своего рода новейшей версией «калокагатии». В представлениях В.И. основанием оной может стать лишь свободная, суверенная творческая личность, одушевленная любовью к другой такой же, к жизни и Творцу и верностью своему «я». Очевидно, что само по себе преподавание не предполагает достижения подобных целей. Даже обладая конспектами бакинских лекций В.И., мы вряд ли смогли бы извлечь из них что-либо конкретное или значимое на данный предмет, несмотря на их восхваленные блеск и популярность [39, с. 14]. Тем более замечателен масштаб внеклассного и внеучебного общения В.И., как мы знаем, на любые темы, с интересными ему и заинтересованными им студентами — об-

⁵⁶ Отметим хвалебный официальный отзыв В.И. об Альтмане по окончании им университета [13, с. 330–331] — уже после резкого охлаждения их отношений — и его пространно-хвалебное рекомендательное письмо В.М. Жирмунскому от 16 июня 1924 г. перед их неудавшимся прощанием в Москве [39, с. 284–286]; были отзывы, адресованные и другим: «Ваши рекомендательные письма, принимаемые всеми адресатами с крайней почтительностью, донельзя ускорили и облегчили все формальности и я был немедленно зачислен как прикомандированный Аз. госуниверситетом» (письмо Альтмана к В.И. из Ленинграда от 5 марта 1925 г.). Нельзя исключить, что именно это стало фактором полного — обратного — переворота в его чувствах к В.И., отразившегося в его письмах к нему в Рим.

щению, которому он, судя по всему, отдавал бо́льшую часть незанятого времени. По складу характера преимущественно экстраверт (лишь в более поздние годы являвший растущую склонность к интроверсии), оказавшись в Баку, В.И. должен был остро ощутить нехватку привычного круга собеседников его уровня, будь то в Петербурге или Москве. Среди новых знакомых и коллег он с радостью стремился восполнить этот вакуум привлечением одаренной, любознательной молодежи, жадно внимавшей его мыслям и суждениям, сверх того, благодарно отзывавшейся на них, тем самым позволяя ему раскованность выражения, в том числе, присущих его сознанию антиномий⁵⁷. Пришедшая М.С. Альтману счастливая мысль, играя роль гетевского Эккермана, записывать свои разговоры с В.И. на протяжении более двух лет, подарила нам кладезь высказываний и идей, принципиальных или уже известных, а также возможность живо прочувствовать этот, вполне сократический, аспект ивановской пайдэи⁵⁸.

⁵⁷ «Вот это чрезвычайно характерно для Вячеслава Ивановича: он общался с нами в разное время, и не было такого момента, который он не использовал бы, если обстановка была подходящая, чтоб не дать нам каких-нибудь очень существенных знаний или толчка каким-то серьезным научным или иным философским интересам» [55, с. 43]. Единственным крупным специалистом среди коллег В.И. по факультету, внесшим заметный вклад в российское антиковедение, был А.О. Маковельский (1884–1969), переводчик и комментатор досократиков, с коим, судя по его письму, хранящемуся в Римском архиве, он поддерживал умеренно-дружеские отношения.

⁵⁸ «В этих перепадах, в постоянной смене фокуса, перемене ролей перед нами предстает В.И. Иванов как подлинный мастер диалога, направляющий разговор в то или иное русло, неизменно придающий ему занимательность» [15, с. 112]; следует отметить его замечание о «пропедевтическом и потому иератическом в понимании Вячеслава Иванова значении “Разговоров”» [15, с. 6]. Сам Альтман, как это с очевидностью следует из его собственных дневниковых записей, воспринял мысль стать Эккерманом для В.И. с немалым энтузиазмом и даже оттенком самодовольства, ср.: «Наши разговоры касаются разнообразнейших предметов и тем, и мне приходит в голову мысль, не следует ли мне все эти наши разговоры записывать, не выйдет ли тогда книга, подобная “разговорам” Эккермана с Гете. Тем более что (без ложной скромности) в данном случае и Эккерман (я) не без некоторой значительности...» (запись от 9 января 1921 г. [38, с. 228]); «Мне кажется, что он Гете подобен, и я благоговею, как Эккерман, и так же, как он (нет, не так же: мудрее), пишу свои “разго-

Приведем несколько примеров по занимающей нас теме эроса и этики.

Парафраз для умного молодого слушателя знаменитого тезиса «Ты Еси»:

И в любви, когда я утверждаю другую личность, когда я говорю “ты еси”, я через это положительно утверждаю и “я есмь”. Вот тут-то, в любви, и начинается первая положительная форма личности и бытия его — “я есмь”. Во всех же остальных случаях, употребляя слово “я” (есмь), я совершаю узурпаторство у Того, кто воистину Есть (далее на иврите: Я есмь, Кто я Есмь). И каждый раз, когда я говорю “я”, я совершаю великий грех. “Я” — царская печать, *Ego* перстень, которым я, не имея на то права, запечатываю свои письма. Его подписью я выдаю фальшивый вексель. Только в подобии Отцу я — я, во всех остальных случаях это подделка (16 января 1921 г. [39, с. 21]).

А здесь — уже более заземленное и практически мудрое предостережение:

Я должен Вам сказать, что я признаю, что всякая с женщиной связь глубоко ответственна, так что и после телесной Вашей смерти Вы телесно-материально связаны со всеми, с кем Вы вступили в половую связь. Поэтому всякое соединение с женщиной есть как бы некоторая примесь и замутнение Вашей собственной сущности, и горе тому, у кого таких соединений много: каждое из них балласт и груз. Эмпирическая связь становится метафизической со всеми отсюда вытекающими последствиями. Вы хотите в вашем теперешнем возрасте жить, беря от жизни наслаждения, и быть беспечным. Что ж? Конечно, чем Вы менее будете за известными благами гоняться и не стоять в передней у Фортуны, тем благосклоннее будет она к Вам (19 января 1921 г. [39, с. 29])⁵⁹.

воры” с ним. Как они интересны, и как, Бог даст, они еще будут интересны! Да продлит Бог его годы и да сподобит меня у него научиться всему, чему он учит меня” (25 января 1921 г. [38, с. 232]).

⁵⁹ Абзац продолжается: «Но беспечность удаётся только особенным талантам, те как-то все умудряются. Таков был Уайльд и в еще гораздо большей

Сочетание глубины и тонкости психо-эротического анализа:

Я не знаю, ставит ли возлюбленным препятствия природа, но что они сами себе ставят препятствия — несомненно. И это объясняется, по-моему, следующим. Любовь состоит из двух элементов: имманентного и трансцендентного. Всякий любящий в предмете своей любви видит свое “я” в трансцендентном (таково, например, в “Фаусте” в начале отношение Фауста к природе, ко всему звездному небу, которое он хотел бы обнять и в свою душу принять) и стремится его сделать имманентным, но, сделав его имманентным, то есть слившись в одно с предметом своей любви, любящий ощущает вновь потребность видеть свое “я” в трансцендентном — это момент отталкивания в любви. Любящие оттого так и любят целоваться, ибо здесь происходит (как в двух угольках электричества Яблочкова или в звонке электрическом) непрерывное попеременное притяжение и отталкивание; если б возлюбленным пришлось бы в поцелуе застыть, он бы не привлекал, но именно разжатие и прижатие друг к другу и воплощает в себе сущность любви, стоящей под знаком “2”, всю ее полярность с притяжением и отталкиванием. Любовь умел изображать тонко и глубоко Гете, а также Достоевский. <...> Вот Тютчев, тот испытывал ее весьма сильно и на закате своих дней (21 января 1921 г. [39, с. 34]).

Отсылка ученика к любимому источнику, с неожиданной цитатой из почти забытого русского поэта:

Потом В. рассказал платоновский миф о колесницах душ и указал при этом, что одно из качеств, которое требовалось для того, чтоб колесница с неба не скатилась, было целомудрие, притом не в нашем ограниченном смысле слова, а в том, каком его употребил гениальный юноша Коневской (“Ах, личность жаж-

степени Байрон. Последний даже внушал этим Гете как бы некоторую тревогу, не то зависть, не то любованье. Старик Гете с напряжением следил, как стихийно-разрешенный Байрон берет все напролом, как-то силой хватает самую судьбу...» — важное признание недостаточности обобщений и многообразия проявлений земной человеческой жизни. Ср.: «...что же касается “закона достаточного основания”, то мы всегда эмпирически ограничиваемся конечным числом причин, хотя для каждого явления причин бесконечно много» (21 января 1925 г. [39, с. 33]).

дет целомудрия”): целомудрие, цельность, девственность Воскресения. У греков не было этого понятия, но платоновский смысл именно таков» (26 января 1921 г. [39, с. 41]); ср. от 4 февраля 1925 г.: «И хотя современная наука преимущественно держится аристотелевских воззрений на Идеи, тем не менее я примыкаю к Платону» [39, с. 43]). Цитата из стихотворения Ивана Коневского (1877–1901; утонул в реке в 24 года) «Откуда силы воли странные?..».

И на следующий день, во время чтения по-гречески Нового Завета, экзегезис эпизода Христа и самаритянки (Ин. 4: 4–42):

Этот разговор Христа с самарянкой есть разговор Жениха — Мужа Мира (истинный Князь Мира-Света, а не самозванец, князь тьмы) с вечно-женственной Душой Мира. И Христос прав, говоря, что она не имеет Мужа, ибо Муж тот, кто дает жизнь вечную (как обещает ей Христос), кто дарит не растление, а целомудрие <...>; и на слова Иисуса: «Жена, позови своего мужа» — Жена должна была ему ответить: «Ты мой Муж». Ибо он только, он, седьмой, и есть Истинный, он, Мессия, есть Жених и Муж, которого ждет Мир (27 января 1921 г. [39, с. 42]).

Как и в сфере эротики, размышляя об вещах этических в прикладном контексте, персональном и общественном, В.И. опять же следует за евангельским текстом:

Да, анархия и беспринципность господствуют повсюду, и под предлогом их исторического рассмотрения все принципы стали относительными, то есть перестали быть принципами. Этому явлению, конечно, имеются свои причины, и, может быть, завет Христа жить по Благодати соблазнил многих. Но Благодать Христос заповедал *после* Закона, и юноше, к нему пришедшему с вопросом, как ему жить, Христос отвечает: «Исполни все законы и только потом оставь отца и мать и иди за мной» [парафраз из Мф. 19: 17–22; ср. Мк. 10: 17–22; Лк. 18: 18–25]. То есть сперва Закон, а уж потом Благодать — только проживя долго и переживя первый этаж, можно перейти во второй, высший, этаж. Но люди соблазнились и, узнав, что есть второй этаж, сразу покинули первый. И что ж? Они, действительно, перешли в другой этаж, только не высший, а низший, в под-

вал, в подполье духа своего. Такова их «благодать». Принципов нет: «не убий» не есть вечный закон, а только временное, тем-то и тем вызванное и для того и того-то предназначенное установление. «Итак, — говорит убийца, — я буду убивать, ибо “не убий” относительно — и ко мне не относится». — «Да, ты прав, — отвечает ему общество, — ты прав, это относительно, а мы все-таки тебе голову снимем», — и убивает. Но убивает так же, как и убийца, а не потому, что считает себя правым (16 января 1925 г. [39, с. 22]).

Заповеди, следовательно, трансцендентны, являя собою абсолют, и поэтому именно расходя — эмпирическая — мораль, оправдывая, например, при определенных обстоятельствах (скажем, на войне или при самозащите) убийство, придает им временное и относительное значение, что есть полная противоположность божественному замыслу. (Здесь В.И. развивает по-своему знаменитый тезис Достоевского: «Если Бога нет, то все дозволено»). Полностью отдавая себе отчет относительно антиномий человеческого сознания, способного из евангельской проповеди любви вывести потребность в инквизиции, В.И. всегда отвергал явную или скрытую проповедь «добра с кулаками» в силу насильственности, лежащей в ее основе, — исторический опыт и по сей день подтверждает его правоту. Отсюда категорический отказ В.И. от какого бы то ни было оправдания революции: «Революция есть великое зло <...>, она — разрушение, а разрушение всегда зло. Это есть клоака самых низменных человеческих инстинктов, и как бы мы ни маскировали дело революции, перед лицом совести правда остается правдой» (15 июня 1921 г. [39, с. 69]) — и обоснование разрушительного действия всяческого «моралина», подавляющего наш свободный выбор:

Бойтесь привить себе насильственно добродетель. Нет ничего ужаснее, как привить кому-нибудь несвойственную добродетель. Каждая добродетель — яд. Если б я захотел кому-нибудь страшно отомстить, я привил бы ему добродетель. И на теле человечества всякая привитая добродетель вызывает ужасные экземы и нарывы. Как из одной тональности, чтоб перейти в другую (хотя и необходимую) тональность, нужно не миновать ни

одного промежуточного звена, иначе получится ужасная какофония, так и к каждой добродетели нужно прийти последовательно через все ступени. Если б мы все стали вегетарианцами, то это развилось бы в нас такую ужасную паучью жестокость, что мир бы содрогнулся (5 сентября 1925 г. [39, с. 80]).

«Эмпирическая мораль» неизбежно налагает обязательность, общепринятость и, как следствие, — одинаковость, тем самым игнорируя столь же эмпирический факт человеческого неравенства, а за этим маячит уравнительная шигалевщина:

Я клянусь на Пушкине. Вот я, даже Достоевский немного, ну хоть в чем-нибудь коммунисты. Пушкин, тот вот ни на капельку, ибо он имел в себе достаточно силы, чтоб не склониться перед почти очевидной моралью, если она не согласна была с его духом. <...> Так, например, положение, что все должны быть сыты (не говорю уж о правах), для Пушкина не было бы обязательным. Пушкин знал, что люди неравны, и он бы не отступил от этого ни на йоту, ибо так требует закон Красоты. <...> Нужно неравенство. Я лично не чувствую себя настолько талантливым, чтоб быть в такой степени бессовестным. Но, конечно, прав Пушкин. Я думаю, есть какая-то иррациональная справедливость в неравенстве людей. Это, конечно, неморально (я не говорю о “добре” в религиозном смысле), но я-то вообще к моралистам хотя испытываю чувство глубокого уважения, но я при них застегиваюсь на все пуговицы (12 февраля 1925 г. [39, с. 50–51])⁶⁰.

Отметим, что здесь вынесено за скобки «добро» в религиозном смысле, т. е. *summum bonum*, высшее Благо, так что речь

⁶⁰ Ср. Е.А. Миллиор: «Нагорная проповедь — это обращение к разным людям и к каждому другие требования — иная награда. Для ясности Вяч. привел даже такое сравнение: “Одному студенту я велю переводить и заглядывать в готовый перевод, другому — запрещаю, третий должен пользоваться словарем, четвертый — нет”. Но кто же определит, что же именно он должен — что он может делать и чего ему нельзя? Ибо одному разрешается больше, а другому меньше. Это решает каждый сам, в этом его свобода, в этом и риск — перейти грань» [54, с. 14].

идет исключительно о посиюстороннем статусе нашего бытия и морали, как одной из его функций. Строгое разграничение трансцендентного и имманентного при отсутствии метафизического прорыва из одного в другое — характерная черта психики и «эроэтики» В.И. В том же ключе надлежит оценивать и нижеследующее его рассуждение, не лишенное, конечно, представления о духовном аристократизме, но целиком соответствующее его концепции суверенной свободной личности в категориях «Ты Еси»:

У меня, — сказал В., — здоровая, «мускулистая», как говорил Ибсен, совесть. Я ее ощущаю приблизительно так. Я не один, я множествен, но для интересующего нас случая достаточно указать, что я двойствен, ну хоть бы царь и раб, судья и подсудимый. И если я совершаю какой-нибудь проступок, то царь раба судит. Моя же гордость и благородство в том, что я отождествляю себя с царем, а не рабом. Таким образом, благородство мое и совестливость моя — одно. <...> Я сам себя сужу и осуждаю, но я сам же себя и милую. Я впадаю в «рабство греха» (по выражению апостола Павла), но я же могу и, осознав свой грех, дать себе амнистию, отпустить себя на волю. Да, первоначальной свободы я с первым грехом лишился, но вновь получить свободу я могу, и если я сам вольноотпущенник, да еще сын вольноотпущенника, то имею все права свободного. Так совесть не загрызает меня. Ибо у меня совесть — это внутренняя дифференция своего рода, пожалуй, пафос расстояния. Как видите, она вытекает из моей гордости (моя гордость всегда мне говорит, что я гораздо высшее, чем представляю, и имею униженное воплощение); если Вы скажете, что это порок, то я разве не всегда утверждал, что все добродетели возникают из пороков и, наоборот, из добродетелей — пороки, они взаимно просвечивают... (20 июня 1925 г. [39, с. 69–71]).

При этом он не сомневается в этическом аспекте соловьевской философии всеединства: «Но, повторяю, что виновность каждого друг за друга — в этике — так же истинно, как — в науке — то, что все явления переплетены причинностью» (10 февраля 1925 г. [38, с. 49]). Наиболее отчетливую формулировку этой позиции со стороны В.И. — суверенного права отвечать лишь пе-

ред Высшим началом и собственной совестью за свои поступки — мы находим не в «Разговорах», а воспроизведенной в дневнике Альтмана: «Я серьезен и аскетичен в онтологическом круге бытия, в мире же явлений я вовсе и не должен быть таковым. Эти два состояния должно расчленять, чего Вы не делаете» (запись от 16 января 1921 г. [38, с. 229]).

Как бы ни относиться к цитированным или иным известным нам высказываниям В.И. на темы этики в студенческом кругу или к их соотносимости с его собственным *modus vivendi*, в них не найдется никаких оснований для обвинения в «развращении юношества» (таковые отсутствовали и в деятельности Сократа), ибо в обоих случаях точкой отсчета являлось абсолютистское представление о Благе, для одного — воплощенного в интеллектуальном поиске и овладении Истиной, а для другого — в мистическом переживании, выходе из иллюзий, порожденных «целлюлярностью», через *transcensus*, преодоление самого себя. Характерен призыв В.И. к оставшимся в России, связующий несколько важных для него мыслей — право свободного мировоззренческого выбора, актуальность человечности и сопричастность Высшему в платоновском смысле: «Держите высоко светоч гуманизма. Это нужно веку. Я не гуманист по миросозерцанию, но всегда буду свидетельствовать, *ὅτι καλὸν φίλον ἔστί, τὸ δοῦν καλὸν οὐ φίλον ἔστί...* Итак, будем стремиться “раждать в красоте”, и да здравствует Платон!»⁶¹.

VI

Размышляя о своем даре и опыте «маевтики» в «Теэтете», Сократ признает, что «уже многие юноши <...>, исполнившись пре-

⁶¹ Письмо В.И. к Е.А. Миллиор от 8 марта 1925 г. [55, с. 68–69]. Греческая фраза — цитата из элегий Феогнида Мегарского (1, 4, 17) в переводе Адриана Пиотровского: «Зевсовы дочери, Хариты и Музы, что некогда, в терем Кадмов венчальный войдя, дивную подняли песнь: “Вечно прекрасное мило, а что не прекрасно, немило” — Песню такую в ту ночь пели бессмертных уста». О сложном отношении В.И. к гуманизму написано немало, см.: [16].

зрения» к нему, — «то ли сами по себе, то ли по наущению других людей» ушли от него «раньше времени»:

И что же? Ушедши от меня, они и то, что еще у них оставалось, выкинули, вступивши в дурные связи, и то, что я успел принять и повить, погубили плохим воспитанием. Ложные призраки стали они ценить выше истины, так что в конце концов оказались невеждами и в собственных и в чужих глазах. Одним из них оказался Аристид, сын Лисимаха, было и много других. Когда же они возвращались обратно и вновь просили принять их, стараясь изо всех сил, то некоторым мой гений (“демоний” — δαίμόνιον) запрещал приходить, иным же позволял, и те опять делали успехи («Теэтет» 150e–151b; ср.: «Феаг», 128e–129; «Алкивиад I», 105d–e).

Так выявляется упомянутая ранее амбивалентная природа пайдэи как педагогического процесса, в силу многообразия ее составляющих, включая идиосинкразии человеческих характеров и гетерогенность их мотиваций.

Равным образом, нельзя не заметить некоторых сходств ситуации Сократа, описанной Платоном, с затруднениями, испытанными В.И. в общении с некоторыми студентами, коих он сам приблизил к себе — несмотря на хронологическую и контекстуальную разницу в полтора тысячелетия между парадигмами, свойственными эллинскому мышлению периода расцвета и многосложной ментальностью эпохи модернизма. Это возвращает нас к этим «психо-идеологическим» конфликтам, без хотя бы краткого внимания к которым предлагаемая здесь картина окажется неполной.

Преданность к В.И. со стороны В.А. Мануйлова и Е.А. Милиор не подлежит сомнению, со студенческих лет и до конца их жизни. Тексты — их и о них (а в моем случае, и личное знакомство) свидетельствуют о твердости взглядов, сохранившихся вопреки жизненным перипетиям, и о стремлении к внутренней гармонии, несмотря на внутренние кризисы того или иного рода, — способностях, выработанных, надо полагать, не без его влияния. Не идеализируя В.И (и умея над ним смеяться), от-

давая себе отчет в теневых его чертах, слабостях и изъянах, они сознавали весь масштаб его фигуры и принимали его таким, как он есть, полные благодарности, могли с ним не соглашаться, однако не старались состязаться с ним в словопрениях, адекватно оценивая собственные возможности, не преувеличивая их, но и не преуменьшая⁶². Напротив, доступный материал о К.М. Колобовой и М.С. Альтмане (о последнем весьма объемный) в студенческие годы рисует их обоих обладавшими страстными, по-

⁶² Ср., к примеру, негодование Е.А. Миллиор в ответ на провокационные высказывания В.И. по поводу ее интимных переживаний [54, с. 13, 23–25]. Несмотря на очевидную враждебность В.И. к Харазову и даже прямой запрет общения с ним, она продолжала проявлять интерес к нему и его идеям: «Но когда я начала с ним сближаться, то Вяч. Ив. обратился ко мне с категорическим требованием: “Дружите или с ним, или со мной. Выбирайте”. <...> Я выбрала Вячеслава. Но дело было не в его ультиматуме. <...> Философия Хоразова произвела на меня сильное впечатление. Она влекла, затягивала. Я не хотела, я боялась его влияния. Я чувствовала, что не разрушительная, а именно разлагающая мысль Хоразова мне, м. б., слишком близка, что я не найду опоры для сопротивления». Их контакты прекратились с ее стороны «не по принципиальным соображениям», но в силу сложившихся обстоятельств [54, с. 24]. С другой стороны, В.А. Мануйлов отклонил лестное предложение В.И. сопровождать его за границу: «Я не жалею, что я отказался в свое время ехать с Вами в Италию, хотя Вы для меня дороже всех любимых мною людей», и далее: «Я люблю СССР и верю в него (не в название дело). Жить везде трудно, везде тяжело и здесь, может быть, тяжелее, но тут больше правды, да и я здесь нужнее» (письмо от 9 февраля 1925 г.). Е.А. Миллиор выделяет проблему В.И. в Баку с алкоголем [54, с. 16, 21]; отмечает свойственную ему иногда фальшь, «неприятную в большом человеке» [54, с. 17], и более того: «Говорили, что Вяч. Ив. человек не искренний, двуличный. Доля правды в этом была. Вяч. Ив. не был то, что называется “душа нараспашку”. И он умел и, м. б., даже любил играть роль, не избегал и дипломатии. Я знаю, это не противоречило его моральным принципам. Но я уверена, что в кругу близких он был глубоко правдивый и искренний человек. Именно такой он был с нами» [54, с. 21]; или (в контексте его скандалов с Ал.Н. Чеботаревской, с которой «он бывал порой резок и чуть ли не груб, и даже при нас, студентах»): «Характер у В. Ив. был тяжелый» [54, с. 22]; в то время как обожавший его В.А. Мануйлов признает: «Иногда Вячеслав Иванович был человеком совсем не добрым. И вообще от него иногда исходили страшноватые искры. Если бы захотел, он мог бы испепелить собеседника-противника. Но, зная свою колдовскую силу, он употреблял ее в редчайших случаях. В гневе он был страшен. Мне пришлось видеть его в гневе только несколько раз. К счастью, его гнев был обращен не на меня» [51, с. 89].

жалуй, невротическими темпераментами, амбициями, высокой самооценкой, отчасти объясняющими их бунты против учителя, коему до и после таковых неоднократно объяснялись в любви.

После отчуждения между ними незадолго до его отъезда из Баку, сопровождавшегося для нее душевными пертурбациями, и их мучительным прощанием в Москве Колобова шлет ему осенью 1924 г. два — на грани любовных — письма, с выражением пылких чувств, объяснениями и стихами, включая строки, обращенные к В.И. с особенно впечатляющей силой чувств:

В Баку, где страннику в гоненьи
оставлен тихий был приют,
в уединеньи, в единеньи,
вдали от потрясенных смут,
где столько любят, столько ждут —
Ты был единственным спасеньем.

Ты был единственным спасеньем!
Ты холодом своим проник
в мою горячечную душу.
и твой суровый строгий лик
в смятеньи диком не нарушу,
но сохраню черты Твои
в их чистоте... они — мои.

(Из неопубликованного стихотворения,
вложенного в письмо от 16 ноября 1924 г.)

В феврале 1925 г. она посылает в Рим посвященную ему же поэму «Багаван», довольно туманного, квазирелигиозного содержания⁶³. Завершающим аккордом их отношений стала реак-

⁶³ Поэма занимает шестнадцать страниц мелким почерком и предпослана в письме следующим нетривиальным пассажем: «Поэма эта Вам посвящается и я верю, что Вы все увидите, все поймете и все простите. Если мои слова и дела могут — не воскрешать — до этого мне не дойти, но хоть немного помогать людям, то пусть поможет Вам Багаван ... это тоже своего рода *Cor ardens* [sic! — В.Р.]», и далее: «“Воскреснешь, того воскрешаешь, кем тайно дышишь, кого ты любишь. Ты — Он”. Не знаю, о ком думали Вы, но я думаю о Вас. И как

ция Колобовой на исполненное самоиронии стихотворение В.И. «Палинодия» («И твой гиметский мед ужель меня пресытил?...» (1927), которое она восприняла целиком серьезно, в буквальном смысле, как отречение не только от дионисийства, но и от эллинского наследия как такового. 16 ноября 1924 г. Колобова пишет ему не без истерической интонации:

За то, что я никогда и ни в чем не шутила и не лукавила перед Вами, за то, что все Ваши слова, сказанные мне, дали уже свои всходы — Вы должны и не можете не ответить на это письмо. До сего времени я была Вашей ученицей, и Ваше благословение, и все Ваши хорошие слова давали мне на это право и они же в час душевного смятения и скорби о Вас, за Вас и за себя дают мне право говорить сейчас с Вами не тоном покорной ученицы, но просто — человека. <...> Вы сами понимаете, что Ваши стихи восприняла я не в поэтическом плане. Я увидела здесь какую-то катастрофу, какой-то срыв в неизвестное мне. Неужели для Вас Эллада стала “храмом украшенным бесов” и Вы покинули этот храм как Павел прозревший или ослепший Эдип? И куда приведет Вас отшельничество и пустыня? <...> И пришло ли время, когда мне суждено расстаться с Вами навсегда? Вячеслав Иванович, за мою большую, безмерную любовь к Вам и веру в Вас Вы должны мне ответить, п. ч. вопрос стоит остро, п. ч. вопрос идет о моей жизни, о моей будущности. Но если Вы не ответите мне как другу или как врагу, Вячеслав Иванович, тогда зачем я была нужна Вам раньше? Ведь я не из того при-

бы хотелось мне, чтоб это было так. Обещанье даю Вам — Воскресну и Вы воскреснете. <...> Примите же еще дар огненный, сердце мое горит в Багаване, и Багаван горит в моем сердце. <...> Как хотите, судите мою поэму, Вячеслав Иванович! Но только не обессудьте окончательно. Это самое дорогое для меня. И если “Багаван” Вам понравится, если он слегка повеет на Вас своим огненным дыханием, напишите об этом мне или кому другому, как-нибудь дайте весточку. <...> Если же Вы не обмолвитесь ни одним словом, то я пойму это как приговор себе и моей поэме. “Багаван” — это ведь пробный камень мой. И не дай Боже, если окажется он камнем преткновения» (письмо от 13–15 февраля 1925 г.). По всей видимости, «Багаган» адресата посвящения не впечатлил, ибо столь ожидаемых автором ответа и оценки не последовало; ее письмо от 2 февраля 1927 г. с вложенной в него юмористической, но не лишенной грусти пародией на письмо Онегина Татьяне, также осталось без ответа.

рученного и покорного стада, которое так часто окружало Вас. <...> Ведь не могу же я думать, что все Ваши хорошие и дорогие для меня слова Вы бросали на ветер, не беря для себя никакой ответственности и умывая руки? <...> Для меня здесь катастрофа, и чем она непонятней, тем неотвратимей. Я посылаю Вам письмо с обратной распиской, чтобы быть уверенной в том, что Вы его получили и если Вы все-таки на него не ответите я буду знать, что Вы отреклись от меня, что я для Вас давно уже не существую. <...> Я требую от Вас исполнения, если мне не дозволено просить. Я жду и пока все еще по-прежнему благословляю и люблю Вас.

Через несколько дней, в письме от 21 ноября, Колобова продолжает:

За три года я проделала большую эволюцию и Ваш путь стал моим путем, независимо ни от каких внешних и даже внутренних катастроф. Я упорная и злая и пусть я иду кривыми путями, но все-таки я живу, расту и иду вперед. Я оказалась сильней и выдержанней, чем многие другие, которые Вас не перенесли и уже погибли. <...> Я теперь говорю с Вами совершенно спокойно и просто и мне бы хотелось, чтобы Вы видели во мне не только ученицу (да еще притом бывшую), но и живого человека. И мне бы хотелось также, чтобы Вы ответили мне на первое письмо, п. ч. все-таки без ответа его оставить нельзя. Ваше молчание будет равносильно отречению от меня в будущем (а это значительнее, чем в прошлом), а я не могу насильно заставить Вас по-прежнему оставаться моей путеводной звездой. <...> Ваши слова и Ваш ответ для меня очень значителен и я не хочу без Вашего желания — отречься от Вас, от вашего посвящения и от надписи на карточке, которая конечно в случае молчания будет переслана Вам обратно.

Ультиматум имел результат — на этот раз ответ от него пришел, отчасти ее успокоил, но не убедил:

Я не могу судить Вас, но Ваши пути мне по-прежнему темны и непонятны. <...> Я человек, конечно не религиозный, о всякой церкви думаю очень резко и резко ее отрицаю. Религия сыграла

уже свою роль и ей пора уйти за кулисы, т. к. открывается новое действие. <...> Но я по-прежнему крепко верю в Вас, верю в то, что Ваше насквозь католическое письмо, письмо канонизированное [sic! — В.Р.] и тем более тревожащее меня — отражает только переходный и трудный период Вашей жизни и не является Вашим последним *credo*. <...> Религии у меня нет, но и беззакония тоже. <...> Ваши слова о машинизации, бестиализации и даже сатанизации дехристианизованной культуры — тоже канонические церковные слова. <...> Ведь Вы по-новому могли бы воспринять нашу эпоху, нашу жизнь, а не отгораживаться от нее “анафемой”. <...> Вы не можете и не захотите притти к нам, я не смогу даже в принудительном порядке поверить в церковь — и наши пути круто расходятся. <...> Простите, а м. б. и прощайте (8 декабря 1927 г.).

Текст «канонизированного» ответа В.И. бывшей ученице не сохранился; возможно, само письмо было позднее уничтожено. С ним, однако, ознакомился В.А. Мануйлов, написавший об этом учителю в Рим, высказавшись прямо противоположно позиции адресата: «... а еще особенно благодарен я Вам за Ваши последние стихи. Я чувствую сердцем — как все это дорого мне, как это важно, и никакого изменения (измены? — как думает Ксения) не вижу, не могу увидеть. Много раз перечитывал Ваше письмо к Ксении — оно мне много сказало и обрадовало до слез — значит, Вы впереди, значит, я все еще иду за Вами, значит, любовь моя зоркая и живая!» (24 января 1928 г.; см.: [14, с. 665]). Эпизод с «Палинодией» упоминается в воспоминаниях Л.В. Ивановой с пояснением: «После первой вспышки гнева и обиды за то, что (напрасно) показалось ей изменой Элладе, пришли письма более умиротворенные» [48, с. 104–105, 176–177]; ср.: [14, с. 665]⁶⁴. Читаем в последнем по времени известном нам письме Колобовой к В.И.:

⁶⁴ Об обстоятельствах распространения «Палинодии» в России и реакции на нее бакинских знакомых В.И. см. его письмо к дочери от 21 января 1928 г.: [45, с. 572–573]. Об истоках антирелигиозных воззрений Колобовой, ср. выше, прим. 36.

Я резко перешла (в предыдущем письме) в стан Ваших врагов и врагов к тому же близоруких и написала Вам нехорошо о Вас, также как и о себе. «От ненависти до любви один шаг», как и обратно. И моя любовь к Вам перешла в ненависть, чтобы в свою очередь перейти в любовь. <...> И вот теперь, когда все это <нрзб>, я пишу Вам письмо, как нераскаянный грешник, п. ч. я все же грешник, и все же не раскаявшийся. На днях видела на выставке Ваш портрет [работы Н.П. Ульянова, 1920]. Вы похожи там на черную хищную птицу. К изумлению всех присутствующих, я низко поклонилась Вам уходя (23 марта 1928 г.).

К.М. Колобова, принявшая марксистскую идеологию, вступила в ВКП(б) и должна была публично отречься от В.И. В тридцатые годы, по понятным причинам, она уничтожила весь свой архив, но известно, что «в своем письменном столе она бережно сохраняла только небольшой по размеру фотографический портрет Вячеслава Ивановича, на обратной стороне которого рукой Иванова было написано посвященное ей стихотворение, которое начиналось словами “Ксения, странница...”» [19, с. 510]⁶⁵.

С Альтманом дело обстояло существенно сложнее. Впрочем, и объем свидетельств об эволюции — или, пожалуй, «конволюции» — их отношений гораздо обширней. Доступный материал состоит, главным образом, с одной стороны, из неоднократно цитированных «Разговоров» Альтмана с В.И., а, с другой, — из отобранных фрагментов массива его дневниковых записей того же периода⁶⁶. Сопоставление двух этих текстов производит гне-

⁶⁵ О Колобовой в 1930-е гг. ср. [54, с. 25, 27] и примечание А. Кобринского: «Имеется в виду вступление К.М. Колобовой в ВКП(б) в 30-х годах и ее публичные отречения от “буржуазной науки”, в том числе и от В.И. Иванова» [54, с. 56].

⁶⁶ Публикатор дневниковых фрагментов К.Ю. Лаппо-Данилевский указывает, что дневники Альтмана бакинского периода составляют три толстых тетради, в которых отражены события: а) с дек. 1919 по март 1921 гг.; б) с янв. по авг. 1922 гг.; в) с сент. 1922 по февр. 1926 гг. [15, с. 110]; к ним следует добавить два его письма к В.И. в Рим, цитированные выше. Поскольку полный текст дневников М.С. Альтмана до сих пор не опубликован, наши суждения о внутренних и внешних перипетиях взаимоотношений учителя и ученика могут быть, в каких-то отношениях, предположительными, будучи главным образом основаны на источнике не только одностороннем, но и доступном лишь

тущее впечатление: если в первом из них, рассчитанном на публикацию, негативная динамика их общения остается в подтексте и едва ощущается, то во втором молодой человек, писавший дневник под влиянием смены настроений и прежде всего для себя (и, надо отдать ему должное, с очевидной искренностью), не стесняется в выражениях мыслей и переживаний, часто удивительным образом и со страстью сочетающих пылкое восхищение, влечение, отторжение и бьющую в глаза вульгарность, которые могут сосуществовать и перемежаться, демонстрируя неординарное «смятение чувств». Притом это не просто достаточно обыденный случай постепенного разочарования ученика в первоначально обожаемом учителе, но пример метаний из крайности в крайность, иногда чуть ли не на грани раздвоения личности, продолжавшихся вплоть до отъезда последнего за границу⁶⁷. Спектр рефлексий двадцатипятилетнего молодого человека на данную тему столь противоречив и полон нюансов, что делает невозможным адекватное осмысление сложившейся между ними коллизии в рамках настоящей работы: для этого требуется подробный, текстуальный и психологический, анализ материала, в силу указанных особенностей подлежащего, на мой взгляд, скорее художественному, чем научному толкованию. Соответственно, ниже я позволю себе высказать лишь некоторые предположения насчет личностных характеристик, могших отразиться в мотивации, поведении и дневниковых записях студента, возведенного в ранг друга, относительно его много старшего по воз-

фрагментарно: любая селекция такого рода материала по самой природе своей субъективна и нередко диктуется внешними обстоятельствами.

⁶⁷ Несомненно наделенный даром интроспекции и старавшийся быть честным по отношению к самому себе, Альтман отдавал себе отчет во многих собственных недостатках, в том числе, склонности к резкой смене настроений (ныне именуемой *mood syndrome*) «положительных и отрицательных эмоций». Ср.: «Именно дневники дают адекватное представление о М.С. Альтмане, которому была свойственна крайне высокая оценка собственной личности, а потому, видимо, и предельное внимание к любому, даже самому незначительному, факту своей биографии. Он постоянно находился во власти каких-либо настроений, отдаваясь им искренне и целиком» [15, с. 117]. Нельзя исключить, однако, что в те годы он мог быть подвержен легкой форме биполярного расстройства.

расту знаменитого ментора⁶⁸. Очевидно, что ни одно из них не может быть принято без дальнейших аргументов и разработок.

Представляется наиболее верным, что в своих суждениях, прежде всего, о людях Альтман большей частью руководствовался тогда возрастным максимализмом, порождавшим в нем чрезвычайный энтузиазм, доведенный до кумиротворчества и не терпевший — до известного момента — никаких сомнений. Сверх того, подобный квазиманихейский настрой присущ эпохам исторических катаклизмов, становясь для многих точкой опоры, что не удивительно, принимая во внимание непредсказуемый и хаотический ход событий и сопутствовавший ему душевный разброд, особенно в случаях молодых интеллектуалов — таких, как Альтман. «Чем я только не увлекался, чему я только не сочувствую, — записывает он в дневнике. — Я и коммунист, и эсер, и меньшевик, и монархист, и республиканец, я и толстовец, и хасид, и ницшеанец, и шопенгауэрианец. Я за всех, я за всё, и я ничей и ничто. Я раздираем на все атомы, я миллиард частей без единого целого, без синтеза, тысячи возможностей, ни одной действительности, периферия без центра, мир без Творца, толпа без героя, история без апофеоза, жизнь без гения» (запись от 24 сентября 1920 г. [38, с. 225–226]). Не будучи человеком религиозно одаренным (отношение его к религии насквозь интеллектуально), он не мог удовлетвориться верой в Бога как таковой, но искал воплощение ее в конкретном человеке, дабы обрести под ногами осязаемую твердую почву⁶⁹.

⁶⁸ Было бы интересным сопоставить с этой коллизией историю отношений Осипа Мандельштама с Сергеем Рудаковым (как и Альтман, начинающим амбициозным филологом и поэтом), сблизившихся во время воронежской ссылки их обоих, характерную сходным смешением превозношения и опять же, в вульгарно-хамской форме, ниспровержения старшего младшим, при отсутствии в текстах последнего, как по существу и в случае Альтмана, должного осознания разницы масштабов (см.: [53]; также: [43, с. 74–114]). Подобные сближения ставят вопрос о возможных траекториях ученичества и учительства, независимо от наличия или отсутствия педагогических целей.

⁶⁹ Ср., к примеру, рассуждение его на эту тему в знакомых ему с отрочества (см. его автобиографический очерк «Меюхес»: [39, с. 219–220]) традициях хасидизма: «Дома часто шутят, что я отношусь к Вячеславу, как хасид к сво-

Однако, как уже отмечалось, этого рода «культовое» поклонение часто чревато скорым разочарованием, ибо любое несоответствие почитаемого его субъективному восприятию в глазах почитателя может вызывать в последнем «когнитивный резонанс», легко переходящий в недовольство, а затем в негодование и неприятие: частности затмевают целое, провоцируя отдаление, обвинения и в конце концов разрыв. Альтман прошел этот путь в течение года (впрочем, окончательно с бывшим наставником так и не порвав)⁷⁰. В его сознании пустяковые, хоть и неприятные эпизоды (вроде перебранки В.И. с А.Е. Крученых) обретали значение жизненной драмы:

Но и эта сцена произвела на меня впечатление тяжелое. Ведь В. — мой идеал, единственный мой догмат, последняя моя основа, — и вот рушится и эта основа, весь мир мой рушится. И опять ничего святого, и опять без руля и без ветрил, без надежд и без цели плывет мой челн по воле волн. Я совсем уж было выбрался на путь — и вот опять срываюсь. Единственный человек, которому я верил больше, чем себе. И вот рушит-

ему ребе. И это, в сущности, действительно так. Я происхожу от хасидов, мои предки и по отцу и по матери — рьяные хасиды и почитатели любавичского ребе и культа его. <...> И теперь вот, когда я нашел своего ребе, хасид со всеми его атрибутами сказался во мне с такой силой, что он уже виден не только мне самому, но и всем вокруг. В. для меня то же, что старец Зосима для Алеши, что ребе для истинного хасида. Кто такой ребе? Это живой идеал, это образ и подобие Бога в человеке. Это — Чудо, Авторитет, Тайна. Но этого мало: это все есть и у отца лжи (см. «Великий Инквизитор» Достоевского). Нет, у него еще, он еще — Откровение. Откровение того, что в нем — ты и он — в тебе, что хасид и ребе, что верующий и объект веры — одно. Вот из-за этого-то двуединого тождества, для обретения другого, как себя самого, — и готов я идти на все жертвы. Здесь начинается мой «культ героя». Но здесь же начинается и исследование героя, испытание героя — подлинный ли он. Здесь — *incipit tragoedia*» (дневниковая запись от 9 апреля 1922 г. [38, с. 254–255]).

⁷⁰ Первая его жесткая дневниковая атака на В.И. (характерно начинаясь с нападок на его внешность) датируется 21 января 1922 г. [38, с. 243–244]. Триггером явилась рукопашная драка (!) между Г.А. Харазовым (см. выше, прим. 41) и профессором истории Л.А. Ишковым, когда В.И. принял сторону последнего, после чего «мятежный ученик» обрушился на него в дневнике целым каскадом обвинений и оскорблений (записи от 21 янв., 2 февр. 1922 г.; ср. 16 янв. 1923 г.: [38, с. 265–266]).

ся и эта вера. И этот высокий столп подмывается. К нему единственному я ходил. Куда ж я теперь пойду? (запись от 19 февраля 1921 г. [38, с. 234]; ср. 15 марта 1922 г.: «Последний раз поздорили из-за сущего пустяка» [38, с. 251]).

Разумеется, как любая сложная творческая личность, В.И. был далек от нравственного идеала и не считал себя таковым, однако большинство знавших его, отдавая должное его достоинствам и достижениям и вопреки его прегрешениям, принимали его как он есть, среди них — искренне его любившие Е.А. Миллиор и В.А. Мануйлов. В то время как Альтман, сознательно или нет, стремился как-то изменить его личность согласно своим ожиданиям, поддаваясь искусу, который греки называли *hybris*. Он гордился тем, что считал своей «объективностью», в том числе, и мелочно критикуя в дневнике проявления характера или поступки В.И., казавшиеся ему достойными порицания, а время от времени и прямо заявляя ему об этом, мало задумываясь, насколько его впечатления и суждения — а тем более, частые неправомерные обобщения — по определению, субъективны⁷¹. Не

⁷¹ В какие-то моменты Альтман был, однако, способен осознать этот факт, но тут же находя себе оправдание: «Я в приговорах скор, у, как скор! Но отчего мне и не быть скорым, особенно в дневнике, цель которого — именно не отстать ни от одного мгновения?» (запись от 26 сентября 1922 г. [38, с. 261]). Соответственно, обобщая критическое наблюдение о ком-либо, даже близком, он спешил обратить его в инвективу. В.И. же, напротив, возможно, не без подтекста, утверждал ему о себе обратное: «Вы, должно быть, — сказал В. мне, — одарены в критике больше меня. Я если что люблю как целое, не замечаю уж отдельных слабостей, лишь был бы мой любимый себе верен» (запись от 16 февраля 1921 г. [38, с. 230]). Следует также помнить, что на протяжении Бакинского периода, несмотря на присущий ему научный и преподавательский блеск, В.И. переживал тяжелый душевный кризис и много болел. На позднем этапе их отношений Альтман начал понимать и это: «Хочу, однако, быть справедливым. Поэтому допускаю одно объяснение всего поведения Вячеслава, которое может аннулировать все сказанное. А именно: он не тот здесь (в Баку) и теперь (последние годы), что был. Он и сам не раз говорил мне: “М.С., Вы видите меня больным: я был совсем не тот, когда был здоровым”. Это очень возможно. <...> Будем же лучше смотреть на его прошлое, если сможем, — и на будущее. <...> Из любви к нему, дальнему, минуем ближнего» (дневниковая запись от 9 ноября 1922 г. [38, с. 271]).

случайно сам В.И. заметил, хотя в лестном для слушателя контексте и с оговоркой: «Подобная объективность всего на шаг отстоит от смерти» (запись от 7 января 1922 г. [38, с. 237])⁷². Надлежит подчеркнуть, что как на раннем, так и на позднем этапе их отношений, Альтман с благодарностью признавал нравственно положительное влияние на себя со стороны В.И.:

Вообще его личность действует на меня возвышающе: я впервые обрел живой идеал нравственности и благородства и в то же время скромности и гениальности (25 января 1921 г. [38, с. 231]); Я весь день почти провожу у Вячеслава и чувствую, как все нравственной нрав мой становится. Сын Человеческий, он ведет меня к Сыну Божьему, и как светла эта дорога. Я верю ему настолько, что если он говорит, что есть Бог и вечная жизнь, значит — есть. Вячеслав, очевидно, признаёт меня, он считает меня талантливым и достойным того особенного и чрезвычайного внимания и доверия, которое он мне оказывает. <...> С ним бывая, я забываю обо всем и всех и даже часто (для меня это невероятно) и самого себя (запись от 6 февраля 1921 г., [38, с. 232]); Все мои помыслы — о нем, мысли — на его темы, он весь меня собой наполняет. И я благодарю судьбу, что она привела меня к его порогу, ввела и в самую обитель. <...> Я чувствую, как В.И. действует на меня совершенно не так, как кто-либо из писателей действовал на меня до сих пор. Не чувства, не ум совершенствуются у меня, но самая воля. Я становлюсь все человечнее, и мне этого хочется. Все смиренно-мудрее и благочестивее, все лучшим сыном Отца Небесного (12 февраля 1921 г. [38, с. 233]); Если это так, то хвала не мне, не мне, а имени твоему, В.И. Это ты вызываешь во мне самое лучшее, это ты — мой правый укротитель, смиренный победитель. Тебе, Вя-

⁷² Ср. от 18 февраля 1922 г.: «Вы заявляете о своем полном нейтралитете ко всем развитым Вами мыслям, то мне кажется, что если смотреть под лупу, кое-где нейтралитет окажется нарушенным, не в упрек, конечно, говорю я это, а лишь отмечая факт. Я лично удовлетворен и нейтралитетом, было бы гораздо хуже, если б Вы сами, излагая все о матери, например, сами в душе бы над матерью издевались — тогда это была бы какая-то дьявольская игра. Я успокоил В., сказав, что я нейтрален. Однако так ли это на самом деле? Я сильно в этом сомневаюсь» [38, с. 248]. Догадывался ли В.И. что, гласно восхищаясь им, он мог над ним в душе издеваться, как об этом свидетельствуют дневники?

чеслав, вящая слава, тебе хвала. И как я рад, что твоей славой кончаются записи этой тетради (21 марта 1921 г. [38, с. 235]).

Вскорости, однако, подобные дневниковые излияния касательно В.И. сменились все более раздраженными придирками, претензиями, оскорбительными выпадами самого разного рода, примерами дурновкусия, нередко на грани хамства⁷³.

Лишь столкнувшись неожиданно с перспективой отбытия В.И. за границу, может быть, навсегда, Альтман переживает настоящий шок:

Это известие меня как громом поразило. <...> Для меня лично весь университет был ценен присутствием в нем В., и с изъятием его он для меня бездушный труп. Как никто, я в лице Вячеслава имел личного друга и вожатого, почти отца. Это был единственный в городе человек, с которым я два года беспрерывно ненасытно общался, которого чтил и любил. Я его очень высоко, но, ах, все еще мало ценил. Имея — не дорожим, а потерявши — плачем. В разлуке познается сила привязанности, и, с тех пор как я узнал, что дни его в Баку сочтены, я не знаю, как им дорожить. Хожу как осиротелый, по ночам не сплю, днем грущу. Усиленно мечтаю, как только ликвидирую свои академические дела, съездить в Москву, на Украину и оттуда всеми возможностями за границу, «к нему» (запись от 19 октября 1922 г. [38, с. 262]).

Поскольку тогда отъезд оказался отложен, молодой человек быстро вернулся в дневнике к ставшему привычным зубо-скальству, инкриминируя В.И., среди прочего, недостаточную

⁷³ Ср.: [38, с. 238, 244–246, 248, 255, 261, 264–267, 270–272, 275, 276]. Нужно при этом оговорить, что Альтман был способен, в отдельных случаях, к осознанию несправедливости своих инвектив и последующему раскаянию. Так, например, назавтра после особенно резких нападок на В.И. с обвинениями его, среди прочего, в неспособности к любви, неверии, сладострастии и гордыне, он записывает: «Каюсь, каюсь и отрекаюсь от написанного вчера мною “на” В. Нет и нет. Ошибся я» (4 марта 1922 г. [38, с. 250]). Очевидно, что окружающие не без интереса наблюдали за перипетиями их отношений. Так, Лидия Гуляева спрашивает в письме к В.И. из Ленинграда 19–23 декабря 1923 г.: «И по-прежнему ли любите Альтмана?», при этом передавая ему привет.

защиту академических его интересов (что было неправдой) и даже возмнив, что тот его предаст (запись от 8 ноября 1923 г. [38, с. 270]). Тем не менее, к юбилею В.И. он пишет ему акросонет, именуюя его «другом» и желая ему «до ста / Вести счет лет», впрочем, лишенный пыла и жара прежних обращенных к нему стихотворений («Витийствовать пред другом не пригоже...», 29.2.1924). Наиболее примечательны, однако, два уже цитированных выше его письма к В.И. в Рим, исполненных неподдельной благодарности («...И стало с тех пор для меня просвещение — просветление, непрерывным высветлением») и ностальгии — «целых четыре года (какое счастье!)» — по общению с ним. Альтман изначально отдавал себе отчет в опасностях персонализации идеализма: «Мне, еврею, следует помнить завет: не сотвори себе кумиров — особенно христианских. Помни, что “он” еще и обыкновенный Иванов, иначе вся померкнет слава Вячеслава» (запись от 18 февраля 1921 г. [38, с. 233]). Но это — разумом, чувством же он так и не сумел преодолеть максималистский разрыв между желаемым и действительным, частью и целым, важным и неважным и, в данном случае, поэтом и человеком⁷⁴. Вероятно, ему на это не хватило душевного опыта, умения сопереживать и самоиронии.

С другой стороны, и отношение В.И. к строптивому ученику не являлось однозначным, менялось, но не так радикально, как у последнего к нему самому, и определялось мотивами, о которых трудно судить за недостатком достоверных данных: нам известно мало прямых его высказываний на этот счет, а приведенные в дневнике Альтмана, по причине искажающей их оптики, требуют известной осторожности. Два, однако, фактора кажут-

⁷⁴ Впрочем, последней дилеммы Альтман не сумел, по-видимому, разрешить и годы спустя. Читаем в отрывке из его дневника от 8 августа 1929 г. о впечатлении при встрече с Максимилианом Волошиным: «Столько тела, что спрашиваешь себя: а где же душа, может ли она здесь быть, не заплыла ли, не растворилась ли? Но как же ей быть? Вспоминая, сопоставляю с ним самим стихи его и не могу их согласовать: не накладываются творения на творца, не совпадают. И значит, не понял я чего-то: или поэзии или поэта. Ибо все ж: творение и творец — одно. Или не одно?» [40, с. 583].

ся очевидными. Многие указывает на то, что Альтман, несмотря на молодость, интеллектуально и по широте кругозора превосходил большинство, если не всех, тогдашних собеседников В.И. и, соответственно, представлял для него особенный интерес как «совопросник» — в основе независимый, хоть и поддающийся иногда влияниям ум, способный на собственные нетривиальные мнения и умеющий отстаивать их, открытый диалогу — также и в платоновском смысле⁷⁵. И, конечно же, откровенное обожание юноши с начала их знакомства, равно как и стремление стать его, «славянского Гете», Эккерманом не могли ему не льстить⁷⁶. Как любой умелый педагог на его месте, В.И. обра-

⁷⁵ Ср.: «И вообще влиянию, чрезмерно назойливо напирющему, я даю отпор. Вообще же влиянию всякому я сам радостно иду навстречу. И чтоб чему-нибудь научиться, готов подчас и личность свою умалить» (запись от 16 января 1923 г. [38, с. 264–265]). Своей достигнутой «независимостью» от В.И. Альтман гордился: «Меня он ценит за независимость по отношению к нему. Через какую зависимость, однако, я прошел, пока я стал независимым» (запись в дневнике от 24 апреля 1924 г. [38, с. 275]); и в другом месте: «Как мне иногда кажется, у меня это борьба за независимость. У него же — воля к власти» (15 марта 1922 г. [38, с. 250]). Эта же черта характера, однако, порождала его проблемы с социализацией. Альтман вызывал раздражение и у преподавателей, и у студентов: «Я возбуждаю самыми невинными тезисами вражду и недоумение. Почему? Да потому, что я <...> не считаю для себя обязательным говорить трафарет и пошлости. И мне не прощают этого» (запись от 12 февраля 1921 г. [38, с. 232]); «Все ж я весьма досаую: во-первых, мне кажется отношение ко мне университета <...> равнодушным (со стороны факультета, пожалуй, даже и чуть-чуть враждебным: невзлюбили меня за мою явную самонадеянность; за “непочтительность”, как сказал мне проф. Селиханович, к которому я, впрочем, особенно почтения действительно не испытываю)» (запись от 8 ноября 1923 г. [38, с. 270]; ср.: [54, с. 13]). Молодой человек признавал, что «ужиться» ни с кем не может, и страдал от одиночества, но к преодолению его не стремился: «Остался один. Но единственный и должен быть одним. Довольно я отлынивал от моей участи — одиночества, — пора взять свой крест и с верой в Бога и голос неподкупной совести — идти вперед. Один, один» (запись от 16 января 1923 г. [38, с. 266]). Равным образом, бегство свое из Москвы без прощания с В.И. он оправдывал своей «натурой» [38, с. 279].

⁷⁶ Ср.: [39, с. 89]. Отметим, однако, их любопытный обмен мнениями в «Разговорах»: «Безусловно, — сказал я, — особенно замечательны разговоры с великими людьми, и я так недоволен Эккерманом, что он сравнительно так мало и так слабо передал нам “разговоры” с Гете. Нет, такие вещи не так пишутся.

щался с Альтманом как с равным, не нисходя до него, но возвышая до собственного уровня. Придав ему, сверх того, статус друга, он — возможно, того не сознавая, — допустил этого, эмоционально еще не вполне зрелого, почитателя дальше, чем следовало, в свой сложный внутренний мир, где тот отнюдь не всегда мог сориентироваться, чтобы его подобающе оценить, прочувствовать и уразуметь. В этом состояла ошибка, а, может быть, и вина, В.И., ставшая значимым фактором, повлиявшим на динамику их отношений. Это позволило младшему не только ощутить себя равным человеку, столь превосходившему его опытом, дарованиями и достижениями, но и уверовать, что это именно так, переставая отдавать себе отчет в масштабе расстояния между ними. Здесь сыграла роль сосредоточенность Альтмана на себе самом, приводившая его к чрезвычайно завышенной самооценке, иногда на грани мегаломании. Мы узнаем, что он уверился в своей гениальности в отрочестве по прочтении модного тогда сочинения Отто Вейнингера «Пол и характер»: «Мне было 16 лет, но, помню, именно в тот год вновь [! — В.Р.] пробудился мой уже несколько лет до этого спавший гений» (запись от 5 января 1922 г. [38, с. 237])⁷⁷. В результате, в отношениях

Впрочем, это объясняется, быть может, тем, что Эккерман так благоволил перед Гете и не был сам достаточно глубок. Нужно было быть глубже Гете, чтобы писать “Разговоры с Гете”, и нужно было по крайней мере ненавидеть: ибо “ненависть глядит пронизательно”. — Это хорошо, что Вы сказали “по крайней мере”, — сказал В., — ибо есть нечто, что глядит глубже и видит пронизательнее, чем ненависть, это — любовь. Всякое познание — эротично» (21 января 1921 г. [39, с. 34]). Показательно, что даже впоследствии, во время их нарастающего конфликта и взаимных обид, Альтман грезит об увековечивании их союза в памяти потомства: «Иногда я мечтаю — В. славен и будет еще более славен. Я тоже буду высоко вознесен. И некогда наше друг к другу отношение будут изучать и изучать» (запись в дневнике от 15 марта 1922 г. [38, с. 252]); ср. от 1 января 1922 г.: «Помню, обратился к нему: — В.И., даете ли мне слово, что некогда, и “потом”, так вот сидеть мы будем друг против друга в образах наших. — Да, будем! Я был тогда весь вечер в экстазе и, придя домой, “объявил”, что не душа только — бессмертно и тело», — воспоминание о разговоре год назад, когда Альтман был «в зените своего увлечения Вячеславом» [38, с. 236].

⁷⁷ Ср. в «Разговорах»: «Некогда писал я сам о себе: я уже гений, но еще не талант. Ну вот, до сих пор нет у меня еще соответствующего, равного моему гению таланта, в котором я бы мог себя выразить» [39, с. 104].

с В.И. он в короткий срок преуспел продвинуться от смиренного сознания предстоящего ему пути по стопам учителя до убежденности, что в чем-то и он его затмевает, затем в утверждении своего права читать ему мораль и, под конец, даже присвоив себе право судить — как его самого, так и «всю славу его»⁷⁸. Следуя наличным источникам, можно заключить, реакция В.И. на подобные выходки оставалась, по большей части, толерантной, хоть и не всегда. Он часто хвалил и даже перехваливал уче-

Отто Вейнингер (1880–1903) — австрийский эссеист, автор трактата «Пол и характер» (1902, рус. пер. 1908); покончил с собой в двадцать три года, раздираемый, как это следует из его писаний, интеллектуальными и чувственными, в том числе, религиозными и эротическими противоречиями. Характерно, что свой очерк о «Пер Гюнте» Ибсена Альтман думал посвятить «светлой памяти никогда мной не забываемого Отто Вейнингера», оказавшего на него в отрочестве решающее влияние, о котором он пишет: «Как мне жаль, что его нет в живых, он мне наиболее родственный человек, именно с ним сопряжен мой дух, ему я конгениален. Помню, как впервые прочел я “Пол и характер” в декабре 1912 г., когда я лежал в скарлатине, вот здесь, в этой самой комнате, на этой же постели у окна (в галерею), какое сильное произвело на меня это произведение впечатление. Весь мир я узрел по-новому, впервые ощутил я в душе “великую серьезность”, о которой говорит Ницше <...>. Меня словно подменили, когда я встал с одра болезни, я стал как будто другим, чужим прежнему “себе”, на самом деле, думаю я, стал именно собой. С тех пор многое для меня пришло и прошло. Вейнингер — остался» (запись в дневнике от 5 января 1922 г. [38, с. 237]), — очевидно, знаковое признание, отражающее его собственное душевное состояние на том этапе.

⁷⁸ Ср., к примеру, смену содержания, лексики и интонации в записях: «Вожатый — Вяч. Иванов. И когда со мной говорит, душа моя горит, и блаженной томной усталостью я исполняюсь, будто на некую всхожу я гору. Иванов — гора. Олимп он и Голгофа. И рядом с ним и я, Фома неверный, верой проникаюсь. Я верю в него. И больше верить в себя начинаю. Ибо пусть я последняя ступень, на той же лестнице я, что и он» (13 декабря 1920 г. [38, с. 228]); «Я его чту, люблю и преклоняюсь и, считая его в целом выше себя, в частностях и в умении читать себя ставлю выше» (25 января 1921 г. [38, с. 233]); «— Вы мне мораль читаете? Тогда я сказал: — Да, я Вам мораль читаю: разве малейший не может и величайшему читать мораль? — Да, может, — признался В., почувствовав, видно, неправоту своей вспышки» (19 февраля 1921 г. [38, с. 234]); «Многие большие и малые хвалили и славил В. Иванова — “Вячеслав Великолепный”. Но вот по голосу многих пришел я, увидел и сказал — Вячеслав Суетный. Видел всю славу его, но увидел и пыль, которой она вся покрыта, — мелкая, серая, не сходящая пыль. Суета, всяческая суета» (18 мая 1923 г. [38, с. 268]).

ника, уступая ему в спорах, очевидно преувеличивая его способности, иногда даже ставя их превыше собственных⁷⁹. Мотивы та-

⁷⁹ «Вы, должно быть, — сказал В. мне, — одарены в критике больше меня» (16 января 1921 г. [38, с. 231]); ср.: «Нет, Вы больше всего критик (конечно, Вы и поэт), и здесь я перед Вами, как ученик перед учителем. Уж за одно простое изложение этих воззрений Вы должны быть оставлены при университете, такая это важная заслуга» (21 марта 1921 г. [38, с. 235]). Здесь следует отметить ненавязчивый акцент на критическом, а не поэтическом, т. е. творческом, даровании Альтмана; к этой мысли В.И. возвращается, в аккуратных формулировках, и позже [38, с. 237, 246, 251], кроме игрового предрекания ему поэтического величия в будущем — см. ниже, прим. 81). Серия похвал: «Сегодня лекции по греческой трагедии он цитировал мои воззрения на романтизм как на одну из категорий [сознания] и указал, что это ему было сообщено одним из присутствующих (то есть мной). Я горжусь этим и считаю себя весьма высоко удостоенным» (25 января 1921 г. [38, с. 232]); «В.И. весьма и весьма лестно отозвался о докладе, чем даже потом вызвал некоторые протесты» (6 февраля 1921 г. [38, с. 234]); «Мы беседовали до 12 часов. Потом, прощаясь со мной, В. снова и снова благодарил меня за ценные мысли, говоря, что я весь этот вечер, начиная с сонета и кончая последними словами, необычайно блестящ и глубокомыслен» (21 марта 1921 г. [38, с. 235]); «“Какая огромная мысль!” — сказал В. и стал хвалить и хвалить» (5 февраля 1922 г. [38, с. 246]); «В. был в восторге <...> и в самых высоких выражениях отзывался о моем “очерке”, находя <...> музыку его ни в одном месте не срывающейся, ни на йоту не фальшивящей, и в целом и во всех частностях стройным, цельным глубокомысленным, изумительным и пр. и пр. и пр.» (18 февраля [38, с. 248]); «Мой memorandum о происхождении греческой трагедии В. Ив. принял и включил в свою книгу, поздравив меня по этому поводу с дебютом» (31 августа [38, с. 262]) (имеется в виду длинное примечание к параграфу 8 главы XI «Диониса и прадионисийства»: «Не лишены интереса догадки одного из моих университетских слушателей, М.С. Альтмана, о религиозной символике трагедии...» — см.: [44, с. 343–345]). Однако, на академическую критику со стороны В.И. (строгость которого по отношению к «своим» студентам хорошо известно — см., напр.: [54, с. 19; 51, с. 344]) Альтман мог реагировать болезненно, ср.: «Эту неделю я как-то весь сам не свой. Удручен как-то, словно какая-то одна засела у меня идея в голове. Я все не могу оправиться от обиды, нанесенной мне словами Вячеслава (“эффектничал”, “импрессионизм”, “от лукавого”). Мне не за себя обидно, а получить несправедливость от него — вот что угнетает. Если “он” такой, каковы остальные? Натыкаешься на тупое место в самом дорогом» (запись от 19 февраля 1921 г. [38, с. 234]). Добавим, что по мере обострения негативных чувств к мэтру Альтман в конце концов усомнился в искренности исходивших от него похвал: «Придется, к сожалению, отказаться от той высокой оценки, которую он неоднократно высказывал по моему адресу» (запись от 25 апреля 1924 г.

кого поведения недостаточно ясны. Где-то в эпизодах угадывается иронический подтекст⁸⁰, где-то — игровой⁸¹, где-то — про-

[38, с. 275]). И зря — по крайней мере, в отношении его профессиональных качеств, ибо В.И. очень лестно высказывался о нем в официальных отзывах и письменных рекомендациях, чего он в противном случае делать не стал бы.

⁸⁰ Еще Сенека указывал, что похвала, будучи приукрашенной, обращается в насмешку: “Saepe adulatio dum blanditur offendit” (*De Ira*, 2, 28, 5: «Часто лесть, перехваливая, оскорбляет»). В отличие от В.И., способностью к самоиронии его «мятежный ученик» не обладал, но в отдельных случаях чужую по отношению к себе способен был уловить: «Я ему читал свои записки, он знаком также и с моими стихами, и моя даровитость — для него факт бесспорный. Он много раз подчеркивал мою интуицию, несомненное остроумие и “филологическую душу”, говоря, что из меня выработается замечательный афорист (не аферист ли?)» (запись от 28 декабря 1920 г. [38, с. 229]). Очевидный пример — впрочем, в ответ на эротический жест — лести В.И., т. е., преувеличенного чувства, которую молодой человек принял, однако, за чистую монету: «— А не забудете Вы обо мне там, в Италии? — спросил я, наклоняясь к нему и ласково глядя рукав его. — Что вы говорите?! Клянусь Вам, что еще до чтения Ваших заметок обо мне я думал, не отказаться ли мне от Италии, чтоб оставаться здесь с Вами, или это уже не нужно, и Вы сами без меня справитесь...» (9 января 1922 г. [38, с. 240]).

⁸¹ Так, на вопрос Альтмана, выйдет ли из него что-нибудь значительное, «В. сказал, что ему, конечно, трудно ясно и определенно ответить на этот вопрос, но раз я его беру, как Александр Македонский пифию, прямо за грудь (сравнение мое), то он, погрузившись в некое ясновидение, предрекает мне следующее: — Вы, как некоторые французы, начали (или у нас — Тургенев), дадите сперва один-два сборника стихов, потом пойдет безупречная проза. Вы будете очень знаменитым в вопросах эстетики и философии, системы Вы не создадите, но Вы скажете чрезвычайно важные и значительные вещи, но это не будет еще все, это только соответствие той стадии, когда французы, ну, скажем, Поль Бурже, Анатоль Франс, становились академическими, определенно-утвержденными. Но потом, после всего этого, Вы станете еще великим [? — помета М.С. Альтмана] поэтом, ибо Ваш путь должен кончиться обязательно чем-то синтетическим, то есть символическим, поэтическим. Да, таким представляется мне Ваше будущее, Вы мое ясновидение сами изготовили, и больше сейчас я ничего сообщить не могу. Так говорил он, словно сквозь сон. И, как сну, внимал я словам этим, словно плыли над головой моей звездные, меж прерывающих их облаков, знаки, и, по знакам тем гадая, читал мое великое будущее тайновидец, “заветов грядущего вестник”, кудесник Вячеслав» (запись от 9 января 1922 г. [38, с. 239]). Как это явствует от вопросительного знака, им поставленного, в том, что он станет великим поэтом, усомнился даже сам автор дневника.

вокационный⁸², где-то — порожденная ситуацией, отчасти лицемерная дипломатичность⁸³.

Здесь нет смысла далее углубляться в зигзагообразную траек-

⁸² Ср. их двусмысленный и не до конца понятный (по крайней мере, в опубликованном, и по всей видимости, усеченном виде) диалог: «— Когда я уеду, Вы должны будете написать на темы о Гомере, о Пере Гюнте, о романтизме, о лгуне (лгун отчаянный — *моя вставка*) и еще о провокаторе. — О провокаторе, — сказал я, — не о том ли, который не хотел успокоиться раньше, чем у самого Бога ощупать его язвы. — Да, я вижу, Вы на должной высоте ставите вопрос. О, это будет великий агон: Андрей Белый, Вы и я — все мы состязаемся на эту тему; впрочем, я заранее устраниюсь, из вас же двух Андрей Белый лучше напишет, а может быть, и нет, Вы лучше, во всяком случае не я. — Принимаю вызов, — сказал я, — итак, тема о провокаторе, не vocator'e, а provocator'e, этом вечном заместителе, вечном "за", вечном "вместо"; против этого вечного "pro", истощив все "contra". <...> [купюра публикатора. — В.Р.] — Вы, как Геракл, на распутье стоите. Много перед вами дорог, но на каждой — своя опасность. Пойдете сюда — со львом столкнетесь, туда — в овраг попадете, ту выберете дорогу — разбойники на вас нападут, возьмете этот путь — можете заблудиться и т. д. и т. д. Задача именно в том, чтоб найти свой путь и свою опасность» (запись от 13 января 1922 г. [38, с. 240–241]).

⁸³ Альтман яростно обвиняет В.И. в лицемерии (запись от 25 апреля 1924 г. [38, с. 275]), и не он один — ср. выше, прим. 62). Однако в этом можно равным образом усмотреть элемент игры, равно как и результат «воспитания чувств» (которого молодой Альтман был почти начисто лишен) или же обратную сторону удивительной коммуникабельности В.И., одной из его наиболее симпатичных и характерных черт, благодаря которой многократно обогащал свои познания и человеческий опыт сам автор дневника. Как не без резона высказался в «Разговорах» с ним В.И., «добродетели возникают из пороков и, наоборот, из добродетелей — пороки, они взаимно просвечивают...» [39, с. 71]. Но и молодого человека, ценившего в себе смелость «свое суждение иметь» [38, с. 234] иногда посещали озарения вроде: «Даже я, запальчивый и резкий, и то, несмотря на все мое обыкновение быть правдивым до грубости, подпадаю под общее течение — и лгу. То говорю неправду, то не говорю правду. А меж тем я и мог, и должен был бы ее сказать» (запись от 19 января 1924 г. [38, с. 272]). Ср.: «Потом он [В.И.] еще что-то исполнял, вроде вежливость — не помню точно. Он разыграл себя. Как он любезно принимает у себя в кабинете человека, в то же время всячески его браня, после его ухода. Меня тогда удивило, как легко Вяч. признался тогда в своем обязательном лицемерии, хотя, может быть, и под маской светско-вежливости» [54, с. 20–21]. По словам, однако, хорошо знавшего В.И. Сергея Троцкого: «Его дипломатическая мягкость никогда не шла дальше предела внутренних убеждений» [59, с. 71].

торию их отношений⁸⁴. Частота столкновений и признаков взаимного раздражения увеличивалась, на поверхности более или менее удерживаемая в рамках приличий, вынуждая одного из-

⁸⁴ В этой связи следует, впрочем, коснуться существенного момента, сохраняющего неясность, — содержания «заметок» Альтмана о В.И., упомянутых в опубликованных дневниковых фрагментах: «Вместо Геродота я, однако, прочел ему из своего дневника (16 сентября 1921 г.: “Каждому человеку надо куда-нибудь ходить...”) о том, как я был целый год им, В., “одержим” и как я, переболев, ныне вновь и еще более здоров. — Вы назвали эту заметку плохой для меня, — сказал В., — но я ее считаю очень хорошей. Пройдет три десятка лет, и вспомните мое слово. <...> Потом я прочел вторую о нем “заметку” (18 сентября 1921 г.: “Я неверующий, я скептик...”))» (9 января 1922 г. [38, с. 238]). (Обе такие заметки, безусловно связанные с их отношениями, в опубликованной подборке отсутствуют). И в другом месте: «Он сказал, что я своими “записками” о нем (которые я полагаю публиковать без его предварительной санкции на то) как бы тираню его, эксплуатирую. Я же сказал, что эти “записки” — мое достояние и “авторизирование” их им есть не обязанность моя, а добрая воля. Так одним и другим увесистым словом кидали мы друг в друга. Оба обиделись, оба друг другом недовольны, оба считаем себя правыми. <...> “Если вы не дадите мне на просмотр “записок”, я оставляю бумагу о том, что они в целом источник недостоверный, объявляю об этом при свидетелях”. О чем он, собственно, тревожится? “Там” разберут, правильно или нет изобразил я его. На зеркало неча пенять... А если зеркало и кривое, что за беда? Измерят люди, знающие кривизну, и определят подлинную правду. И ложного свидетеля у мудрого судьи показание ценно. Да и так ли уж я крив? Ведь я осторожен до крайности, шлифую зрительное и отражающее стекла мои тщательно, проверяю их многократно» (15 марта 1922 г. [38, с. 252]); также: «Я хочу написать так свои “заметки”, что, с какой бы страницы книга ни открылась, везде она была бы равно захватывающа. Своего рода — бустрофедон: как хочешь, с чего хочешь читай — все хорошо. И так хорошо, и так хорошо — не так, не этак ли говорил Творец после каждого творения» (16 марта [38, с. 252]). Отсутствие контекста, из которого вырваны эти пассажи, делает их непонятными. Если речь идет о «Разговорах», В.И. целиком прав юридически: он имеет право авторизации, как это полагается при интервью; если же о каких-то мемуарных или биографических текстах, то это вопрос этики межличностных отношений, ибо В.И., естественно заботясь о своей репутации, желал ознакомиться с высказываниями о себе своенравного и амбициозного молодого человека (к которому он, по-видимому, не настолько доверял, как тому хотелось), чтобы иметь возможность, при необходимости, ее защитить. Альтман, по-видимому, не слишком задумывался, как и многие мемуаристы, что мотивом его может быть не столько правда (хорошая или плохая) о В.И., сколько потребность улажить и возвеличить собственное «я».

ливать по поводу другого в дневнике обилие негативных эмоций вперемежку с прочувствованно-позитивными⁸⁵. Эти метания его продолжались, как мы видели, вплоть до их расставания и, по всей вероятности, даже после⁸⁶.

⁸⁵ Ср., например: «Опять у меня с В. краткое размыкание (сердечного) тока, опять обмолвка-размолвка. Все чаще убеждаюсь, что хоть мы столь сильно “помолвлены” (полтора года мы только и делаем, что “помалвливаемся”), к венцу мы не пойдем. Разные мы очень и в разные тянем и тянемся стороны» (запись от 15 марта 1922 г. [38, с. 251]; ср.: [38, с. 246–247]). И с другой стороны: «Вчера исполнилось 56-летие со дня рождения В. Накануне этого дня я с ним беседовал до 2-х часов ночи. О важном, о высоком. Было очень интересно, занимательно. Занимательно, ха-ха! Он мне про Бога, про прикосновения к мирам иным, а я слушаю: мне-де “занимательно”. В прошлом году было совсем не то: пламенела душа моя при словах его, сердце горело. Теперь только дымится, парит (а что такое всякое “парение”, как не призрачность и романтизм, только огонь реален, ему одному подобает всякая слава). <...> Раньше все в В. казалось Откровением, не потому ли, что весь он был для меня Тайна? Теперь не скажу, чтоб тайна эта передо мной разоблачилась. Нет, но... переоблачилась; оделась в серенький привычный цвет ежедневности, в милом, но несколько заношенном, чуть-чуть запыленном домашнем халатике. В туфлях и халате шествует теперь передо мной Тайна его» (2 марта 1922 г. [38, с. 248–249]); или: «С Вячеславом у меня вновь эпоха “доверия”. Мы почти ежедневно засиживаемся в сладостных беседах до 3-х ночи. Так вот было с нами два года назад, когда моя душа горела. Теперь не горит, за спиной опыт огня и пепла, но временами светится — и, просвещаясь, просвечивает» (26 февраля 1923 г. [38, с. 267]). Уже предполагая возможность отъезда В.И. за границу, он записывает, даже впадая в сентиментальность: «И к тому, возможно, что во время моего отсутствия уедет (в Италию) В. — и я с ним не попрощаюсь. А мне это было бы тяжело так, как Алеше Карамазову, когда он по семейным делам не мог быть все время при отходящем своем старце. Увы, и В., мой дорогой, несмотря на то, что ему всего 56 лет, уже так дряхла и слаб», — и тут же ернически фантазирует, предрекая ему скорую и жалкую смерть: «Я себе представил, как он скоро, ах, совсем скоро (и это еще лучший случай!) будет дряхленький, весь трясущийся согбенный старичок со слезливыми глазами, то раздраженно кричащий, то чувствительно плачущий. Так в слезах непрерывных и отойдет!» (запись от 16 февраля 1922 г. [38, с. 248]; ср.: [38, с. 262]).

⁸⁶ Можно предположить, что с течением времени Альтман стал проецировать на В.И. те или иные собственные проблемы и недостатки, следуя — в терминах юнгианской психологии — архетипу «Тени», может быть, даже отчасти осознавая потребность в таком «переносе». Так, например, несправедливо заподозрив В.И. в предательстве его, Альтмана, интересов, он записывает: «А что Вяч. Иванов меня предаст, то ведь и я б его предал. И если он сде-

Остается, тем не менее, вопрос, обойти который нельзя: что же все-таки послужило первопричиной особенной, часто вплоть до неприличия, ярости по поводу В.И., нашедшей выражение в дневниках его «избранного» студента? Судя по всему, им руководила, в отличие от Е.А. Миллиор и В.А. Мануйлова, не просто юношеская влюбленность в учителя, но уже взрослая и, как он считал, обманутая страсть, с возможными пагубными последствиями, что он отчасти осознавал:

<...> Дикие, романтические бродят у меня мысли. И все вокруг моего нового взошедшего солнца — Вячеслава. То мне хочется кончить самоубийством и оставить «ему» («пусть знает» — совсем я как женщина) записку: «Не иди мимо» (его же заповедь), то я сладострастно мечтаю о том, чтоб убить его и перед последним дыханьем шепнуть ему на ухо «такое, такое одно слово», то мне страстно хочется сотворить перед ним какое-нибудь сверхъестественное чудо: велеть грому загреметь — и он загремит; призвать потоп на мир — и он грянет и тому подобный вздор. Все это продиктовано моим ненасытным тщеславием и алчной, до смерти жаждущей любовью. Нехорошо! (запись от 18 февраля 1921 г. [38, с. 233])⁸⁷.

лал это внешне первый, то внутренне не я ли был первым?» (8 ноября 1923 г. [38, с. 270]). Поскольку критерии отбора фрагментов из дневников Альтмана публикатором остаются не до конца ясными (ибо расположение купюр часто предполагает продолжение нарратива), многие намеки и нюансы требуют расшифровки, возможной только при наличии контекста. Стоит, однако, упомянуть свидетельство Е.А. Миллиор о том, что она однажды случайно слышала, как В.И. приватно «уничтожал» Альтмана, доказывая, что он, по существу, «бесплоден», хотя раньше «любил его и как-то произнес целую речь в его защиту» [54, с. 13, 25]. Подобный выпад мог быть вызван настроением или реакцией на его очередную грубость, но скорее всего речь шла не об интеллектуальных его способностях (которые В.И. безусловно ценил), а о поэтических амбициях, и действительно, стихотворные опыты его кажутся, по большей части, мертворожденными.

⁸⁷ Сильный эротический компонент (хоть отчасти сублимированный, но не без элемента кощунства) очевиден и в записи от 9 января 1922 г.: «Когда я дошел (в чтении одной из своих “заметок” — см. выше, прим. 80, 85) до места, где уподобляю В. тому спутнику [т. е., Иисусу Христу. — В.Р.: Лк. 24: 13–31; Мк. 16: 12], который встретился апостолам по пути в Эммаус, и процитировал его же соб-

Известно, что подобная страсть чревата как ревностью, так и ненавистью, — от любви до ненависти один шаг (и обратно).

ственные слова (“Путь в Эммаус” — “Cor Ardens”: “И Кто-то, странный, по дороге / К нам пристаёт и говорит / О жертвенном, о мертвом Боге... / И сердце дышит — и горит...”), голос мой дрогнул и опал, заклокотало что-то в горле, и влажно заблестели глаза, смотрю — все плачут <...>, а В. сам, спрятав в руки лицо, так склонился вниз, словно хотел положить голову под стол. <...> Потом разговор обособился <...> я подсел к “изголовью” В. (он сидел — не возлежал, но я ему нашептывал на ухо, как возлюбленной) и стал его спрашивать, как думает он, выйдет ли что-нибудь значительное из меня» (о содержании последовавшего «пророчества» В.И. см. выше, прим. 81); и далее: «О многом, о многом еще говорили мы, <...> многое же и, быть может, самое значительное ввиду отрывочности и возбужденности нашей беседы мне слишком трудно изложить стройно, но в душе каждый жив клочок и жест, и каждое, каждое семечко, уроненное, мимо идя, ростки дает. Поживем — их цветом насладимся и плодом насытимся. Поживем...» [38, с. 239–240]. Ему снится достойный фрейдовского анализа сон: «Другой сон совсем о другом: у меня и В. произошел “великий спор” (не идейно-отвлеченный, а личный), у обоих голос сорвался (в этом сне, полагаю, контаминировались моя давняя ссора с В. из-за “Передонова” [вероятно, в связи с конфликтом вокруг Г.А. Харазова — см. выше, прим. 41] и недавняя, с больным отцом), так что мы почти не могли говорить и оба были в крайнем изнеможении. С большой тревогой (за наше здоровье) и жалостью смотрела на нас не то дочь В. Лидия, не то мать моя Лиза (днем говорил с ней о том, что Лида и Лиза — одно и что возлюбленная — мать). Не помню почему, но и этот сон был значителен и говорит о многих моих задыхающихся в темнице души моих желаниях...» (запись от 5 февраля 1922 г. [38, с. 246]). Наконец, в акросонете, обращенном к В.И., Альтман воображает себя Ганимедом в ожидании прилета Зевса-орла:

Судьба свела нас иль счастливый случай:
Лежал — о, помню! — я у гор подножий,
А ты, крылатый, с хищной птицей схожий,
Витал над головой моей, над кручей.

И вдруг с твоих высот, с великой силой
Влеком ко мне, как враг иль тайный милый
(Авгуры знают лучше птичьи нравы),

Напал ты на меня и, бурнокрылый,
Осанны преисполнен и державы,
Вознес с собою в царство в я щ е й с л а в ы .

(8.3.1921)

Иными словами, здесь мы имеем классический случай, описанный тысячекратно: *odi et amo*⁸⁸.

И последнее. Отчего В.И., с его богатым опытом общения и суждения о людях (сам Альтман называет его «ловец душ» в предисловии к «Разговорам», написанном в 1928 г. [39, с. 15]; ср.: Мк. 1: 17), продолжал несколько лет поддерживать «учительские» и достаточно близкие контакты с молодым человеком, в котором, по истечении времени, должен был чувствовать психологическую несовместимость, а временами как скрытую страсть, так и открытую враждебность, и терпеть его выходки, вместо того, чтобы постепенно и аккуратно отдалиться, что он умел делать, например, в случаях с Городецким или Верой Меркурьевой⁸⁹. Спектр эмоций В.И. касательно Альтмана, если попытаться реконструировать его согласно имеющимся сведениям, включал интерес, симпатию, одобрение, благоволение, привязанность, неодобрение, иронию, лукавство, лесть, раздражение, редко — гнев и т. п., но не ожидаемый ответ на сгусток переживаний в дневниковом фрагменте, цитированном выше, и это, сознательно или нет, могло лишь способствовать болезненным реакциям на него самолюбивого собеседника⁹⁰. Разумеется, В.И.

⁸⁸ Мы знаем, к примеру, что на всем протяжении дневников Альтмана бакинского периода ни разу не упомянут В.А. Мануйлов [15, с. 239], появившийся в орбите В.И. ранней весной 1922 г. [51, с. 34]. Показательно также неучастие Альтмана в ивановском студенческом кружке «Чаша» и его отсутствие на групповом снимке этого кружка [14, с. 623; 55, с. 65–66]. В этом контексте интересно мнение Е.А. Миллиор в письме к В.И. (от 6 мая 1925 г.), что из всех своих студентов и учеников, включая ее, он сильнее всех повлиял на Альтмана.

⁸⁹ См.: [9; 7, с. 56–58].

⁹⁰ 7 января 1922 г. Альтман записывает: «Вчерашний вечер сочельника провел весь до двух часов ночи с В. Давно уж так мы не беседовали подолгу. Он был очень ласков, внимателен, говоря, что относится ко мне так, как в свое время к нему относился Вл. Соловьев» [38, с. 237]. Вероятно, речь идет об эпизоде, о котором со слов В.И. сообщает О.А. Шор: «В первую свою встречу с Владимиром Соловьевым В.И. из дерзкой честности заявил известному ученому, что ни с одной мыслию его он не согласен. Соловьев ласково улыбнулся, встал, молча обнял и поцеловал своего гостя» [46, т. I, с. 34]. Нельзя исключить, что в известной мере В.И. усматривал в Альтмане черты, напоминавшие его самого

ценил его острый ум и незаурядную личность; однако я рискнул предположить, что в крайностях альтмановских настроений и поведения по отношению к нему самому он улавливал, или прозревал, еще один, важный для него аспект философии Эроса, а следовательно, и сократо-платоновской пайдэи — проявление присущего любви «безумия» (μανία), равно разрушительного и созидательного⁹¹. Читаем в «Федре» (вторая речь Сократа):

Неверно было слово это, — будто при наличии влюбленного следует уступать скорее невлюбленному только из-за того, что влюбленный впадает в неистовство, а невлюбленный всегда рассудителен. Если бы неистовство было попросту злом, то это было бы сказано правильно. Между тем величайшие для нас блага возникают от неистовства, правда, когда оно уделяется нам как божий дар. <...> Но вот на что стоит сослаться: те из древних, кто устанавливал значения слов, не считали неистовство (μανία) безобразием или позором — иначе они не прозвали бы «маническим» (μανική) то прекрасней-

в годы юношеских исканий. Мы читаем, что в знак особенного одобрения его академических успехов В.И. мог его поцеловать — публично, что само по себе исключало какую-либо двусмысленность — например, после «блестящей» (по словам самого Альтмана) защиты им диплома: «Комиссия в лице председателя Вячеслава (который провел все собрание виртуозно) и членов — Маковельского и Яблонко — вынесла как о моей работе, так и о диспуте самый лучший отзыв. Вячеслав поцеловал меня, профессора и публика (заседание было открытое, публичное) зааплодировали и стали один за другим подходить с поздравлениями. Я кланялся, жал руки и благодарил. Состояние мое было приподнятое, очень удовлетворенное» [38, с. 269]; ср.: [38, с. 248]. г. («Народов всех в тебе стихий союз...» — 23 января; «Хвала всем спутникам моей судьбы...» и акросонет «Водой вся суть объемлется певучей...» — оба 8 марта) и двумя сонетами В.И. к нему в апреле 1923 г. («Мятежному добро ль ученику...» — 10 апреля; «Я с младостью живой не разноречу...» — 12 апреля).

⁹¹ См. раздел II. Ср. шуточный протест Сократа в «Пире» насчет «неистойвой ревности Алкивиада», который «творит невесть что, ругает меня и доходит чуть ли не до рукоприкладства. Смотри же, как бы он и сейчас не натворил чего, помирим нас, а если он пустит в ход силу, заступись за меня, ибо я не на шутку боюсь безумной влюбчивости (μανίαν τε καὶ φιλεραστίαν) этого человека» (213d). Слово μανία — безумие, безумство — может переводиться как «неистовство», «исступление» (синоним — παραιοία).

шее искусство, посредством которого можно судить о будущем (254b-c),

и позже:

Подобно тому как в едином от природы человеческом теле имеются две одноименные части, лишь с обозначением «левая» или «правая», так обстоит дело и с состоянием безумия, которое обе наши речи признали составляющим в нас от природы единый вид, но одна речь выделила из него часть, обращенную налево, и не остановилась на этом делении, пока не нашла там некую так называемую левую любовь, которую вполне справедливо и осудила; другая же наша речь ведет нас к правой части неистовства, одноименной с первой, и находит там некую божественную любовь, которой отдает предпочтение, и восхваляет ее как причину величайших для нас благ (266a).

Так или иначе, нельзя усомниться в сделанном однажды заявлении профессора непокорному студенту: «Я считаю высокой заслугой своей, что я не сделал попытки влиять на Вашу душу, что я Вас не тронул. Это высшее, что может быть между мужчинами. Вы запомните это, некогда припомните» (запись 9 января 1922 г. [38, с. 238]). Со стороны В.И. некий примирительный итог их «противостояния» предложен в сонете, датированном 12 апреля 1923 г.:

Я с младостью живой не разноречу,
Но горестно я гордой прекословлю.
Один стремится юноша на ловлю;
А мы благословили нашу встречу.

И камнем белым я тот вечер мечу,
Когда мой гость придет ко мне под кровлю,
Кому стихов обетный дар готовлю
И за кого пред вечностью отвечу.

Зачем же нам так долго спорить нужно
О том, что оба распознали в мире,
О Боге живе и Его любви,

Когда гласит в нас плоти глас и крови
Единое и вверили мы лире,
Что сердце в нас одной тоской недужно⁹².

Однако не очевидно, что на тот момент молодой адресат его был способен оценить заключенную в этих строках мудрость.

Необходимо подчеркнуть, что свойственный модернизму, в том числе, и русскому Серебряному веку пристальный интерес к сексуальности был связан не только и не столько с отвержением «традиционных ценностей» или даже борьбой с лицемерием, культивируемой в те времена, и еще менее с особенной склонностью творческих интеллектуалов к либертинажу, но со стремлением к как можно более глубокому постижению человеческой природы и ее творческих возможностей. Психодрама, ставшая одним из важнейших культурных сюжетов в новое время, была жестко — и эротически — представлена в трагедиях Эврипида переплетениями страсти, ревности, ненависти и безумия, а социальные предпосылки конфликтов полов — в комедиях Аристофана. Сложность и нестандартность личных отношений, характерные для биографий тех или иных деятелей «прекрасной эпохи»⁹³, стимулировали их творчество при создании часто выдающихся литературных, изобразительных и философских работ. Иными словами, признавая поливалентность этих поисков (как и всего на свете), нельзя отрицать их конструктивного ха-

⁹² Некоторое удивление вызывает разрыв во времени между тремя восторженными сонетами Альтмана к В.И., написанными им в январе и марте 1921 г. («Народов всех в тебе стихий союз...» — 23.1.; «Хвала всем спутникам моей судьбы ...» — 8.3.; и акросонет «Водой вся сущь объемлется певучей...» — тогда же) и двумя сонетами В.И. к нему в апреле 1923 г. («Мятежному добро ль ученику...» — 10.4; «Я с младостью живой не разноречу...» — 12.4), по содержанию являющиеся как бы на них ответом. Этот их сонетный обмен, равно как и два сонета Альтмана «Снотолкование», вызванные сном, о котором ему поведал В.И., еще ожидают ученого толкователя.

⁹³ Другим ярким примером можно считать современную «башенному кругу» Bloomsbury Group в Лондоне, в которую входили Вирджиния Вулф, писатели Э.М. Форстер и Литтон Стрейчи, художники Ванесса Белл и Дункан Грант, экономист Джон Мейнард Кейнс и др.

рактера и значительности их достижений, чрезвычайно расширивших наши возможности в понимании сути вещей. Сказанное применимо к стилю жизни обитателей и гостей ивановской Башни, как и — наподобие некоего слабого отблеска — к поведению самого В.И. бакинского периода, но в последнем случае, учитывая педагогическую направленность его деятельности, мы не обнаружим признаков изначально задуманных психоэротических экспериментов, случавшихся вовне и внутри его круга общения в недавнем прошлом. Напротив, отношения его с окружающей молодежью развивались спонтанно, без нажима или инициатив с его стороны, даже если иногда обретали известный драматизм просто в силу человеческой природы⁹⁴.

Божественное неистовство [говорит Сократ], исходящее от четырех богов, мы разделили на четыре части: вдохновенное прорицание мы возвели к Аполлону, посвящение в таинства — к Дионису, творческое неистовство — к Музам, четвертую же часть — к Афродите и Эроту — и утверждали, что любовное неистовство всех лучше. Не знаю, как мы изобразили любовное состояние: быть может, мы коснулись чего-то истинного, а возможно и уклонились в сторону, но добавив не столь уже неубедительное рассуждение, мы с должным благоговением прославили в сказочном гимне моего и твоего, Федр, владыку Эрота («Федр», 265b)⁹⁵.

⁹⁴ Отметим, что на протяжении всего их обучения в Бакинском университете, студенты В.И. легко сходились и вступали в любовные коллизии со сверстниками из своего круга. Так, В.А. Мануйлов был влюблен в Е.Б. Юкель [14, с. 625–626]; о ней, а также ее краткие воспоминания о В.И. в Баку и его студентах см.: [11]; ср.: [55, с. 64]. К.М. Колобова пишет стихи с любовным подтекстом В.А. Мануйлову [14, с. 629, 567–568] и М.С. Альтману [38, с. 277–279]. Сам Альтман грезит Лидией Ивановой, видит о ней сны и как будто даже рассчитывает на взаимность [38, с. 243, 246, 250–251, 254, 278]; в письмах А.В. к Е.А. Миллиор он мельком упоминается трижды, в одном случае — как специалист по снам: «...и он наверно тебе скажет, что твой сон изображает твое личное, чисто эротическое настроение» [58, с. 8]; ср.: [58, с. 27, 30]. Об увлечениях А.А. Гуляевой и Е.А. Миллиор, упомянутых ими в письмах к В.И. в Рим, см. выше, прим. 20.

⁹⁵ Идея «праведного безумия» (ὀρθὸς μανῆναι — «правильное, здоровое иступление») была близка В.И. прежде всего в дионисийском контексте (см. напр.: [47, с. 73–75]), ибо оно сопряжено с экстазом, означающим, в понятиях

Здесь несложно разглядеть, *mutatis mutandis*, императивы творческого кредо самого В.И. В приложении их к его педагогической практике и касательно «владыки Эрота», следует признать, что — судя по имеющимся материалам — в сложившейся неординарной ситуации, он избрал правомерный образ действий, по-сократовски внимая голосу «даймония», избегая «уклонений в сторону» и умело различая «платоническую» интимность от интимности просто. Это был «роман душ» (как и советовал Сократ) — и, по большому счету, ему было не в чем себя упрекнуть.

Как бы то ни было, и для Альтмана наступает момент раскаяния и ощущения своей вины, как это явствует из писем, отправленных им В.И. месяцы спустя после так по-настоящему и не со-

В.И., соприкосновение с божественным. В этом же заключен и творческий потенциал — «одержимость божеством» (ἐνθουσιασμός) — тема диалога Платона «Ион» (см., особенно, 436a-d). В другом контексте С.Д. Титаренко [20, с. 406] упоминает размышление Вяч. Иванова из его статьи «Вдохновение ужаса», где он пишет: «В своем “Федре” Платон различает виды божественного одержания в духе: одно одержание от Аполлона, это — область вещего ясновидения; другое от Диониса, это — царство мистики и душевных очищений; третье от Муз — ими движимы поэты и художники; четвертое от Эроса — ему послушествуют влюбленные в божественную красоту вечных сущностей» [46, т. IV, с. 628]. Не случайно, отчитывая Альтмана и Колобову за их демарш с зачитыванием стихотворения Г.А. Харазова «Седьмой греческий мудрец — Карл Маркс» (см. выше, прим. 41), В.И. определил оное как «идиотический, плоский вид безумия, двухмерный», а их самих как «бесноватых», т. е. также одержимых — но дьяволом. По всей очевидности, Альтман изрядно переживал психодраму, в которую он себя вовлек из-за конфронтации с В.И., ср.: «Если я неправ, то искренне заблуждаюсь и, говоря, сказал честно, как другу с другом полагается, то, что я думаю, чем неоднократно мучился (ибо люблю Вячеслава, и мне грустно его падение, больше того, его падение — каждый раз оскорбление мне личное — так близок он мне), а если он неправ, то это гораздо хуже» (запись от 16 января 1923 г. [38, с. 265]). Со своей стороны, В.И. знал и испытал созидательную силу поражения, о чем признавался «мятежному ученику»: «Главная его [Шестова. — В.Р.] мысль, внушающая мне глубокое уважение, — это то, что, лишь потерпев полное крушение, человек — впервые человек. Вот такое именно состояние я и переживаю теперь (Христос пережил это на кресте, когда ему казалось, что и сам Бог его оставил), все у меня крушилось, “юг и север” давно воспеты, мудрости новой у меня нет, и в то же время это состояние, я чувствую, более близкое к поэзии, чем все мои прежние, оно потенциально богаче...» (запись от 17 января 1922 г. [38, с. 242]).

стоявшегося их прощания. В первом из них (15 марта 1925 г.) после длинного рассказа о его научном преуспеянии в Ленинграде под конец Альтман срывается в патетическое восклицание о «целых четырех годах» («какое счастье!») пребывания их обоих в Баку⁹⁶. Второе же (15 августа 1925 г.) напротив, почти целиком состоит из душевных излияний, пронизанных тоской об учителе, наподобие лирической прозы: про «дым и чад», обволакивавший его до появления В.И.; как гений его «нравы укротил наукой»; о своих грехах — стихотворных и «неподобных», — свидетелем которых тот стал; понимании того, что не очень любить его самого есть за что — справедливо и даже великодушно, — но тем не менее, прося о толике любви, хотя бы ответом на письмо: «Но ведь имущему еще дастся», а «рука дающего не скудеет». Должны были, однако, пройти еще годы и десятилетия, пока он целиком осознал «что знакомство с В.И. Ивановым было самым значительным событием его жизни» [15, с. 120]⁹⁷.

⁹⁶ См. раздел II. Очевидно, к этому времени он осознал и то, что истина познается в сравнении: «Как я теперь ценю Вас, умевшего со специальностью сочетать универсальность интересов, и с искусством говорить — еще большее искусство слушать. Все боле и боле Вас ценю, и чем горизонт мой ширится, тем величавей на нем Ваш единственный образ». И далее, любопытная авторефлексия: «Но вообразите, каково мне теперь, когда я должен слушать, меж тем, как “они” говорят. Так цивилизуюсь я. Уже я не каждый день делаю бестактности, не каждый день прерываю говорящего, ибо вокруг меня все деликатны до ужаса», — и наконец, в знак полного прекращения ученического мятежа: «Считаю необходимым перед Вами отчитаться, ибо считаю себя только у Вас в отпуску. Поэтому с такой подробностью все Вам излагаю. Но мне стало вдруг совестно, не утомительно-ли это Вам. <...> Я знаю, что Вы обычно не пишете и я, как это ни грустно, заранее примирюсь. Но, дорогой Вячеслав Иванович, что если *ὁπὲρ αἰῶν* [“превыше судьбы”] Вы вдруг да напишете мне? Обрадовали бы не сказано. Еще раз прошу, если только можно, хоть коротенькой весточкой откликнитесь на мой к Вам призыв» (15 августа 1925 г.). (Письмо содержит сонет Альтмана о соловье и розе с неожиданным поворотом темы: соловьем оказывается Соловей-Разбойник). Три года спустя в написанном для предполагаемой, но тогда не состоявшейся публикации «Разговоров» Альтман снова называет себя, как одного из учеников В.И., «счастливец» [38, с. 15].

⁹⁷ Несмотря на прекращение контактов и резкое изменение своих жизненных обстоятельств после отъезда, о строптивом ученике В.И. не забывал. Он спрашивал о нем в письме В.А. Мануйлову от 18 марта 1928 г. и просит о

VII

Об отъезде за границу — после трагической неудачи 1920 г. — В.И. начал снова задумываться уже в начале 1921 г., несмотря на относительно приемлемый для него антураж Бакинского университета (см.: [57, с. 274], а также подробно: [4]).

Вполне вероятно, что он ощущал или предчувствовал медленное, но верное усугубление исторического катаклизма с возможными последствиями — от «варваризации» до «бестиализации» и «сатанизации» общества и культуры, не строя иллюзий о благом преображении советской власти в недалеком будущем. Ожидание растянулось, однако, почти на два года и к счастью для него и его семьи завершилось благодаря усилиям его доброжелателей среди высокопоставленных большевиков, прежде всего, А.В. Луначарского и П.С. Когана, которым поэт был обязан официальной командировкой от Наркомпроса в Италию на предмет создания Советской Академии в Риме⁹⁸. Этому предшествовало его триумфальное пребывание в Москве с публичны-

нем написать [51, с. 103–104]. Довольно примечательное его сопоставление обнаруживается в воспоминаниях А.В. Ивановой — с Леопольдом Рибольди, иезуитом и ректором Колледжо Борромео в Павии, предоставившем В.И. преподавательскую должность и ставшим его близким другом: «Вот портрет Рибольди, набросанный Вячеславом в письме к нам от 3 ноября 1926 г.: Дон Леопольдо, с едва-едва пробивающейся сединой в темных волосах, напоминает мне иногда живую мимику лица, то озабоченного волевого, повелительного, то веселящегося подвижной, нетерпеливой, быстройбегущей мыслью, — нашего Моисея Альтмана. Он умица и всезнайка, и любит остроту, парадоксы, радикализм мысли, любит полчаса после обеда поспорить, но не даром я зову его “миланцем, да еще побывавшим в Америке” — он не теряет ни минуты — Time is money — деловито-строг и расторопен, холерик и неустанный работник, практический затейщик и выдумщик, — тогда как Альтман, как известно, лентяй, ветрогон и вечный дилетант» [48, с. 167]. Характеристика, в каких-то отношениях не лишенная смысла, но добродушно-благожелательная, без горечи, а само сравнение даже лестное, принимая во внимание, что дон Рибольди стал близким В.И. человеком.

⁹⁸ Детальный анализ обстоятельств эмиграции и участия В.И. в римском Академическом проекте, от его возникновения до коллапса, в том числе, по причине саботажа советской бюрократии, и с публикацией архивных материалов см.: [24].

ми выступлениями, многочисленными визитами и контактами с огромным количеством людей. Насколько он предполагал вернуться — вопрос дискуссионный. Скорее всего, на протяжении довольно долгого времени он пребывал в колебаниях. Впрочем, не вызывает сомнения, что, будучи подлинным патриотом России, В.И. — на раннем этапе своей командировки в Риме — считал, что он мог бы реально способствовать укреплению культурных связей между СССР и Италией, а также испытывал чувство долга перед университетом, вплоть до ликвидации его кафедры в 1927 г. Как бы то ни было, многие его коллеги и, в первую очередь, студенты весьма надеялись на его скорое возвращение⁹⁹.

⁹⁹ См., напр., слова Л.В. Ивановой: «Он мне объясняет, что страна и правительство — вещи разные: правительство сегодня одно, завтра другое — страна остается. По своему достоинству Россия должна иметь в Риме “академию”, которая бы ее представляла независимо от текущих политических событий» [48, с. 155]; ср.: [22, с. 517; 4, с. 317]; Миллиор свидетельствовала: «Я имею целый ряд данных думать, что он не собирался эмигрировать и там оставаться, но вместе с тем поездка в Италию на много лет в двадцать четвертом году сулила всякое, трудно было быть уверенным, мог он вернуться или нет» [55, с. 385–386]. Колебания продолжались в Риме: «Но как здесь остаться, на что жить? Чудо, ожидавшее меня за границей, чудо воистину нечаянное, сказочно-нечаянное — еще не обеспечивает нашего будущего. Во всяком случае возвратиться в советскую школу моего ненаглядного Диму было бы прямым преступлением. Итак, одному опять нырнуть in gurgite [отсылка к “Энеиде” Виргилия, 1, 118. — В.Р.]? Не значит ли это испытывать судьбу? Нырнул сызнова в пучину спасенный — der Taucher и уже не вернулся [ссылка на стихотворение Шиллера “Ныральщик”. — В.Р.]» (дневник от 1 декабря 1924 г. [46, т. III, с. 851]); см. также свидетельство Л.В. Ивановой: «Вячеслав подумывает даже, не должен ли он один вернуться в Баку» [48, с. 150]; ср. Бёрд: [4, с. 317; 13, с. 335]. Ректор Бакинского университета А.Д. Гуляев, который оказывал В.И. посильную помощь в организации его командировки [24, с. 61], в пространным письме ему в Рим от 27–29 июля 1925 г. подробно описывает ему осуществленные и планируемые антигуманитарные реформы в университете с целью не только «большевизации», но и «тюркизации» образовательного процесса, включающие преобразование историко-филологического факультета в факультет общественных наук и ликвидацию кафедры, которую он занимал, равно как свои успешные усилия по сохранению профессорской позиции, хотя и в урезанном виде. Там же он выражает надежду на его скорый приезд: «Во всяком случае, факультет, в частности, студенты, будут весьма рады Вашему возвращению» (ср. письмо Е.А. Миллиор от 4 апреля 1925 г.). Нельзя исключить, что эти собы-

Прощания с любимыми учениками происходили дважды: в Баку и в Москве. Вспоминает Е.А. Миллиор: «Перед отъездом были очень напряженные дни в Баку (о Москве я не буду говорить, тоже было очень тяжело), но перед отъездом он дарил нам свою фотографию и с надписью, и со стихотворением на обороте»; и о моменте расставания: «Я только помню в вагонном окне рядом две головы: седую голову Вячеслава Ивановича, значит, длинные волосы, очки, лицо было бритое и, как мне говорили, немножко стилизованное под Моммзена, и рядом молоденькое, юное лицо Виктора Мануйлова, одетого в военно-морскую форму. Он преподавал в Военно-морском училище. Обычно он ходил, конечно, не в мундире, но для такого случая, как поездка в Москву, где он опекал Вячеслава Ивановича, которому было трудно самостоятельно передвигаться, он был около него всегда. И

тия и их последствия стали одной из причин потери Гуляевым должности ректора в следующем году — еще не изученные архивные материалы в Баку могут прояснить этот вопрос. Лавров указывает, что С.В. Троцкий в своих письмах регулярно его информировал: «Здесь все меня спрашивают, когда вы вернетесь. Уж очень любят, очень дорожат вами» (10 октября 1924 г.); «... за вами <...> оставлена кафедра, авторы древности <...> в ожидании вас, даже никто до сих пор не назначен. Вот как ждет вас университет. А о нас грешных не говорю; вы и сами знаете и, может быть, только не представляете себе достаточно ярко» (18 июня 1925 г.); «Кафедра — за вами, и — многих радостное ожидание» (12 ноября 1925 г. [14, с. 636]). Коллизия эта была, однако, по сути, двусторонней, и обусловлена не только происходившим в Бакинском университете, но и настроением самого В.И., в глубине души, по всей вероятности, не способного вернуться. Соответственно, он избрал тактику прокрастинации, затягивал переговоры (Гуляев упоминает последнее письмо от В.И., на данный момент не обнаруженное, девятимесячной давности) или вовсе отмалчивался: даже потеряв университетское довольствие, он формально продолжал состоять на учете. Лишь узнав два года спустя после получения письма В.М. Зуммера от 15 декабря 1926 г. об «упразднении», В.И. с чувством облегчения пишет 7 января 1927 г. Лидии и Дмитрию: «Сегодня из полученного от Зуммера письма я узнал, что связь моя с Бак<инским> Унив<ерситетом>, — связь “потенциальная”, правда, — окончательно разорвана, ибо, по предложению студенческих (!) коммунистических организаций, *словесное отделение упразднено*, о чем и объявление вывешено. У меня от сердца отлегло сомнение: чего-де ты в Баку не едешь, для семьи “честным” (?) трудом не зарабатываешь? *Nun bin ich vogelfrei*, т. е. “волен как птица”, как говорилось у немцев об опальных и изгнанниках» [45, с. 513]; ср.: [56, с. 207, 210].

вот эти две головы — юное, совсем молоденькое лицо Вити Мануйлова и лицо Вячеслава Ивановича — так вот и запомнились мне навсегда» [55, с. 55]¹⁰⁰. В Москве прощались «все врозь» и с каждым было «очень тяжело». Мануйлова В.И. сам пригласил сопровождать его в столицу, Колобова и Альтман отправились туда по отдельности и по собственной инициативе, Миллиор не смогла по домашним причинам. Мануйлов вспоминал: «Наконец, наступил день, когда я должен был уезжать из Москвы к родителям в Новочеркасск, а Вячеслав Иванович еще оставался в ожидании визы для отъезда в Италию. Мы обедали в последний раз и прощались в Доме Ученых. Это было очень долгое прощание. Мы совсем уже простились, и я спустился со второго этажа. В вестибюле я надевал пальто. И вдруг вижу — Вячеслав Иванович быстро спускается с лестницы, бежит в вестибюль: “Я не могу, я должен вас еще раз обнять”. Мы обнялись и оба заплакали» [51, с. 102]. Колобова 20 октября 1924 г. напоминает В.И. в Риме об их московском прощании «в квартире профессора Сакулина» и его обещании отвечать на ее письма. В дневниковой записи от 21 сентября 1924 г. Альтман изложил свою версию произошедшего между ним и В.И. в Москве: «В сущности, я постыдно разлучился с Вячеславом. Это было почти бегство из Москвы. Прикрывая стыд, я “условился” с ним, что он даст мне телеграмму перед отъездом, дабы я приехал в Москву с ним проститься. Но и я, и он, оба знали, что ничего этого не будет, что я в Москву не вернусь. Конечно, я даже и письма ему отсюда не написал и адреса своего не сообщил, почему? Да потому, что я отрекся от него, и меня даже коробит, когда наши имена связывают. Помню, как за два дня до отъезда говорил он мне: “Ну что ж, поезжайте: не увидимся в России, за границей увидимся, не увидимся на земле, увидимся в хтоническом царстве, делайте вашу поездку легко. Делайте легко и поезжайте завтра же или вовсе не поезжайте:

¹⁰⁰ По свидетельству Миллиор, «Вячеслав Иванович плакал, и, видимо, он уже чувствовал, что он не вернется, не увидит никого. Я очень жалею, что меня там не было. Это была последняя встреча, очень глубокая, встреча не студентов и профессора, а людей духовно близких, близких друзей. Очень тяжелое последнее расставание» [55, с. 58].

оставайтесь, проводите меня...” Это звучало: что делаешь — делай скорей, но лучше ждите, похороните меня, а там уж делайте что хотите. Я уехал, это несомненно неблагородно, неблагодарно. Но я не мог поступить иначе, я действовал соответственно моей натуре. Но я надеюсь, мы увидимся» [38, с. 279]¹⁰¹. Здесь, однако, уместно вспомнить о его патетических признаниях и обращениях к В.И. в следующем году, хотя увидеться снова или выяснить отношения им так и не пришлось.

Ученики долго не могли смириться с мыслью, что их разлука с учителем — может быть навсегда. Письма от них продолжали прибывать в Рим еще на протяжении нескольких лет. Почти в каждом из них чередовались выражения пылкой любви к нему, тоски по нему и просьбы всегда помнить о них с надеждами на скорую встречу по его возвращении и жалобами на отсутствие писем — вплоть до иссякания этой переписки. Последнее письмо — В.А. Мануйлова — датировано 25 мая 1928 г., в ответ на единственное дошедшее до нас, теплое и прочувствованное, письмо от В.И.¹⁰² К этому времени сам В.И., скорее все-

¹⁰¹ Ср.: «О том, что произошло между В.И. Ивановым и М.С. Альтманом здесь, можно лишь догадываться по записи, сделанной уже в Ленинграде» [15, с. 120]. Альтман, однако, присутствовал на выступлении В.И. в Академии наук 12 июля 1924 г. [24, с. 69]. Возобновив переписку с Лидией и Дмитрием Ивановыми десятилетия спустя, в письме от 28 августа 1973 г. он пересылает им свои обращенные к В.И. сонеты 1921–1924 гг.

¹⁰² К примеру, В.А. Мануйлов: «Сначала я ждал от Вас весточки, потом стал догадываться, что ее не будет (и не верилось этому); потом обрадовался неслезанно, узнав от Сергея Витальевича [Троцкого], что письма мои получены и на них последует ответ. Ожиданиями этими, опять, жил с утра и до вечера, и, до прихода почтальона, день не клеился — пока не выяснялось — “письмо будет завтра!”. Письма еще нет, и я его уже не жду» (3 декабря 1924 г. [14, с. 647]); «Я очень хочу Вас видеть и, как никогда еще, скучаю о Вас. Писать страшно трудно — все равно ничего не получится. Мне только хотелось сказать Вам еще раз большое, большое спасибо. <...> Может быть, нам не должно уже увидеть друг друга — очень мне это тяжело — но я знаю, что все не случайно. Вячеслав Иванович, милый, только думайте обо мне иногда» (24 января 1928 г. [14, с. 664]).

К.М. Колобова: «Не знаю, ответите ли Вы мне что-нибудь на мои сомнения, но я почему-то жду и буду ждать от Вас нескольких слов, таких, как Вы всегда говорите — коротких, мудрых и оживляющих. Но если Вам будет труд-

го, уже укрепился в намерении не возвращаться в Советский Союз. Отметим, что в течение первых трех лет эмиграции, несмотря на растущие трудности жизни и многочисленные заботы, В.И. не забывает своих бывших студентов и, насколько позволяли возможности, старается их поддержать. «Древнегреческое» письмо к Нине Гуляевой от 2 мая 1925 г., давшее толчок этой работе, — тому доказательство; о том же свидетельствует дневниковая запись в Риме от 1 декабря 1924 г.: «Письмо от бедной Ксении. Как ее встряхнешь? Надо написать ученикам» [46, т. III, с. 851]. Опубликованы упомянутое выше В.А. Мануйлову

но — не отвечайте мне, я сама прошу Вас об этом. Писать я Вам все равно буду, т. к. приятно одно сознание, что Вы пробежите мои строчки и вспомните меня хоть на одну минуту» (16 ноября 1924 г.); «Вы, вероятно, совсем не думаете возвращаться в Россию, но я уверена в том, что мы с Вами еще увидимся, м. б. нашей встречи осталось ждать не так долго. Я боюсь Вам писать о себе по многим причинам, из которых главная то, что Вы, верно, совсем по-настоящему забыли нас» (4 июля 1927 г.).

Е.А. Миллиор: «На письмо или хотя бы несколько строк от Вяч. Ив. я почти не надеюсь» (25 декабря 1924 г.); ср. «Если бы Вы приехали...» (4 апреля 1925 г.) — и: «Как давно мы в Баку не имеем от Вас вестей! Какую большую радость доставили бы Вы нам, если бы прислали несколько слов! Боюсь, Вы не обратите внимания на мою просьбу... Если бы я сумела передать Вам наше настроение, — а я это не могу сделать в письме, — Вы бы нашли несколько минут для коротенького письма в Баку. <...> Мне хочется попросить Вас: пришлите пасхальное яичко — коротенькое письмо нам (не смею просить себе). Крепко обнимаю и целую Вас. И все-таки жду, очень жду от Вас весточки» (13 февраля 1927 г.).

В письме В.И. к Мануйлову от 18 марта 1928 г. читаем: «Дорогой, родной Витя. Я глубоко благодарен Вам за письмецо — слишком уже короткое, но более длинного я и не заслужил своим могильным молчанием. Однако не корите меня за него; и так как, видимо, Вы, в самом деле, меня не корите, я объясняю это всепрощающее великодушие верным голосом Вашего золотого и вещего сердца, которое могильного молчания не боится, им не смущается (как не смущается вообще отсутствием знаков), но твердо знает, что его любят и за могилой, как я Вас неизменно — в неизменной, даст Бог, сущности Вашей — люблю. Знаю, как Вам трудно, и верю, что Бог Вам поможет. Напишите все же подробно о себе, о своем здоровье, своих работах, замыслах и видах на будущее; наконец, сообщите новое из Ваших стихов. Напишите также о товарищах, о Ксении, о Нелли, об Альтмане. <...> Сергею Витальевичу я тоже не писал целую вечность, перешлите ему мой братский привет; я очень, очень за него тревожусь.

и два его письма к Е.А. Миллиор¹⁰³. Вполне вероятно, что какие-то письма с обеих сторон могли быть утеряны почтой или позднее по тем или иным причинам. В переписке с другими корреспондентами В.И. также имел обыкновение спрашивать о бывших студентах и давать им совет: интересовался их интеллектуальной, духовной и творческой жизнью, следил за написанием ими дипломных работ, каковые все трое с успехом защитили, несмотря на факультетские интриги, в 1926 г. Он содействовал изданию их коллективного поэтического сборника «Норд»,

Пишите мне без большого риска остаться в проигрыше, п<отому> ч<то> теперь, кажется, буду отвечать исправно, хотя, быть может, и плоскотовато, т. е. не глубоко, не существенно, не достаточно содержательно: иначе, видно, не сумею. Но Вы меня знаете, и сердце сердцу весть подаст. Обнимаю Вас от всего сердца и желаю счастливой Пасхи. А, может быть, Вы на Пасху-то на Кавказ махнете или к семье, и письмецо это до Вас не дойдет? Жаль было бы, потому что хотелось подать Вам ласковую весточку и заочно Вас обнять» [14, с. 660]. Увы, выполнять обещание «отвечать исправно» ему так и не пришлось. Уже 27 января 1925 г. В.И. пишет Ал.Н. Чеботаревской: «В Баку, должно быть, не вернусь, потому что детям необходимо продолжать их дело здесь. <...> Окончательные решения однако не приняты. Все надеюсь на то, что денежный вопрос как-нибудь решится в благоприятном смысле» [57, с. 636]. Следует также учесть принятие им католичества 4 марта 1926 г., усугубившего его дилемму как экспатрианта, ср.: [13, с. 335]. Важную роль должен был сыграть и совет П.С. Когана, во время его визита в Италию, не возвращаться в СССР (о чем В.И. сообщил дочери в письме 18/20 июня 1927 г.): «Дыхание сталинского “великого перелома” чувствовалось уже настолько определенно, что П.С. Коган в приватном разговоре позволил себе то, что ни за что не доверил бы бумаге, — посоветовал Вяч. Иванову не возвращаться в свое отечество» [24, с. 84].

¹⁰³ В письме к Е.А. Миллиор от 8 марта 1925 г. читаем: «Дорогая умница, Нелли, будьте и впредь умницей! Пишу эти несколько строк, чтобы вы услышали мой голос и выдержали мой испытующий взгляд. Верны ли Вы науке, Элладе, dem großen Ernst des geistigen Strebens [великой серьезности духовного устремления — нем.]. Сентиментальное — не увлажняет ли, не расслабляет ли Вас? Не откажите представить подробнейший отчет о Ваших университетских делах и планах, как и о всей Вашей умственной и — если хотите — духовной работе» [54, с. 28]; в почтовой открытке от 20 ноября 1925 г.: «Счастливого нового года, дорогая Неллис. Вашего *триумфа* Вашей выпускной работы желает ревниво относящийся к Вашим научным занятиям Вяч. Иванов» [54, с. 29]. Нам также известно об его ответе на «ультиматум» Колобовой в связи со стихотворением «Палинодия».

опубликовав там и несколько своих новых стихотворений [14, с. 651–653]¹⁰⁴. Пожалуй, наиболее показательными были его старания оказать помощь ученикам, как до, так и по отбытии в Рим, в их профессиональном устройстве после окончания университета путем письменных отзывов об их работах, рекомендательных писем и организации личных знакомств¹⁰⁵. Время от вре-

¹⁰⁴ Ср.: В.А. Мануйлов, 4 декабря 1924 г.: «...потом обрадовался несказанно, узнав от Сергея Витальевича [Троцкого], что письма мои получены и на них последует ответ»; 9 февраля 1925 г.: «Я только что от Леонида Александровича [Ишкова], у которого читал Ваше письмо и строчки обо мне, вернее, о моей дипломной работе» [14, с. 647]; ср.: [14, с. 651].

Е.А. Миллиор, 4 декабря 1926 г.: «Наконец-то пришла от Вас весточка! Я очень благодарна Вам за те несколько строк, которые обращены ко мне в письме к Всеv. Мих. [Зуммеру]».

Ср., однако, К.М. Колобова, 16 ноября 1927 г.: «Вы пишете Зуммеру, “христианнейшему”, Вы посылаете ему стихи, в то время как он застыл под корой неприступного ханжества, в то время, как Вы лучше, чем кто-нибудь другой, знаете, что он бесплоден и мертв, как некая евангельская смоковница. А с живыми разве Вы не говорите?».

Ср. Миллиор (письмо от 5 июня 1926 г.): «...в работе моей он [Е.И. Байбаков, востоковед. — В.Р.] нашел лишь один минус — большую зависимость от Вячеслава Ивановича, и не в том, что я делаю выдержки из его трудов — но тут он объяснил, что университетские деятели должны критически относиться друг к другу, а в трудах Вячеслава Ивановича еще заметны следы, что он декадентский поэт и это чувствуется в моей дипломной работе!»).

Колобова (письмо от 20 ноября 1926 г.): «Критика моей работы оказалась ниже средней, а со стороны Бориса Павловича [Яблонко, филолог. — В.Р.] — было просто демагогическое выступление внутриуниверситетской оппозиции. Простите, что впадаю в политический тон, но мы этим живем и дышим».

О проблемах Мануйлова с А.В. Багрием, враждовавшим с В.И., см. его письма к В.И. 1924 — нач. 1925 г. Нина Гуляева и Альтман с блеском защитили дипломные работы еще до отъезда В.И. за границу. «По инициативе Мануйлова состоялась последняя при жизни Вяч. Иванова публикация четырех его оригинальных стихотворений на родине. Сборник “Норд” (Баку, 1926), составленный Мануйловым <...>, являл собой скромный итог деятельности того кружкового литературного объединения “Чаша”» [14, с. 660–662]; ср.: [14, с. 639].

¹⁰⁵ А.В. Лавров цитирует письмо В.А. Мануйлова родным от 25 мая 1924 г.: «Вячеслав Иванович считает, что мне необходимо воспользоваться отпуском и правом бесплатного проезда и ехать с ним, чтобы в Москве сам Вячеслав Иванович мог меня познакомить со всеми, с кем это нужно, и, может быть, перевести меня для дальнейшего образования в Москву. Сами понимаете, как все

мени, он также получал известия о них от бакинских друзей и коллег¹⁰⁶.

это для меня важно», — далее комментируя: «Примечательно, что Вяч. Иванов надеялся перевести Мануйлова для завершения университетского образования в Москву: вполне определенно он планировал уже тогда не возвращаться в Баку <...>, и в перспективах этого хотел обеспечить своему любимому ученику более благоприятные условия, чем те, которые ожидали его в Бакинском университете. Из этого намерения, впрочем, не последовало запланированных результатов» [14, с. 628]. И более того: днем отъезда за границу датировано хранящееся в архиве Мануйлова письмо Вяч. Иванова к нему с наставлениями касательно так и не состоявшегося перехода из Бакинского в Московский университет: «Успеньев день 1924. Москва. Дорогой Витя. Пишу в последние минуточки перед отъездом на вокзал. Обратитесь к Н.А. Дубровскому и, непременно, к П.С. Когану; они помогут, и были уверены оба в успехе <...>. Целую Вас и кланяюсь Вашим. Любящий Вяч. Иванов» [14, с. 634]. Примечательно письмо В.И. пролетарскому литератору Василию Казину о поэтическом даровании своего подопечного: «23/VI 1924. Дорогой товарищ Казин, Позвольте обратить Ваше внимание на моего университетского ученика (в Баку), тов. В.А. Мануйлова, как на поэта, обнаруживающего, по моему мнению, замечательное дарование. Познакомившись с ним, Вы, я надеюсь, не откажете ему в добром содействии на первых шагах его литературной деятельности и, быть может, устроите его стихи в “Красной Нови”. Истинно уважающий Вас Вячеслав Иванов». Вероятно, оно не было послано адресату и последствий не имело [14, с. 631–632].

Колобову В.И. знакомит в Москве с П.Н. Сакулиным. Ее биограф сообщает: «В рекомендательном письме, написанном Вячеславом Ивановичем Ивановым и адресованном известному литературоведу и критику Павлу Никитичу Сакулину, содержалась просьба помочь подающей большие надежды ученице Вячеслава Ивановича войти в ленинградское сообщество литераторов, историков и филологов, связанных с античной культурой. Однако, узнав об отъезде В.И. Иванова за рубеж, Ксения Михайловна к П.Н. Сакулину не пошла, но стала пробиваться к новой жизни сама» [19, с. 486–487]. Здесь недоразумение: Сакулин был профессором русистики в Московском университете, жил в Москве, к античной культуре отношения не имел. Три года спустя, в письме в Рим от 16 июня 1927 г. Колобова действительно обратилась к В.И. с просьбой о рекомендательном письме к ленинградским антиковедам И.И. Толстому и А.И. Маленину, а в следующем письме от 4 июля того же года — об отзыве на ее работу. В письме от 21 ноября упоминает, что она уже работает с Толстым и Малеиным, а в постскрипуме к письму от 8 декабря благодарит за присланный отзыв, добавляя, что сейчас он ей уже не нужен. Это все, что нам известно на данный момент.

¹⁰⁶ В первые римские годы В.И. переписывался, более или менее регулярно, с пребывавшим с ним в дружеских отношениях коллегой, профессором-

С дипломатичной вежливостью отклонив телеграммой от 21 февраля 1928 г. предложение журнала «пролетарской культу-

востоковедом В.М. Зуммером (1885–1970) и с оставшимся в Баку близким другом его самого и его семьи С.В. Троцким (1880–1942, репрессирован), которому он безуспешно, при помощи различных связей, пытался помочь с эмиграцией, а также с тогдашним деканом историко-филологического факультета Л.А. Ишковым, вплоть до его смерти в 1927 г. (переписка с последним целиком не выявлена). Письма Зуммера и Троцкого к В.И. хранятся в Римском архиве (РАИ. Оп. 5. К. 4 и 10; его письма и тому и другому не найдены).

Зуммер подробно информировал своего корреспондента об университетских и бакинских делах, как научных, так и бытовых, и старался усердно выполнять его поручения. В его письмах время от времени мелькают имена любимых ивановских студентов, иногда окруженные подробностями, например, о защите диплома Колобовой «Миф об Ифигении», с одобрением и симпатией: «Ксения была совсем больна — еле стояла, еле говорила: малярия, — но чувствовалось, что работа очень значительная» (16 октября 1926 г.; симпатия не была взаимной — Колобова Зуммера по-видимому не выносила — см. выше, прим. 104); упоминаются дипломные защиты Е.А. Миллиор (там же) и В.А. Мануйлова (25 декабря 1926 г.). Любопытно его несколько даже шокирующее (Зуммер был, по всей видимости, истово верующим человеком) жутковатое суждение об Альтмане, увиденном здесь глазами ярого недоброжелателя, причем, характерно, в связке с Харазовым (ср. выше, прим. 41): «Инфернальник Альтман в Баку — встретил на улице. В Ленинграде он процвел, [дамам и детям дальнейшей не читать] от одной из жертв его узнал, что он распространяет гной не только душевный, но и физический. Главный же дьявол этих мест, Харазов то есть, цветет в Москве. Лафа им, дьяволам!» (31 июля 1925 г.; см. также относительно шума вокруг «Палинодии»: «И чай браните меня, что я послал “Палинодию” в Агр, раз Вам пришлось отписываться перед Ксенией и валить на лирическое настроение. Как всполошилась вся эта управа благочиния! Как непереносны для них иные слова! <...> Альтман звонит о Вашем переходе в католичество» (10 января 1928 г.).

В письмах Троцкого к В.И. фигурируют все трое оставшихся в Баку его учеников, особенно часто Е.А. Миллиор, с которой он чувствовал особенное душевное родство: они вместе философствуют, читают до полуночи Фауста в оригинале и т. д. (его письма к ней опубликованы [42, с. 31–37]). Он «хорошо дружит и с К.М. Колобовой, им обеим читает “свои вещи и вещицы”: “Вчера Нелли, а сегодня Ксении читал свои вещи и вещицы. Любопытна разность впечатлений: Нелли увлекается философским [нрзб], а Ксения слышит напев безнадежности, смертной тоски, смертной мудрости”» (11 июня 1926 г.). Год спустя он пишет Л.В. и Д.В. Ивановым, жалуясь на отсутствие общения: «Кроме Нелли, Вити и Ксении, с которыми интересно и ненепрочно встречаемся» (24 апреля 1927 г.); а после того, как все трое уже покинули Баку, самому В.И.

ры» «Красная Новь» опубликовать его новые стихи: «Публикация невозможна. Извините за отказ. Стихи предназначены для погребальной книги. Благодарю. Иванов» (оригинал по-французски [56, с. 290]), — В.И. дал ясно понять, что в «советской литературе» обустроиваться он не намерен. После отставки Луначарского с поста Наркома просвещения полтора года спустя он получает резолюцию Комитета по заграничным командировкам Наркомпроса: «Считая пятилетний срок пребывания за границей вполне достаточным для любой командировки, ходатайство [о ее продлении. — *В.Р.*] отклонить и предложить проф. В. Иванову вернуться в СССР», — сухо прокомментировав этот ультиматум в письме к О.А. Шор: «По-моему также, — 5-летний срок вполне достаточен для любой командировки. Прибавлю: и для любого ложного положения» [56, с. 276–278, 391]. Настал иной, сугубо «италийский» период его творческой жизни.

В силу этого события явным сделался рост опасности самого факта дальнейшего обмена письмами между римским изгнанником и его оставшимися на родине друзьями: по всей видимости, это было молчаливо понято и принято обеими сторонами. Прекращается почти полностью переписка В.И. с его бакинскими коллегами и бывшими студентами¹⁰⁷. Насколько адекватно они

10 октября 1929 г.: «Витя, Нелли, Ксения работают и пробиваются к науке, сохраняя себя такими, какими были»; и, немного неожиданно, о Лидии Гуляевой: «Лида Гуляева (Блинкова) устойчиво уравнилась в замужестве и работает, но прежние “переливы” погасли». Отметим, что письмо это было получено В.И. в переломный момент его эмигрантской судьбы: с уходом Луначарского с поста, за месяц до этого, он был поставлен перед жесткой дилеммой: возвратиться или остаться, и мы знаем его выбор. В своих воспоминаниях, говоря об учениках В.И., Троцкий очень точно формулирует их дальнейшую творческую судьбу: «Влияние В.И. на студентов было очень велико — до того, что многие из них в современной обстановке с усилием отбрасывали от себя воспринятые от него методы, точки зрения и восприятие явлений культуры. И все-таки научная и живая закваска сохранилась в них, и некоторые ученики его пошли по научной дороге с успехом» [59, с. 71]. Последняя вещь Троцкого Ивановым — почтовая открытка — 28 февраля 1933 г., когда переписка с невозвращенцем становилась уже реально опасной.

¹⁰⁷ Удивительным образом Е.А. Миллиор продолжала переписываться с А.В. Ивановой, несмотря на заведомый риск, до 1939 г. (письма А.В. к ней опу-

представляли с тех пор, благодаря случайным и редким контактам, его обстоятельства и его образ жизни, нуждается в дальнейшем изучении. Если мы сопоставим, однако, количество писем ему учеников с 1924 по 1929 гг., не говоря уже об их объеме, и его — им, к которым он был несомненно привязан, и столь жадно ожидавшим ответа, то разрыв требует объяснения, и кажется неудивительным, что они могли себя чувствовать брошенными им на произвол судьбы¹⁰⁸. Причины могли быть ситуаци-

бликованы [58]; их переписка возобновилась после войны; нельзя исключить, что советская почтовая цензура просто не сумела отождествить дочь В.И. с ее отцом). Биограф К.М. Колобовой утверждает: «В.И. пребывал за рубежом не в статусе эмигранта, и не прекращавшаяся весь продолжительный срок жизни за границей переписка с учениками создавала особое чувство непрерывающегося его присутствия в них. М.С. Альтман, как известно, продолжал переписку в В.И., его дочерью и сыном в течение всей своей жизни. Он активно участвовал в подготовке римскими издателями к печати полного собрания сочинений В.И. Не прерывала переписки с В.И. и Е.А. Миллиор, продолжал переписку с семьей В.И. и В.А. Мануйлов. К.М. также активно участвовала в переписке, но уже в Ленинграде, ввиду реальной опасности ареста в начале 30-х годов, она уничтожила весь свой архив, чтобы нечаянно не погубить кого-либо из своих друзей» [19, с. 509]. За исключением сказанного выше о Е.А. Миллиор (да и то, переписывалась она не с В.И., а с Л.В.), и о том, что Колобова уничтожила весь свой архив (это, по-видимому, биографический факт), остальное в цитированном пассаже не имеет под собой оснований. После 1929 г. ни Альтман, ни Колобова, ни Мануйлов не пытались связаться письменно с В.И. (О.А. Шор тщательно сохраняла любые имеющие к нему отношение документы для будущего архива). Ср.: «В последующие долгие годы, когда сталинскую империю отделял от цивилизованного мира непроницаемый железный занавес, даже эпистолярные контакты бакинских учеников с их учителем оказались невозможными. Связь восстановилась только тогда, когда в железном занавесе обнаружили первые прорехи, — уже после смерти Вяч. Иванова: возобновилась дружеская переписка Мануйлова и Миллиор с детьми поэта» [14, с. 640]. В 1972 г. Альтман сопроводил письмом посылку Ивановым в Рим своих сонетов (см. выше, прим. 101).

¹⁰⁸ См., например, К.М. Колобова: «Подумать только, что за два года ни одной строчки, даже в письмах к другим, ни одного намека, что я существую. В собственном воображении я уже совершенно изничтожена. Но все-таки жива и лишний раз доказываю это своим письмом к Вам» (письмо от 20 ноября 1926 г.); ср. Е.А. Миллиор: «И все-таки жду, очень жду от Вас весточки, если Вы не махнули окончательно рукой на скучную девчонку, которую Вы когда-то называли Νέλλις» (письмо от 13 февраля 1927 г.); «Витя <...> просил передать

онного, политического, психологического, но и педагогического порядка. Совершенно верно было, отмечено об одной из них: «Вяч. Иванов воздерживался от установления активных эпистолярных контактов с учениками, вероятно, главным образом из нежелания вселять в них надежды на его скорое возвращение в Баку — надежды, которые с течением времени имели все меньше шансов на осуществление» [14, с. 636]. Можно предположить, что он мог уже тогда опасаться, что частые его контакты с ними, в тогдашних, пусть еще раннесоветских, условиях так или иначе обернутся против них. В самой жизни его произошло изменение столь радикальное, что потребовалось максимальное напряжение энергии и жизненных ресурсов, чтобы адаптироваться к новым условиям и даже просто выжить вместе с семьей — испытание, хорошо знакомое большинству эмигрантов; удивительно, что при этом у него вообще оставались силы думать о других — там. Обращает на себя внимание, что каждый период биографии В.И. — зарубежный, петербургский, московский, бакинский, римский — сопровождался окружением, связи с которым на следующем из упомянутых этапов ослаблялись, и оно отходило на второй план — это естественный процесс, с которым приходится смириться. И, однако, если присмотреться, имел место и глубокий, «сократический» аспект, о котором догадывались лишь наилучше чувствовавшие его ученики. Так, В.А. Мануйлов, при всей своей «безмерной» любви к В.И. («и люблю я только Вас»), отдает себе отчет: «Мой путь не может быть та-

вам укор, что Вы его забыли» (она же, 4 апреля 1925 г.). В связи с Альтманом, ср. выше, прим. 56.

Отметим, тем не менее, что угрызения совести по поводу своего молчания В.И. испытывал, о чем откровенно высказался в единственном письме Мануйлову, цитированном выше (прим. 102). На протяжении 1924–1929 гг. В.И. получил от своих бакинских учеников в целом 34 письма, объемом около 270 страниц (рукописных, включая стихи, в нескольких случаях напечатанных на машинке). Известны 4 его письма им: одно — Нине Гуляевой, на древнегреческом, неясно, было ли отослано, см. выше, раздел 1 и прим. 17); одно В.А. Мануйлову; два Е.А. Миллиор (письмо и почтовая открытка). Письмо К.М. Колобовой (в связи со стихотворением «Палинодия») было получено, но не сохранилось. (Не исключено, хоть и маловероятно, что те или другие письма в обе стороны могли не дойти до адресатов).

ким, как Ваш — и я не знаю — могу ли я даже любить Вас; — иначе я должен был бы отказаться и от пути своего и слушать и видеть — куда поведет Учитель. Может быть, так надо, чтобы мы разлучились рано или поздно и чтобы я прошел испытание без Вашей помощи» (3 декабря 1924 г.), а Е.А. Миллиор тремя годами позднее задается вопросом: «Он знает, как важно для нас его слово, как просили мы его хоть несколько строк прислать нам. Отчего же он не захотел? Или не мог? Или считал для нас нужным искать пути без его слова?»¹⁰⁹. Думаю, что этот ход их мыслей недалек от истины.

К концу 1926 г. все четверо «избранных», защитив дипломные работы и окончив университет, обрели взрослость. В терминах В.И. это означало становление суверенной личности, готовность довериться Божьему промыслу и к сопротивлению невзгодам — целиком самостоятельной жизни, сопряженной с неизбежностью выбора и принятию ответственных решений, в непредсказуемых и, в моральном плане, заведомо сложных ситуациях, на свой страх и риск, согласно собственному разумению и велению чувств — в сущности, именно то, чего *mutatis mutandis*, ожидал от своих учеников и слушателей Сократ¹¹⁰.

¹⁰⁹ Письмо В.А. Мануйлову от 25 ноября 1927 г., и там же, в связи с «Палинодией»: «Конечно, это хорошо, что новый путь открылся перед В. Ив., я верю Вячеславу» Ив<анови>чу, что путь его верен» [14, с. 637–638]. Ср. тремя годами раньше: «Я твердо убеждена, что в конце концов не изменю ему и завещаю его, но сейчас я в пустоте, <...> мы связаны В. Ивановым и должны говорить правду друг другу: ведь и от тебя я жду того же. Но не только ты сдаешь позиции, хочешь идти и с В. Ив. и без него (даже против), и все остальные делают то же <...>. ...я разрушала Бога, потому что кругом творили его. Теперь я против “веры в неверие”. Я хочу ставить вопросы. Мирозозерцание В.И. дает гораздо больше страшной свободы, более творческое, но и более разрушительное. Вот почему я хочу быть с ним» (ему же, 24 августа 1924 г. [14, с. 637]).

¹¹⁰ См. выше о «сократических школах». Стоит отметить, что трое из бывших студентов В.И. по ходу своей творческой и преподавательской деятельности (в малопригодных для этого советских условиях) тем не менее создали подобие научных школ, состоящих из ученых-гуманитариев и педагогов, считающих себя их учениками, исполненных благодарности им, оберегающих и утверждающих их память: В.А. Мануйлов и К.М. Колобова (в Ленинграде), Е.А. Миллиор (в Ижевске).

При таком положении вещей эмоциональная связь с В.И. порождающая ностальгию, оказалась бы для них не источником помощи и надежды, но препоной. Наконец, мы знаем, что на протяжении четверти века в Италии В.И. постепенно, но последовательно отстранялся от жизни «внешней», все более и основательней погружаясь в жизнь внутреннюю. Отметим, что уже в «греческом» письме Нине Гуляевой, меньше чем через год после своего отъезда, он сообщает, что предается «размышлениям о божественном» (θεολογούμενα), тогда как «словопрение» есть дело «горькое» и «трудное». 27 июля 1925 г. В.И. пишет О.А. Шор: «Дорогая Ольга Александровна, я писал бы большую, важную, оригинальную поэму о России, как я ее прежде видел, — если бы я видел в духе Россию и теперь, но это зрение у меня отнято...». Речь идет, конечно, о «Светомире», многолетнем замысле, требовавшем чрезвычайной концентрации хотя бы по причине выбранного им в итоге повествовательного стиля. И читает в ответе корреспондентки (от 12–17 августа): «Но разве для того, чтобы петь о России, Вам нужно (хотя бы внутренне) *ее* видеть и называть? Для этого Вам надо лишь доверчиво всматриваться в *свою* глубину» [курсив О.А. Шор]. По всей очевидности, он последовал этой мудрой рекомендации и со временем приступил к труду, продолжавшемуся вплоть до его кончины [56, с. 193, 199]¹¹¹.

Как известно, в Советском Союзе 1960-х гг. Вячеслава Иванова не жаловали (первое издание его стихов в малой серии «Библиотеки поэта» появилось в 1976 г.). Тем более заслуживает признания неофициальное торжество в Ленинграде по случаю его столетнего юбилея, организованное В.А. Мануйловым:

В 1966 году, когда отмечали столетие со дня рождения Вячеслава Ивановича и в Италии была поставлена в Павии, где

¹¹¹ О.А. Шор свидетельствует: «Двадцать восьмого сентября [1928 г.] утром В.И. сказал мне весело и смущенно: “Я начал писать”. И прибавил после короткого молчания: “Это — проза”. — “Проза?!” (До тех пор он не стихами писал только статьи и научные книги). — “Да, проза особая, а все же проза; в этом-то и разгадка. Повесть о Светомире Царевиче рассказывает келейник... Сказанье старца-инока...”» [8, с. 220].

он преподавал, в колледже Борромео, соответствующая мемориальная доска, что здесь тогда-то и тогда-то вел занятия поэт Вячеслав Иванов, в это время мы собрались в Ленинграде, группа бакинцев, в основном его учеников, делились своими воспоминаниями, стоял магнитофон, выступал с большим таким почти докладом Виктор Мануйлов. <...> Все это было организовано им, и все это было записано. Выступала я, выступал Моисей Семенович Альтман, Ксения Михайловна Колобова, сам Мануйлов — и все это хранится на магнитофонной ленте, которая находится у Виктора Мануйлова. Присутствовал кто-то из университетских. Это носило характер хотя и не официальный, но и не подпольный. Кто-то из официальных лиц университетских присутствовал, все это было открыто. И длилось это чуть ли не до двух или до трех часов ночи, а потом поехали, и машина, на которой мы ехали, остановилась возле дома с башней. Правда, было так темно, что уже ничего невозможно было разобрать [55, с. 56–58]¹¹².

Список литературы

Исследования

1. *Аверинцев С.С.* Бахтин, смех, христианская культура // Россия — Russia. 1988. № 6. С. 119–130.
2. *Аверинцев С.С.* «Скворещниц вольных граждан...» // Вячеслав Иванов: Путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2001. 177 с.
3. *Апресян Р.Г.* Слова любви: Eros, Philia, Agape // Философия и культура. 2012. № 8 (56). С. 27–40. URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/Apressyan/Slova_lyubvi.pdf (дата обращения: 19.03.2024).
4. *Бёрд Р.* Вяч. Иванов и Советская власть (1919–1929): Известные материалы // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 305–331.
5. *Битюцкая А.А.* Этический аспект любви в философии Вячеслава Иванова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2002. № 3. С. 79–83. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2022/03/2022-03-10.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).

¹¹² Ср. Мануйлов: [51, с. 106–107].

6. Богомолов Н.А. Петербургские гафизиты // *Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: статьи и материалы*. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 67–98.
7. *Гаспаров М.Л. Вера Меркурьева (1876–1943). Стихи и жизнь* // *Лица. Биографический альманах*. М.; СПб.: Феникс, Atheneum, 1994. Вып. 5. С. 5–97.
8. *Дешарт О. Введение* // *Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт*. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971. Т. I. С. 7–227.
9. *Енишерлов В. «Мой милый Солнцеверт»* // *Наше наследие*. 2016. № 118. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11808.php> (дата обращения: 19.03.2024).
10. *Ермолаева Е.А. Греческое послание Вяч. Иванова Г.А. Рачинскому* // *Philologia Classica*. 2019. Т. 14, № 1. С. 121–130.
11. *Зубарев А.Д. «Все они впоследствии занимались литературой...». Еще раз о бакинском периоде Вяч. Иванова* // *Donum homini universalis: сб. статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева* / сост. Н.А. Богомолов, А.В. Лавров, Г.В. Обатнин. М.: ОГИ, 2011. С. 127–135.
12. *Клюкин П. Творческое наследие Г.А. Харазова в контексте развития экономической теории воспроизводства* // *Вопросы экономики*. 2008. № 2. С. 133–149.
13. *Котрелев Н.В. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета* // *Ученые записки Тартуского государственного университета*. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1968. Вып. 209: Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. С. 326–339.
14. *Лавров А.В. В.А. Мануйлов — ученик Вяч. Иванова* // *Вячеслав Иванов. Исследования и материалы*. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 620–668.
15. *Лаппо-Данилевский К.Ю. О «Разговорах с Вяч. Ивановым» М.С. Альтмана* // *Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым* / сост. и подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. С. 109–121.
16. *Лаппо-Данилевский К.Ю. Примечательные метаморфозы (Вяч. Иванов о европейском гуманизме)* // *Вячеслав Иванов. Исследования и материалы*. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 99–121.
17. *Лосев А.Ф. Классическая калокагатия и ее типы* // *Вопросы эстетики*. 1960. № 3. С. 411–475.

18. *Обатнин Г.* «Філіа» Вяч. Иванова как ракурс к биографии // Вяч. Иванов: pro et contra, антология: в 2 т. / сост. К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин. СПб.: ЦСО, 2016. Т. 2. С. 411–436.
19. *Селиванов В.В.* Вяч.И. Иванов и Н.Я. Марр в жизни и творческой судьбе К.М. Колобовой (часть I) // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира / под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. Вып. 5. С. 487–510.
20. *Титаренко С.Д.* Кистолованию заметок Вячеслава Иванова на полях диалога Платона «Федр» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 402–416.
21. *Титаренко С.Д.* Мистериально-мифологическая природа жанра мелопеи «Человек» в творчестве Вячеслава Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. Ч. 2. Вып. 2. С. 55–64.
22. *Цимборска-Лебода М.* Эрос в творчестве Вячеслава Иванова: На пути к философии любви. Lublin: Wydawn UMCS Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2002. 224 с.
23. *Шишкин А.Б.* Вячеслав Иванов и Италия // Русско-итальянский архив [I] = Archivio russo-italiano [I] / сост. Д. Рицци, А. Шишкин. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1997. С. 503–562.
24. *Шишкин А.Б.* Проект Советской Академии в Риме (1924): Вяч.И. Иванов, А.В. Луначарский, П.С. Коган и другие // Литературный факт. 2021. № 1 (23). С. 55–99.
25. *Bonner K.* Eros and Ironic Intoxication: Profound Longing Madness and Discipleship in Plato's Symposium and in Modern Life // History of the Human Science. 2013. № 26 (5). P. 116–133.
26. *Bussanich J.* Socrates the Mystic // Traditions of Platonism. Essays in the Honor of John Dillon / ed. by John Cleary. Aldershot: Ashgate, 1999. P. 29–51.
27. *Ermolaeva E.* Three Greek Poems by the Neo-Humanist Vyacheslav Ivanov (1866–1949) // MELICHA DÔRA. Poems and Prose in Greek from Renaissance to Early Modern Europe / ed. by Mika Kajava, Tua Korhonen and Jamie Vestrienen. Vaasa: Societas Scientiarum Fennica, 2020. P. 333–348.
28. *Gerhke Ch.* Georg von Charasoff: A Neglected Contributor to the Classical-Marxian Tradition // History of Economics Review. 2015. Vol. 62 (1). P. 1–37.
29. *Held D.* Eros, Beauty and the Divine in Plato // New England Classical Journal. 2009. Vol. 36 (3). P. 155–167.

30. *Jaeger W.* Paideia: Die Formung des griechischen Menschen. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1934–1947. Bd. 1–3. 1398 S.
31. *Keime Ch.* The Role of Diotima in the Symposium: The Dialogue and Its Double // *Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy* / ed. by Gabriele Cornelli. Berlin: Walter de Gruyter, 2015. P. 379–400.
32. *Lucas_v_leyden* [Соболев А.А.]. Многогранник // LiveJournal: сервис для ведения блога и развития сообщества. URL: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/262625.html> (дата обращения: 19.03.2024).
33. *Lucas_v_leyden* [Соболев А.А.]. Новый документ к теме «Вяч. Иванов в Баку»: «Багриада» // LiveJournal: сервис для ведения блога и развития сообщества. URL: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/159684.html> (дата обращения: 19.03.2024).
34. *Sheffield F.C.C.* Beyond Eros: Friendship in the Phaedrus // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 2011. Vol. 111. P. 251–273.
35. *Strauss L.* Socrates and Aristophanes. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1966. 321 p.
36. *Strauss L.* Xenophon's Socratic Discourse: An Interpretation of the "Oeconomicus". Ithaca: Cornell University Press, 1971. 181 p.
37. *Urstad K.* Loving Socrates: The Individual and the Ladder of Love in Plato's "Symposium" // *Res cogitans. Journal of Philosophy*. 2010. № 7 (1). P. 33–46.

Источники

38. *Альтман М.С.* Из дневников 1919–1924 гг. // *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост. и подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. С. 213–279.
39. *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост. и подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. С. 14–108.
40. *Альтман М.* Царь Киммерии // *Воспоминания о Максимилиане Волошине* / сост. и коммент. В.П. Купченко и З.Д. Давыдова. М.: Сов. писатель, 1990. С. 583–589.
41. *Бердяев Н.А.* Ивановские среды // *Русская Литература XX века* / под ред. проф. С.А. Венгерова. М.: Изд-во т-ва Мир, [1917]. Т. III. Кн. VIII. С. 97–100.
42. Вестник Удмуртского университета. Специальный выпуск, посвященный Е.А. Миллиору / сост. Д.И. Черашняя. Ижевск, 1995. 156 с.
43. *Герштейн Э.* Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 74–114.

44. *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство // Символ. 2015. № 65. С. 9–430.
45. *Иванов Вяч.* Избранная переписка с сыном Дмитрием и дочерью Лидией (1925–1941) // Символ. 2008. № 53–54. С. 460–627.
46. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
47. *Иванов Вяч.* Эллинская религия страдающего бога // Символ. 2014. № 64. С. 7–203.
48. Иванова Л.В. Воспоминания: книга об отце. Paris: Atheneum, 1990. 431 с.
49. История и поэзия. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / изд. текстов, исслед. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
50. «Какая светлая стезя...»: жизнь и творчество Нелли Миллиор / сост. Д.И. Черашняя. Ижевск: Алкид, 2017, 533 с.
51. *Мануйлов В.А.* О Вячеславе Иванове // *В.А. Мануйлов.* Записки счастливого человека. Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов / под ред. Н.Ф. Будановой. СПб.: Европейский Дом, 1999. С. 86–107.
52. *Мануйлов В.А.* Стихи разных лет. 1921–1983. Л.: Сов. писатель, 1983. 182 с.
53. О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) / вступ. статья А.Г. Меца и Е.А. Тоддеса; публ. и подгот. текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца; коммент. О.К. Лекманова, А.Г. Меца, Е.А. Тоддеса // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме. СПб.: Академический проект, 1997. С. 7–184.
54. *Миллиор Е.А.* Беседы философские и не философские // Вестник Удмуртского университета. Специальный выпуск, посвященный Е.А. Миллиор / сост. Д.И. Черашняя. Ижевск, 1995. С. 11–27.
55. *Миллиор Е.С.* Вспоминая Вяч. Иванова и кружок «Чаша» // «Какая светлая стезя...»: жизнь и творчество Нелли Миллиор / сост. Д.И. Черашняя. Ижевск: Алкид, 2017. С. 37–69.
56. Переписка В.И. Иванова и О.А. Шор // Русско-итальянский архив III = Archivio russo-italiano III / a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001. С. 151–455. (Collana di Europa Orientalis)
57. Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 238–295.

58. Письма Лидии Вячеславовны Ивановой Елене Александровне Миллиор. 1924–1939 / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Т.В. Мисникевич. Рим; СПб.: Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме, 2019. 39 с. URL: https://www.v-ivanov.it/files/4/4_PismaLVI-ivanov_Millior_Web.pdf (дата обращения: 10.03.2024).
59. Троицкий С.В. Воспоминания / публ. А.В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 41–88.
60. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. М.: Путь, 1914. 490 с.

References

1. Averintsev, S.S. “Bakhtin, smekh, khristianskaia kul'tura” [“Bakhtin, Laughter, Christian Culture”]. *Rossiiia — Russia*, no. 6, 1988, pp. 119–130. (In Russ.)
2. Averintsev, S.S. “‘Skvoreshnits vol'nykh grazhdanin...’” [“‘The Freestyle Citizen of Starling-Nests...’”]. *Viacheslav Ivanov: Put' poeta mezhdumirami* [Vyacheslav Ivanov: The Poet's Path Between Worlds]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2001. 177 p. (In Russ.)
3. Apresian, R.G. “Slova liubvi: Eros, Philia, Agape” [“Words of Love: Eros, Philia, Agape”]. *Filosofia i kul'tura*, no. 8 (56), 2012, pp. 27–40. Available at: https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/Apressyan/Slova_lyubvi.pdf (Accessed 19 March 2024). (In Russ.)
4. Berd, R. “Viach. Ivanov i Sovetskaia vlast' (1919–1929): Neizvestnye materialy” [“Ivanov and Soviet Power (1919–1929): Unknown Materials”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 40, 1999, pp. 305–331. (In Russ.)
5. Bitiutskaia, A.A. “Eticheskii aspekt liubvi v filosofii Viacheslava Ivanova” [“The Ethical Aspect of Love in the Philosophy of Vyacheslav Ivanov”]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofia*, no. 3, 2002, pp. 79–83. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2022/03/2022-03-10.pdf> (Accessed 19 March 2024). (In Russ.)
6. Bogomolov, N.A. “Peterburgskie gafizity” [“Petersburg Gafizites”]. Bogomolov, N.A. *Mikhail Kuzmin: stat'i i materialy* [Mikhail Kuzmin: Articles and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1995, pp. 67–98. (In Russ.)
7. Gasparov, M.L. “Vera Merkur'eva (1876–1943). Stikhi i zhizn'” [“Vera Merkur'eva (1876–1943). Poems and Life”]. *Litsa. Biograficheskii al'manakh*, issue 5. Moscow, St. Petersburg, Fenis Publ., Atheneum Publ., 1994, pp. 5–97. (In Russ.)

8. Deshart, O. "Vvedenie" ["Introduction"]. Ivanov, D.V., and O. Deshart, editors. *Ivanov Viach. Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Ivanov Vyach. Collected Works: in 4 vols.], vol. I. Briussel', Foyer oriental chrétien, 1971, pp. 7–227. (In Russ.)
9. Enisherlov, V. "Moi milyi Solntsevert'" ["My Beloved Solntsevert'"]. *Nashe nasledie*, no. 118, 2016. Available at: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11808.php> (Accessed 19.03.2024). (In Russ.)
10. Ermolaeva, E.L. "Grecheskoe poslanie Viach. Ivanova G.A. Rachinskomu" ["Vyach. Ivanov's Greek Message to G.A. Rachinsky"]. *Philologia Classica*, vol. 14, no. 1, 2019, pp. 121–130. (In Russ.)
11. Zubarev, L.D. "Vse oni vposledstvii zanimalis' literaturoi... Eshche raz o bakinskom periode Viach. Ivanova" ["They all later engaged in literature... Once Again about Vyach. Ivanov's Baku Period"]. *Donum homini universalis: sbornik statei v chest' 70-letii N.V. Kotreleva* [Donum homini universalis: Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of N.V. Kotrelev], comp. N.A. Bogomolov, A.V. Lavrov, G.V. Obatnin. Moscow, OGI Publ., 2011, pp. 127–135. (In Russ.)
12. Kliukin, P. "Tvorcheskoe nasledie G.A. Kharazova v kontekste razvitiia ekonomicheskoi teorii vosпроизводства" ["The Creative Legacy of G.A. Kharazov in the Context of the Development of the Economic Theory of Reproduction"]. *Voprosy ekonomiki*, no. 2, 2008, pp. 133–149. (In Russ.)
13. Kotrelev, N.V. "Viach. Ivanov — professor Bakinskogo universiteta" ["Vyach. Ivanov — Professor of Baku University"]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Tartu State University], issue 209: Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. XI. Literaturovedenie: sbornik [Works on Russian and Slavic philology. XI. Literary studies: collections]. Tartu, Tartu State University Publ., 1968, pp. 326–339. (In Russ.)
14. Lavrov, A.V. "V.A. Manuilov — uchenik Viach. Ivanova" ["V.A. Manuilov — Student of Vyach. Ivanov"]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 1, ex. ed. K.Iu. Lappo-Danilevskii and A.B. Shishkin. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 620–668. (In Russ.)
15. Lappo-Danilevskii, K.Iu. "O 'Razgovorakh s Viach. Ivanovym' M.S. Al'tmana" ["On 'Conversations with Vyacheslav Ivanov' by M.S. Altman"]. Al'tman, M.S. *Razgovory s Viacheslavom Ivanovym* [Conversations with Vyacheslav Ivanov], comp. and text prep. by V.A. Dymshits and K.Iu. Lappo-Danilevskii. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1995, pp. 109–121. (In Russ.)

16. Lappo-Danilevskii, K.Iu. "Primechatel'nye metamorfozy (Viach. Ivanov o evropeiskom gumanizme)" ["Notable Metamorphoses (Vyach. Ivanov on European Humanism)"]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 1, ex. ed. K.Yu. Lappo-Danilevskii and A.B. Shishkin. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 99–121. (In Russ.)
17. Losev, A.F. "Klassicheskaia kalokagatiia i ee tipy" ["Classical Kalokagathia and its Types"]. *Voprosy estetiki*, no. 3, 1960, pp. 411–475. (In Russ.)
18. Obatnin, G. "Φιλία' Viach. Ivanova kak rakurs k biografii" ["Φιλία' by Vyach. Ivanov as a Perspective on Biography"]. *Viach. Ivanov: pro et contra, antologiiia: v 2 t.* [Vyach. Ivanov: pro et contra, anthology: in 2 vols.], comp. K.G. Isupov, A.B. Shishkin, vol. 2. St. Petersburg, TsSO Publ., 2016, pp. 411–436. (In Russ.)
19. Selivanov, V.V. "Viach.I. Ivanov i N.Ia. Marr v zhizni i tvorcheskoi sud'be K.M. Kolobovoi (chast' I)" ["Vyach.I. Ivanov and N.Ya. Marr in the Life and Creative Destiny of K.M. Kolobova (Part I)"]. Frolov, E.D, editor. *MNEMON. Issledovaniia i publikatsii po istorii antichnogo mira* [MNEMON. Research and Publications on the History of the Ancient World], issue 5. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2006, pp. 487–510. (In Russ.)
20. Titarenko, S.D. "K istolkovaniiu zametok Viacheslava Ivanova na poliakh dialoga Platona 'Fedr'" ["On the Interpretation of Vyacheslav Ivanov's Notes in the Margins of Plato's 'Phaedrus' Dialogue"]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 1, ex. ed. K.Iu. Lappo-Danilevskii and A.B. Shishkin. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 402–416. (In Russ.)
21. Titarenko, S.D. "Misterial'no-mifologicheskaia priroda zhanra melopei 'Chelovek' v tvorchestve Viacheslava Ivanova" ["The Mysterical-Mythological Nature of the Melopeia Genre 'Man' in the Works of Vyacheslav Ivanov"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 9. Filologiiia. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, part 2, issue 2, 2009, pp. 55–64. (In Russ.)
22. Tsimborska-Leboda, M. *Eros v tvorchestve Viacheslava Ivanova: Na puti k filosofii liubvi* [Eros in the "Oeuvre": of Vyacheslav Ivanov: On the Path to the Philosophy of Love]. Lublin, Wydawn UMCS Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2002. 224 p. (In Russ.)
23. Shishkin, A.B. "Viacheslav Ivanov i Italiia" ["Vyacheslav Ivanov and Italy"]. *Russko-ital'ianskii arkhiv [I]* [Russian-Italian Archive I] = *Archivio russo-italiano [I]*, comp. D. Ritsti, A. Shishkin. Trento, Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1997, pp. 503–562. (In Russ.)

24. Shishkin, A.B. "Proekt Sovetskoi Akademii v Rime (1924): Viach.I. Ivanov, A.V. Lunacharskii, P.S. Kogan i drugie" ["The Plan for a Soviet Academy in Rome (1924): Viacheslav Ivanov, Anatoly Lunacharsky, Petr Kogan and Others"]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2021, pp. 55–99. (In Russ.)
25. Bonner, Kieran. "Eros and Ironic Intoxication: Profound Longing Madness and Discipleship in Plato's Symposium and in Modern Life." *History of the Human Science*, no. 26 (5), 2013, pp. 116–133. (In English)
26. Bussanich, John. "Socrates the Mystic". Cleary, John, editor. *Traditions of Platonism. Essays in the Honor of John Dillon*. Aldershot, Ashgate 1999, pp. 29–51. (In English)
27. Ermolaeva, E. "Three Greek Poems by the Neo-Humanist Vyacheslav Ivanov (1866–1949)." Kajava, Mika, Korhonen, Tua, and Jamie Vestrinen, editors. *MELICHA DÕRA. Poems and Prose in Greek from Renaissance to Early Modern Europe*. Vaasa, Societas Scientiarum Fennica, 2020, pp. 333–348. (In English)
28. Gerhke, Christian. "Georg von Charasoff: A Neglected Contributor to the Classical-Marxian Tradition." *History of Economics Review*, vol. 62 (1), 2015, pp. 1–37. (In English)
29. Held, Dirk. "Eros, Beauty and the Divine in Plato." *New England Classical Journal*, vol. 36 (3), 2009, pp. 155–167. (In English)
30. Jaeger, Werner. *Paideia: Die Formung des griechischen Menschen*, 3 Bände. Berlin, Walter de Gruyter & Co., 1934–1947. 1398 S. (In German)
31. Keime, Christian. "The Role of Diotima in the Symposium: The Dialogue and Its Double." Cornelli, Gabriele, editor. *Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy*. Berlin, Walter de Gruyter, 2015, pp. 379–400. (In English)
32. Lucas_v_leyden [Sobolev, A.L.]. "Mnogogrannik" ["Polyhedron"]. *LiveJournal: servis dlia vedeniia bloga i razvitiia soobshchestva* [LiveJournal: a Service for Blogging and Community Development]. Available at: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/262625.html> (Accessed 19 March 2024). (In Russ.)
33. Lucas_v_leyden [Sobolev, A.L.]. "Novyi dokument k teme 'Viach. Ivanov v Baku': 'Bagriada'" ["New document on the topic 'Vyach. Ivanov in Baku': 'Bagriada'"]. *LiveJournal: servis dlia vedeniia bloga i razvitiia soobshchestva* [LiveJournal: a Service for Blogging and Community Development]. Available at: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/159684.html> (Accessed 19 March 2024). (In Russ.)
34. Sheffield, Freesbee C.C. "Beyond Eros: Friendship in the Phaedrus." *Proceedings of the Aristotelian Society*, vol. III, 2011, pp. 251–273. (In English)

35. Strauss, Leo. *Socrates and Aristophanes*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1966. 321 p. (In English)
36. Strauss, Leo. *Xenophon's Socratic Discourse: An Interpretation of the "Oeconomicus"*. Ithaca, Cornell University Press, 1971. 181 p. (In English)
37. Urstad, Kristian. "Loving Socrates: The Individual and the Ladder of Love in Plato's *Symposium*." *Res cogitans. Journal of Philosophy*, no. 7 (1), 2010, pp. 33–46. (In English)